

Александр и Ксения
Рудазовы

СЕМЬЯ
ВОЛШЕБНИКОВ
ТОМ 1

Александр Валентинович Рудазов
Ксения Рудазова
Семья волшебников. Том 1
Серия «Семья волшебников», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Это история о детях и их родителях. Здесь не будет эпических событий и сражений мегасущностей. Просто повседневная жизнь одной семьи, пусть и чуточку необычной даже по меркам Мистерии, страны волшебников и чародеев. История взросления, связанные с этим трудности и веселые приключения. То, что происходит со всеми детьми – игры, учеба, семейные конфликты, колдовство, призыв демонов...

Самое обычное детство.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	37
Глава 3	63
Глава 4	84
Глава 5	113
Глава 6	146
Глава 7	167
Глава 8	187
Конец ознакомительного фрагмента.	193

Александр Рудазов, Ксения Рудазова Семья волшебников. Том 1

Глава 1

До конца 1523 года Новой Эпохи осталось двое суток. Завтра весь Парифат справляет Бонадис или Добрый День, а сегодня день Бриллиантового Горностая, также называемый Постремидисом. В этот светлый праздник богачи дарят своим женам бриллианты и меха, полагая, что богатство дает право дарить что-то близким не только на новый год, но и днем раньше.

Но подавляющее большинство все же откладывает подарки на завтра. И основное празднование тоже будет завтра – а в Постремидис принято подводить итоги года, вспоминать все плохое и хорошее, отдыхать и готовиться к Доброму Дню.

Добрый День – семейный праздник, и отмечают его всей семьей. На улицах заранее развешивают гирлянды, а в городах побогаче – волшебную иллюминацию. Украшают дворики и деревья, ставят традиционные бонадисные пьесы и справляют праздничные службы в храмах. Вечером все со-

бираются за столом, прощают друг другу обиды и ждут богиню Юмплу, которая ночью принесет детям подарки.

Астрид ждала подарков вместе со всеми остальными. В свои почти четыре годика она уже усвоила важную для каждого ребенка истину: хорошие дети на Добрый День получают дары. А плохие... плохие весь год получают от мамы по попе.

Потому что мама у Астрид злая. Мама – демон.

Так что Астрид уже в Постреמידис вела себя хорошо. Не баловалась, не шалила, а смиренно сидела перед стенным дальнезеркалом и смотрела детскую передачу – «Слово волшебства». Как и каждый праздник, розовощекий бородатый гном появился по ту сторону стекла вместе со своим фамиллиаром, златошерстным котом.

– С Последним Днем вас, мои маленькие зеркалоглядь! – сусально улыбаясь, сказал он. – Поздоровайся с нашими друзьями, Златовласка!

Кошка нехотя мяукнула и принялась вылизываться. Астрид подползла поближе к зеркалу, чтобы ничего не пропустить. Она очень любила праздничные сказки.

– Сегодня я расскажу вам, мои юные зеркалоглядь, жуткую, но поучительную историю, – сказал гном, прихлебнув из кружки чай и зачем-то понюхав лимон. Он крякнул, еще сильнее порозовел и раскрыл огромный том с цветными картинками. – Один волшебник женился, остепенился и занялся хозяйством. Но как ты волшебника ни корми – его все

тянет к чудесам, превращениям и удивительным приключениям...

– Меня не тянет, – сказал папа, проходя мимо. – В анналы чуда и приключения.

– Майно!.. – донесся недовольный голос.

– В анналы истории, любимая. Потому что все это в прошлом. Астрид, запомни, нет ничего слаще скуки. Но ты это понимаешь только тогда, когда она исчезает из твоей жизни.

Астрид не слушала. Она слушала сказку и все сильнее раздражалась, потому что папа зачем-то заглушал ее своими нравоучениями.

– ...И вот волшебник схватился за голову! – вещал гном, наливая себе еще чая. – И сказал: что же я наделал, как же мне теперь быть?! И тут явился к нему добрый дух, посланец Юмплы...

Астрид увлеченно подалась вперед. Как раз в этот момент зеркало заслонила мама, но она принесла какао с печеньем, так что Астрид решила простить ее за секунду упущенной сказки. Зеркальный гном и его кошка как раз перешли к рисуночному театру и начали оживлять кукол, а это Астрид особенно любила.

Рядом улегся Тифон. Его не интересовала сказка, зато интересовало печенье. Астрид торопливо засунула его в рот и покосилась на пса с подозрением.

– ...Ты сможешь вернуть себе магию только научившись радоваться жизни, творя добрые дела и избавившись от жад-

ности!.. – донеслось из зеркала.

Астрид засопела и нехотя поделилась печеньем с Тифоном. Пусть знает ее доброту. Повезло ему, что завтра Добрый День.

Пес аккуратно взял печенье, и его голова превратилась в три. Он любил есть сразу тремя глотками, потому что так было в три раза вкуснее. Пока одна пасть разгрызала печеньку, обильно кроша на пол, две остальные облизнулись и усталились на Астрид.

– Избавься от жадности, Тифон, – нравоучительно сказала девочка.

Родители тем временем пили кофе на кухне. Енот Ихалайнен мыл посуду, попугай Матти склевывал с тарелочки зерна, а Дегатти и Лахджа пристально смотрели друг на друга.

Два с половиной года они провели в этой тесной квартире. Нет, благодаря многомерному кошелю, этому чуду волшебной мысли, тесной она была очень условно. В кошеле помещался целый дом, там располагались конюшня, библиотека и куча кладовых. Но жить там всем вместе было странно – как жить в подвале, пусть даже очень большом. Там вроде бы и есть все, и там очень просторно, но ты все равно помнишь, что это подвал, и он тебе от этого кажется каким-то затхлым и неудобным.

Так что большую часть времени они проводили в квартире при общежитии. После того, как они оформили отношения официально, и с Дегатти снова начали здороваться за ру-

ку, ему выделили двухкомнатное жилье, для малосемейных. Он пытался доказывать, что фамиллиары – тоже часть семьи, и их тоже следует учитывать, но правила Клеверного Ансамбля подобного не предусматривали. Ему предложили места в зверинце для волшебных животных, но от этого Дегатти отказался.

Первое время он вообще почти не покидал Клеверный Ансамбль. Над их странной семьей висела тень бывшего мужа Лахджи, и они всерьез опасались его мести. Потом о себе напомнил Вератор, и потянулись ужасные луны расплаты по долгам. У Майно Дегатти почти не оставалось свободного времени – то и дело дергали решать чужие проблемы.

Но теперь вроде все. Кажется. Дегатти не был уверен, Вератор не предоставляет отчетностей. Ему приходится верить на слово, но даже тут Вератор скуповат на сведения.

– Ты опять закрыл от меня срез памяти, – заметила Лахджа, помешивая кофе. – Ты был в игорном доме?

– Нет, – почти искренне ответил Дегатти. – А ты опять занималась... своим хобби?

– Нет, – почти искренне ответила Лахджа.

Снова пристальные взгляды. Безмолвное телепатическое общение. Дегатти попытался проникнуть в запретную область разума жены, а та деликатно его оттолкнула. Он попытался настойчивее, и она гневно сверкнула глазами. На столе задребезжала кастрюля, а молоко в кофе свернулось и всплыло бесформенными сгустками.

– Выплеск скверны, – спокойно прокомментировал Дегатти. – Ты не контролируешь себя.

– Я контролирую себя, когда меня не провоцируют, – сказала Лахджа, выплескивая кофе в петунии за окном. – Я помню, как быть человеком. Я веду себя как человек.

– Ты думаешь, что ведешь себя как человек.

– Ты просто хочешь принизить меня. Тебе мало контролировать мою жизнь. Ты хочешь еще контролировать мои мысли.

– Ты фамилиар. И моя жена. И этот контроль работает в обе стороны.

– Не заметила.

Они помолчали еще. Енот изучил содержимое молочника, вздохнул и стал заваривать чай. Черный кофе в семье никто не любил.

Напряжение за столом становилось все ощутимей. Лахджа молча смотрела в стену. Дегатти казался невозмутимым... до какого-то момента. В конце концов он вскочил, судорожно сунул ноги в туфли и рявкнул:

– Ну вот, опять я виноват!

Волшебник пронесся через всю квартиру и хлопнул дверью. Лахджа тут же ее распахнула и крикнула вслед:

– Молока купи!

– И шоколадку! – добавила Астрид.

– Астрид, у нас полно шоколадок, – сказала Лахджа, усаживаясь на стул и прикрывая лицо ладонью.

– Где?! – вскочила девочка.

– Это на Добрый День, – прикрыла крышку холодильного сундука демоница.

– Добрый День только завтра! Слишком долго ждать!

– Хорошо, одну шоколадку.

– Все!

– Одну!

– Все!!!

– Не зли меня, Астрид! – повысила голос Лахджа.

Астрид закатила истерику и принялась кататься по полу.

Но мама на такое никогда не реагировала. Она просто переступила через дочь и уселась в кресло с книгой.

– Я себе все волосы выйву, – сказала Астрид, прекращая плакать.

– Зачем? – спокойно спросила мама.

– От гоя. Как пьёклятый волшебник из сказки.

– В этих сказках слишком много насилия, – заметила Лахджа, жуя шоколадку.

Дегатти тем временем шагал по улице и злобно бормотал, репетируя диалог с женой. Как он ей ответит, и как она ему ответит, и как он ей снова ответит... и будет прав!.. А она, конечно, скажет что-нибудь колкое и ядовитое... и будет знать, что неправы, но испорченные нервы не вернешь!..

Мысли он тщательно прикрывал. Лахджа повадилась их подслушивать, со зловредным упорством обходя его защиту.

Он вот так с ней не делает, он всегда проявляет деликат-

ность. Ее мысли – это ее мысли. Чем захочет, тем поделится, чем не захочет, то останется при ней.

Ну да, бывали перегибы и просто случайные проколы. Волшебнику и его фамиллиарам сложно прокладывать четкие границы, мысли постоянно перетекают туда-сюда... к тому же тогда он всерьез о ней беспокоился! Его можно понять.

А вот ее не поймешь. Демоны... женщины... женщины-демоны. Угораздило же его.

Что она там просила, молока?.. Сейчас... и шоколадку дочери...

Он сердито шагал по улицам Валестры. Мимо лавок, украшенных к Доброму Дню. Почти каждый домовладелец Валестры почитает своим долгом украсить фасад, входную дверь и все балконы гирляндами. У крылечек фигурки из цветного картона, изображающие свейнаров – прислужников Юмплы. Кое-где видна и она сама – добродушного вида бабушка в расписном платке и с огромным мешком за спиной.

Все, кто проходил мимо Дегатти, радостно щебетали и поздравляли его с наступающим, а он бормотал что-то невнятное, все еще погруженный в свои мысли. Он не заметил даже шествие предвестников Двадцать Седьмого, которые тоже готовились к Доброму Дню. Хотя в любой другой день удивился бы и немного разозлился, потому что знал об этих верочумцах кое-что неприглядное и даже страшное.

– О, Майно, давно не виделись, – раздался добродушный голос. – А у меня тут новые игровые големы. Опробуешь?

Дегатти остановился и опустил взгляд. Лепрекон в зеленом сюртучке попыхивал трубкой и смотрел так, как умеют смотреть только лепреконы.

– Мэтр Сталеклык, – неохотно кивнул Дегатти. – Не сегодня.

Лепрекон улыбнулся и снова приподнял котелок, приветствуя... нет, не друга. Их с Дегатти отношения можно было назвать по-разному, но уж точно не дружескими.

Впрочем, врагами они тоже не были. Периодически пересекались за столом для маноры, а с тех пор, как Сталеклык открыл свое дело... Майно Дегатти осознавал, что у него проблемы с азартными играми, поэтому контролировал себя. Он играл ровно столько, сколько следует, и мог остановиться в любой момент.

В любой момент.

На вывеске плясали лепрекончики, подставляя горшочки под сыплющееся сверху золото. Волшебная иллюминация зазывно блестела и мигала. Прохожие невольно поворачивали головы, и Сталеклык окликал каждого, кто казался достойным внимания.

– Заходите, заходите к нам, мэтры и мессеры!.. – окликал он. – Молодые люди, благородные дамы, и вы, искусник Бурдюк!..

– Пошел на кир, – огрызнулся угрюмый гоблин.

– А у нас сегодня праздничные тарифы! – воскликнул Сталеклык. – Все выигрыши умножены на праздничную

ставку!

Дегатти задумался, почему он все еще тут стоит. Тем более, что дождь накрапывает... куда смотрит Метеорика? Дождь над Валестрой, прямо перед Добрым Днем... спасибо, что не пурга.

Кто-то явно начал отмечать раньше времени.

– Мэтр Дегатти, зайдите, укройтесь от дождя, – ласково попросил лепреккон. – У меня бесплатное угощение, огненный пудинг и бокал гарийского каждому гостю. Играть не обязательно!..

– Ну раз играть не обязательно... – протянул Дегатти, перешагивая порог.

Дальше все было как в тумане. Лепреконова магия, не иначе. Он выпил бокальчик, потом другой. Сталеклык все подливал и говорил, что это ничего. Посетителей немного, а с приятным собеседником посидеть только в радость.

И дождь все не унимался...

А вокруг звенели и гремели игровые големы. Эти разноцветные болваны, которых горазд мастерить Сталеклык. Он магистр Ферраменга и известный на всю Мистерию пройдоха. Не магиоз, нет... он никогда не делает ничего незаконного.

Но он не делает это так... что у Кустодиана постоянно к нему вопросы.

Впрочем, Дегатти и сам таков. Они на этой почве со Сталеклыком и познакомились. Ему ли не знать, насколько глу-

боким иногда бывает недопонимание между волшебником и законом?

– Как ваша дражайшая женушка поживает? – невзначай спросил лепрекон, пока Дегатти разглядывал игрового голема.

– Все хорошо, спасибо, – рассеянно ответил волшебник. – Значит, я кладу сюда монету, и голем достает из мешка шесть случайных предметов, верно?..

– Именно. Если комбинация будет выигрышной – он отдаст тебе монету с лихвой. Все выигрышные комбинации здесь, на боку голема.

Дегатти изучил длинный список. А шансы-то неплохие... И суммы небольшие совсем, баловство...

А сегодня Последний День... когда еще расслабиться и забыть о невзгодах? Он уже полгода не играл даже в манору по маленькой, можно же позволить себе небольшой праздник?..

Големы были самые разные. От неказистого и нелепого, которого Сталеклык создал самым первым, до огромного многорукого чудовища, торчащего в центре зала и играющего одновременно с тридцатью шестью гостями. Дегатти переходил от одного к другому, кидал в прорези на груди големов медные лемы и лемасы... потом серебряные дайки и дайкисы... а в какой-то момент кинул золотой орбис, решив, что терять уже нечего...

– ...В смысле я проиграл все наши деньги?! – растерянно

воскликнул он, роясь в кошеле. – Нет, у меня еще была за-
начка... нет?.. где?..

Волшебника охватило отчаяние. Липкий холодный ужас
рос в его душе...

...И на этот ужас обратило внимание кошмарное чудови-
ще. Демон из закрюченного пространства, вторгшийся в глу-
бины его подсознания и пустивший там корни...

...В смысле ты проиграл все наши деньги?!

*Я сам тут разберусь! Это просто недоразумение! Успо-
койся!*

Мысли волшебника и его фамилиара – это не просто те-
лепатия. Они делят общее ментальное пространство и мо-
гут думать в унисон. Дегатти немного ослабил контроль,
и Лахджа сразу прорвалась, сразу увидела, что произошло...
и сразу пришла в ярость.

Клеверный Ансамбль не совсем в Валестре, он как бы от-
дельно. Этот гигантский образовательный комплекс – насто-
ящее сердце Мистерии, и многие даже считают, что это не он
находится при столице, а столица – своеобразное приложе-
ние к учебному заведению, разросшийся университетский
городок. Но как ни посмотри, расстояние между ними неве-
лико, особенно для крылатого демона.

Лахджа вышла прямо в окно, наказав Астрид сидеть ти-
хо и смотреть дальнозеркало. И лепреконов игорный дом
она увидела издали. Он выделялся среди прочих зданий...
над ним висела грозовая тучка. Хлестал бурный ливень –

только над самым домом и дорогой перед ним.

– ...Деньги закончились?.. – посочувствовал Сталеклык. – Эх, мэтр Дегатти, как же вам сегодня не повезло. Лучше б вам тогда пойти домой и отметить Последний День с семьей.

– Для меня он действительно будет последним, – сказал волшебник, пялясь на равнодушную рожу голема.

Тот ждал следующую монету. Ее не поступало, и голем начинал тревожиться. Металлические пальцы принялись выбивать нетерпеливый ритм. Еще два голема тоже повернулись к Дегатти...

...Дверь распахнулась. На пороге стояла очень красивая, но очень злая женщина с хвостом и крыльями. Серебристая кожа переливалась мельчайшими чешуйками, по плечам струились платиновые волосы.

– Какого кира?! – воскликнула она. – Такой ты подарок приготовил нам на Добрый День?!

На плече Лахджи сидел попугай. При виде игровых големов он раскрыл клюв и раскатисто произнес:

– Интер-ресный факт! Пер-рвый пр-рототип игр-рового голема был построен в 890 году, в Фер-рамии! Во вр-ремя Големной Смуты они тоже вышли из-под контр-роля, но в отличие от остальных големов, не только убивали своих хозяев, но и гр-рабили, за что их стали называть многор-руки-ми бандитами!

Лахджа немного нервно покосилась на попугая. При тесном знакомстве Матти оказался чертовым занудой. Он хра-

нил в пернатой головенке безумный ворох фактов из разных сфер знания и выплевывал их по малейшему поводу, причем не интересовался, желают ли его слушать.

Нет, он очень полезный фамиллиар. Как живая Википедия. У него в голове всегда есть подходящий рецепт или инструкция к артефакту, и он сразу выдает именно то, что тебе нужно. Но не очень-то приятно просто, скажем, есть селедку и внезапно узнавать интересный факт о том, что большая часть морской рыбы заражена глистами и поедание малосольной селедки увеличивает шанс их подцепить.

– О, Лахджа, слава Кому-То-Там! – отчаянно повернулся к ней Дегатти. Его глаза лихорадочно блестели. – У тебя же есть заначка! Я почти выиграл, мне только что пришла такая комбинация!..

– Да, он почти выиграл, – подтвердил Сталеклык, хищно глядя на Лахджу.

Та молча пнула ближайшего голема, ответив злым взглядом. Она терпеть не могла лепреконов... сама не знала, почему, но они ее страшно бесили.

А еще ее бесили игорные дома, потому что порой в них уплывал хороший кусок семейного бюджета.

– Ты бы никогда не выиграл! – выпалила демоница. – Тут же все запрограммировано, чтобы выдавать чуть меньше, чем ты ставишь! Ты проигрываешь как только зашел в казино, Майно!!!

– Неправда! – пискнул Сталеклык, прячась под многору-

ким големом.

Руки Лахджи превратились в костяные молоты. Ноги расплылись десятком щупальцев, она намертво прилипла к полу, и принялась гвоздить ближайших големов. Прежде, чем Дегатти успел заорать, а Сталеклык – что-то сделать, чья-то бронзовая башка уже раскололась. Попугай с криком взлетел и принялся кружить над беснующейся демоницей.

Другие игроки взирали на это с живым интересом. Тут все проигрывали, поэтому никто особо не возмущался, а многие даже ухмылялись. Какой-то тролль даже украдкой сотворил заклятие и разорвал игровому голему грудь, выгребая оттуда серебро и медь.

– Вы что творите, магиозы?! – заверещал Сталеклык, отчаянно дыша на дальнзеркало. – Мои големы!.. Я вызываю Кустодиан!..

Его выдернуло из-под голема гибким щупальцем. Лахджа вскинула лепрекона в воздух и гневно зашипела:

– А я тебя помню! Ты же прекрасно знаешь, что мой муж!.. ты специально дождь создал! Поганый Ра... как тебя звать?!

– Любимая, успокойся, пойдем, не надо разносить игорный дом, он чужой! – взмолился Дегатти. – Мы только-только вылезли из долгов!..

– И ты опять пытаешься нас в них загнать!!!

Лахджа расколола еще одного голема и патетически всхлипнула. Вот поэтому она и хотела быть с Майно просто

любовниками. Он не создан для семейной жизни. Когда его деньги были только его деньгами, проблем было меньше.

Но потом ее плечи опустились, руки снова стали просто руками, и она позволила вывести себя из казино. Настроение скакало как бешеное.

– Я пришлю вам счет! – крикнул из окошка лепреконт и сразу трусливо спрятался обратно.

Лахджа стиснула кулаки, покрываясь шипами, и дернулась назад. В глубинах казино кто-то вскрикнул. Дегатти положил руку ей на плечо, стараясь выбрать наименее колючий участок, и повел домой.

– Ты молока-то хоть купил? – спросила Лахджа потухшим голосом.

– Да. Возможно. Возможно, нет. Забыл...

– Про подарки для Астрид я не спрашиваю. Сегодня Юмпла не прилетит.

– Прилетит, – отмахнулся Дегатти. – Я много денег с собой не брал... то есть взял не все.

Он все-таки знал, что у него проблема, поэтому большую часть денег хранил даже не в кошельке, а на квартире, под охраной енота. Тому было строго-настрого наказано не давать человеку больше, чем нужно на повседневные расходы, а если он все-таки пытался забрать лишнего, енот кусался.

– Давай тебя к психозрителю отведем, – предложила Лахджа, дружелюбно улыбаясь. – Я не хочу жить с лудоманом.

Если не остановишься, я потребую разрыва фамиллиарной связи.

– Это будет очень болезненный процесс, – напомнил Дегатти. – Если это вообще возможно. Я... я не знаю никого в Мистерии, кто такое делал. Конечно, никто и не пытался...

– Тогда просто развод. И у тебя будет фамиллиар – бывшая жена.

– Все настолько плохо?

По дороге к общежитию они зашли в тихий живописный дворик на улице Терновника и Плюща. Один из тех старинных двориков между старинными же домами, где жили почтенные волшебники из старых семей. Некоторые квартиры тут передавались по наследству уже несколько веков. Большинство жителей отсюда ни за что бы не променяли эту славную улицу на роскошные особняки, дворцы и башни.

Старая мэтресс Родакатти, поливавшая свои гортензии, приложила к уху слуховой артефакт. Уже предвкушая, как за добродневным пуншем будет рассказывать подружкам пикантные подробности, она вся обратилась в слух.

Лейку чуть накренила назад, чтобы не полить гортензии слишком быстро.

– ...Я просто поверить не могу, – сказала Лахджа, плюхаясь на лавочку. – Ты как бомба со сломанным часовым механизмом. Никогда не знаешь, когда взорвется... и ты выбрал Рожде... Добрый День!

– Ты тоже, – с вызовом сказал Дегатти. – Что это было?

Я-то просто оставил в големах немного серебра, а ты разнесла игорный дом! Ты представляешь, какой счет этот мелкий кир нам выкатит?!

– Такой, которым я просто растоплю камин, – пожалала плечами Лахджа.

– Здесь не Паргорон, ты не можешь быть права просто потому, что ты сильнее!

– Я ненавижу лепреконов, игорные дома и...

– Что – «и»?

– Ничего.

– Меня ненавидишь?

– Нет. Просто... ты закрылся от меня, я думала, у тебя там любовница. И лучше бы это была она...

– Я схожу к психозрителю, – пообещал Дегатти.

– Точно?.. Пусты меня в мысли.

– Ты мне что, так не веришь? – опешил Дегатти.

– Пусты!

– Ладно, ладно...

Они опять уставились друг на друга так, словно играли в гляделки. Вообще-то это не нужно, но так видно еще и мимику. Их мысли и эмоции стали взаимопроникать, ментальные начала вошли в унисон – так, как это бывает только у существ в магической связи.

На несколько секунд они ощутили себя единым целым. Дегатти почувствовал переживания Лахджи, все ее тревоги и страхи... их оказалось неожиданно много. Лахджа погру-

зилась в пучины самобичевания мужа, его сомнения и застарелые комплексы.

Они все-таки сошлись под гнетом обстоятельств. Дегатти в нее искренне влюблен, и она в него тоже... но она все-таки не может выбросить из головы, что привязана к нему магией. И разорвать эти отношения в любой момент не может. Зависит от него не так, как от Хальтрекарока, но все-таки зависит.

А он эти ее мысли знает, понимает и охотно бы это все изменил, но тоже не может. Разорвать фамилиарную связь действительно крайне сложно.

А еще Дегатти не понравилось, что его сравнивают с Хальтрекароком. В лучшую сторону, да, но...

– Прекрати! – потребовал он, увидев в мыслях жены сравнительную таблицу.

– Я не могу перестать думать по твоему приказу!

– Думай что-нибудь другое!

– Я не для того сбежала от демолорда, чтобы мне снова диктовали, что мне думать!

– Он тебе такого не диктовал.

– Да.

Вот это был удар под дых. Дегатти аж воздух начал хватать.

– Знаешь, не только меня можно в чем-то упрекнуть, – скрипнул зубами он. – Тебе не пришлось бы сравнивать меня с другими, если бы их не было так... много! Я боюсь смот-

реть в эту сторону твоей психики!

– А ты не бойся, там много интересного! И их было не настолько много... уж точно не больше, чем у тебя.

– Мы теперь бывшими будем меряться?!

– А давай. Давай откроем друг другу. Сравним списки.

– Н... нет... это лишнее. Я тебе верю.

– В чем дело? – придвинулась ближе Лахджа. – Кого ты там от меня скрываешь?

– Да никого...

Лахджа вперила в него взглядом. Да что он скрывает?

От демона-то... она не осудит.

– Ну да, не осудишь... – проворчал Дегатти. – Так, погоди, а это что?..

– Да ничего, – отвернулась Лахджа. – Пойдем домой.

Но Дегатти уже почувствовал. Даже не мысли, а изменения в физиологии. Что-то новое в теле жены-фамиллиара.

– Ты что, беременна? – тихо спросил он.

Журчание воды смолкло. Лейка опустела, но мэтресс Родакатти не сдвинулась с места. Уйти оказалось выше ее сил, а сегодняшний ужин обещал стать незабываемым. Все пожилые леди Валестры к завтрашнему вечеру будут судачить об изменениях в семье Дегатти.

Майно Дегатти даже не подозревал, но в Валестре его хорошо знали. Как и его отца, как и его деда. Дегатти – одна из самых старых и прославленных семей. А он, к тому же, еще и лауреат премии Бриара.

А еще лучше его стали знать в последние два года, когда он неожиданно женился, причем на собственном фамиллиаре, причем на паргоронской демонице. Ооооо, Валестра бурлила от слухов. И уж конечно, как бывает в таких случаях, Дегатти не требовалось кого-то знать, чтобы узнавали его.

Собственно, его легко узнать по жене. Не все волшебники хорошо читают ауры, но уж отличить высшего демона сумеет даже школяр.

Мэтресс Родакатти сделала вид, что идет домой, но поскольку ей было сто девяносто пять лет, она имела законное право еле-еле плестись, кряхтеть, то и дело останавливаться и нюхать гортензии. И она этим правом пользовалась, не отрывая от уха слухового артефакта.

– Ну-у-у... – опустила взгляд Лахджа.

– Почему сразу не сказала?

– Ну-у-у...

В воздухе повисло напряжение. Полудемон. Всем прекрасно известно, что собой представляют полугохерримы, например. Несчастные, скорбные разумом существа, похожие на очень тупых троллей.

Дети гхьетшедариев – дело другое. Они разумом не скорбны, хорошо владеют магией, очень долго живут и в целом похожи на людей... или эльфов. Те же гартазианки. У них бывают врожденные уродства, но это поправимо, если ты живешь в мировой столице волшебства. Однако они злобны и развращены, и никакое воспитание не способно этого из-

менить, если верить бестиариям.

Дети бушуков... Дегатти знал только об одном случае, причем не от человека. Полубушук-полугном... злобное уродливое существо, оставившее о себе дурную память.

Везде, кроме Империи Зла.

А вот что с детьми фархерримов? Прецедентов не было, виду Лахджи всего двенадцать лет. Волей Матери Демонов они явились на свет в количестве двух с половиной сотен, рожденные из людей, большей частью жителей Легационита... и они, кажется, пока не смешивались со смертными.

Что у фархерримов появляется от гхьетшедариев, известно. Оно живет у Дегатти дома. В целом милый ребенок, особенно когда перестала чихать кислотой и сворачивать головы голубям. Первые полгода Астрид приходилось держать взаперти, она все время норовила выпрыгнуть с балкона и жить там вольной жизнью.

Лахджа провела поистине титаническую работу по социализации дочери в мире смертных. Да и своей собственной. Долгое время ее это поглощало практически целиком. Но теперь Астрид более-менее приспособилась, ее даже можно выгуливать в парке, не боясь, что она кого-нибудь загрызет.

И теперь у Лахджи появилось свободное время. Долги перед Вератором тоже поиссякли, на отработку приходится ходить все реже, так что прекрасная демоница потихоньку начинала скучать.

Она уже перечитала всю библиотеку мужа... ту, что хра-

нится в кошеле. Большая часть осталась в семейной усадьбе... сгнила там, поди, давно...

– Давай я все-таки устроюсь куда-нибудь, – вкрадчиво сказала Лахджа, пока они шли домой. – В Монстрамин вот ваш...

– Преподавать?... ты не сумеешь, у тебя нет нужных знаний.

– Зачем мне преподавать? Я могу быть ассистентом... лаборантом... аспирантом...

– Аспирантом ты быть не можешь, – снисходительно сказал Дегатти. – И в Монстрамине... учатся специфические индивиды. Там... ты можешь перейти в разряд пособия.

– Ну они же не магиозы.

– Я не хочу, чтобы ты занималась вивисекцией.

– Вот! – вспыхнула Лахджа. – Как, по-твоему, мне улучшать метаморфизм, если ты мне шагу не даешь ступить?!

– Это ради твоего же блага.

Лахджа потянулась к мужу мыслью и ощутила беспокойство. Он одновременно представлял беснующегося демолорда и ее за лабораторным столом, с миллионами нервов, протянутыми к...

– Я не стану магиозом! – сказала Лахджа. – То есть ты не станешь магиозом! Я знаю, что у вас запрещено, а что нет! А Хальтрекарок давно про нас забыл. Он не живет прошлым – и ты не живи.

– Откуда тебе знать? – спросил Дегатти, открывая дверь. –

И... и не сбивай меня с толку! У нас есть более важные темы для... как ты умудрилась вообще?!

– Я дочь Матери Демонов. Нас такими создали – чтобы мы плодились... размножались... и ассимилировали всех остальных. Я так думаю.

Дегатти не высказал своего мнения по этому поводу. Уже войдя в прихожую и бесстрашно встретив взгляд енота, он напомнил:

– Но чары же...

– Я не знаю! Что ты от меня хочешь? У нас будет ребенок, смирись. Если родится что-нибудь непотребное, утопим в ведре.

– Нет уж... – проворчал Дегатти.

– Шоколадку пьинесли? – высунулась из шкафа Астрид.

Ее мордашка была перемазана шоколадом. Девочка сидела на горе оберток, облизывалась и хотела еще.

– Хорошо, что у демонят не бывает диатеза, – флегматично сказала Лахджа.

Обычный ребенок столько шоколадок за раз бы не осилил. Но Астрид – наполовину гхьетшедарий. У нее внутри есть анклав, собственный складной мирок. Гораздо меньше, чем у полноценных гхьетшедариев, глотать вещи крупнее нее самой она не может, но все равно тянет в рот чуть ли не все, что видит.

Раньше это было настоящей проблемой, но со временем ее обжорство худо-бедно обуздали... худо-бедно. Она по-преж-

нему периодически съедает больше, чем способна переваривать, но теперь ее хотя бы не рвет этим. Теперь это становится частью анклава... и он, возможно, растет.

Дочь следовало наказать, но мысли были заняты другим. Поэтому нотацию Астрид прочел отец.

– Дочь, нельзя съесть все вкусное сразу, – проникновенно заглянул ей в глаза Майно. – Тогда тебе ничего не останется на завтра.

– А... завтра Добрый День! – нашлась Астрид. – Бабушка Юмпла принесет новых!

– Боюсь, к невоздержанным жадным девочкам бабушка Юмпла не прилетает, – сказал Дегатти, проходя на кухню.

– Да, завтра Добрый День... – с намеком протянула жена.

– У меня есть подарки, – с превосходством ухмыльнулся Дегатти.

В прежние времена, когда Дегатти еще был вольным холостым волшебником, у него периодически сменялись пассии. Иногда так часто, что он не успевал запоминать их дни рождения и прочие знаменательные даты. И чтобы не падать лицом в грязь, волшебник завел в кошеле особый тайничок. Тайничок, где хранил подарки на любой случай.

Всегда, когда у него появлялись лишние деньги, он делал запас на будущее. И когда очередная добрая знакомая вдруг оказывалась именинницей, Майно Дегатти делал хитрое лицо, совал руку в кошель и говорил: «А у меня для тебя кое-что есть...»

Подарки там самые разные, но все довольно универсальные. Многие отлично подойдут и для четырехлетней девочки.

Надо только вспомнить, что там у него скопилось...

Но это завтра. А сегодня... Лахджа принялась к чудесному аромату. Енот как раз доставал из жаровни курицу. Бытовой фамиллиар поразительно ловко орудовал кастрюлями и сковородками, несмотря на невеликий рост.

– Гусыня, индейка или кур-рица – тр-радиционное блюдо, подаваемое на Последний День, – отчеканил попугай, вышагивая по столу. – Глава семьи в этот день р-разр-резает птичью тушку лично, одар-ряя всех по своему р-разумению!

– Ясно, – сказала Лахджа, беря нож.

– Эй, минуточку, – возмутился Майно, тоже потянувшись к ножу. – Я глава семьи!

– Ты не можешь быть главой семьи, – ухмыльнулась девица. – Нож-то у меня.

Дегатти рассмеялся, но хватки не ослабил, а его взгляд стал жестким.

Енот невозмутимо расставлял тарелки с печеным бататом, нарезанными овощами и сыром. Появились соусники с разноцветными подливами, бутылка янтарного хошимирского и сок для Астрид. Засветились вечные свечи в бронзовых канделябрах.

Енот Ихалайнен сегодня весь день готовил предбонадисное угощение. Завтра они пойдут гулять и будут принимать

гостей, но сегодняшний вечер – только для семьи.

Тем временем Лахджа и Дегатти продолжали сражаться за нож. Это почему-то стало принципиальным. Попугай тревожно переводил взгляд с одного на другого. Он курицу не любил, но вот батата и орешков ему хотелось. А трапеза не начнется, пока эти двое не...

И тут в битву вмешалась Астрид. Ей хотелось того же, чего и всем – и она прыгнула в самый центр. Чуть ли не на нож. Дегатти и Лахджа одновременно вскрикнули, отшатнулись, перехватили Астрид и вместе рухнули на стол. Огромное блюдо подлетело кверху и сочная, ароматная, поджаристая курочка со свистом унеслась в окно.

Она не погибла, ее спас Тифон. Боевой фамилиар прыгнул следом и поймал тушку сразу тремя пастями. Но при всей своей преданности он оставался прожорливым псом...

– Молодец, Ти... а-а-а...

– Я поделюсь, – стыдливо сказал Тифон, передавая остальным свои вкусовые ощущения.

– Фу, не надо!..

– А я не чувствую! – заверещала Астрид, которая тут единственная не входила в фамилиарную сеть и иногда из-за этого огорчалась.

У Лахджи удлинилась рука, и она потянула за куриную ножку, которая торчала из пасти пса. Даже пока не обнюхавленная.

Тифон зарычал. Его взгляд стал виноватым, но когда Ла-

хджа снова потянула – он снова зарычал.

Даже обретя разум, фамиллиары оставались животными.

– Эх, какие вы идиоты, – сказал Снежок, ковыряя лапкой сыр. – Ихалайнен, мы тут единственные здравомыслящие лица. У тебя есть еще курица?

Енот шваркнул тарелкой об пол. Он смотрел на этот разгром, и у него дрожала нижняя губа.

– Да я приберу, – пообещала Лахджа. – А еду мы сейчас новую... закажем...

– Не на... – начал Дегатти.

Но было поздно. К услугам Лахджи всегда оставалось великолепное Ме Зова Еды. Обычно она им не пользовалась, потому что енот готовил вкуснее, а Майно почему-то настаивал, чтобы Зов Еды в доме не применялся. Но сейчас другого выхода явно нет, так что...

На столе появилась птичья тушка. Сочная, ароматная, поджаристая и почти вдвое крупнее той, что исчезла в желудке Тифона.

– О, индейка! – обрадовалась Лахджа. – Видишь, как все хорошо обернулось!

Муж почему-то не обрадовался. Он торопливо задернул шторку, а за ножом вовсе не потянулся. А ведь Лахджа собиралась ему уступить.

– Давай, можешь нарезать, – великодушно сказала она.

– Не искушай меня, демон, – отказался Майно, напряженно к чему-то прислушиваясь.

– Да что не так-то?! – возмутилась Лахджа.

И тут в дверь забарабанили. Дегатти закатил глаза и пошел открывать, пока Лахджа спокойно нарезала добычу.

На пороге стоял мэтр Вескатуччи. Декан объектального факультета и сосед по общежитию. Тучный, краснолицый и очень недовольный.

– С наступающим вас, коллега, – кисло сказал Дегатти. – А добродневные колядки только завтра.

– Майно, у меня со стола только что исчезла индейка, – упер руки в бока декан. – Ты ее не видел?

– Неть, не видели!.. – прокричала Астрид, выбегая из кухни с ножкой в руке.

Она держала ее так, словно бежала в бой с мечом наперевес.

– Ой, я забыла... – пробормотала Лахджа, тоже высываясь в коридор. – Ме же не создает еду, а притягивает ближайшую, а она... обычно чья-то...

Ты не забыла. Ты думала, что прокатит.

А ведь могло и прокатить!

Нет.

– Майно, мы все тут волшебники, – сухо сказал Вескатуччи. – Я тоже умею призывать еду. Но так никто не делает – это воровство.

– Я знаю, знаю... – опустил взгляд Дегатти. – Это не злонамеренно... случайно получилось... Можете мне поверить, коллега, это случайно...

– Может, бутылочку янтарного хошимирского? – помахала бутылкой Лахджа. – А то индейка уже... не в форме... Мне очень жаль.

Вескатуччи тяжело вздохнул. Конечно, он не собирался вызывать Кустодиан из-за тушки индейки. В Клеверном Ансамбле то и дело происходит что-то такое. Постоянно кто-то колдует, иногда при этом случаются мелкие инциденты, и внимания на них обращают не больше, чем на угодивший в окно снежок.

Декан пристально посмотрел на бутылку. Потом на заискивающую улыбку Лахджи. Соблазняет, демоница... а ведь он завязал... этот Добрый День собирался встретить трезвым...

– Янтарное, да?.. – проямлил он. – Ладно, давайте... Жена меня поедом съест, но что уж там...

Когда дверь закрылась, Дегатти тоже отломил себе ножку индейки и спросил:

– Ну вот почему ты никогда меня не слушаешь? Ты же мой фамиллиар.

– Так ты слова против не сказал.

– Так я даже не успел!

– А вот надо было успевать, – сказала Лахджа, собирая рассыпанный по полу батат. – Тогда бы и не осрамился, может.

– Я бы не осрамился?!

– Ну да. Ты же у нас глава семьи. А я так, фамиллиар.

– То есть когда тебе удобно, ты свободная женщина с границами, которые надо уважать и ни в коем случае не переступать. А когда я прошу от тебя соответствующей ответственности... ты всего лишь фамилиар.

– Это просто индейка, – спокойно сказала Лахджа.

– Да это не из-за индейки!..

Майно замолчал, чувствуя себя глупо. Вот как она это делает? Почему? Зачем?

– Зачем ты выводешь меня из себя? – спросил он и тоже стал собирать батат.

– Проверая, до какой степени ты меня терпишь, я убеждаюсь, что все еще не растворилась в тебе, – неожиданно серьезно ответила Лахджа. – В тебе, в твоей жизни и даже мыслях. Я люблю тебя, но я – не ты. Я личность.

– Противная какая-то личность... – пробормотал Дегатти. – Но я тебя тоже люблю...

– Очень хорошо, потому что я продолжу.

Волшебник кинул в жену бататом.

Несмотря на все тревобления сегодняшнего дня, закончился он мирно и спокойно. Праздничное угощение таки получили все, пусть его частично и пришлось собирать по полу. Индейка декана оказалась очень вкусной. А в домашнем погребке нашлось пусть и не янтарное хошимирское, но вполне приличное гарийское.

Когда набегавшаяся и объевшаяся Астрид уснула, родители еще долго разговаривали. То вслух, то мысленно. В ос-

новном мысленно, отгородившись от остальных фамиллиаров, и в особенности от Снежка. Он, правда, все равно приперся и осуждал, но хотя бы молча.

Лахджа и Дегатти сейчас переживали сложный период. В браке они провели уже два с половиной года, и поначалу-то не ссорились вообще. У них был медовый месяц, они радовались, что спаслись из Паргорона, и были со всех сторон счастливы.

Потом начались раздражающие бытовые мелочи. Они стали замечать недостатки друг друга и иногда ссориться из-за пустяков. Дегатти так и не смог до конца избавиться от игровой зависимости, а Лахджа оставалась демоном со всеми вытекающими. К тому же у них подрастала дочь, которая поначалу дичилась отчима и даже немного пыталась убить.

Но со временем они хорошо друг друга узнали. Научились мириться с недостатками и лишь изредка выплескивали негатив.

Что вы хотите? Сложно жить в браке, когда вы читаете мысли друг друга.

Но свои плюсы у взаимного чтения мыслей тоже немалые, поэтому они всегда мирились. Иногда бурно. Иногда очень бурно. Одно из таких перемирий, похоже, и привело к тому, что через несколько лун у Астрид появится брат или сестра.

– А через сколько лун? – уточнил Дегатти.

– Ну... наверное... как Астрид?.. она, правда, вайли... хальт... вайли. А это будет полудемон... если будет.

Лахджа помрачнела. Она понятия не имела, что на этот раз родит... если родит. Это запросто может закончиться каким-нибудь выкидышем.

Не потому, что у нее проблемы. Демоницы-то как раз очень выносливы в этом отношении. Просто плод может оказаться нежизнеспособным. Судя по Астрид, Матерь Демонов очень волновалась о чистоте линии, так что внедрила какие-то евгенические механизмы. Астрид – фархеррим наполовину, но при этом почти неотличима от чистокровной.

Но ее биологический отец все-таки был демоном. А Майно – всего лишь смертный. И что от него там родится... время покажет.

Глава 2

Следующий день выдался теплым и солнечным. И едва позавтракав, семья Дегатти отправилась в парк. Лахджа одела Астрид и ненадолго зависла перед шкафом.

В Паргороне у нее обычно не было поводов наряжаться. Из демонов постоянно одежду носят только бушуки и ларитры, но у ларитр одежда – часть их дыма, она иллюзорна, как они сами.

Зато бушуки, эти деловые рогатые карлики, обожают щеголять в пышных, вычурных костюмчиках. И платьях, если это бушучки. В Паргороне они настоящие законодатели моды... ну и что, что кроме них это интересуется только простодемонов.

А вот насчет фархерримов Лахджа не была уверена, но они бывшие люди, так что одежда им точно не чужда. В те редкие разы, когда она видела подобных себе... раз. Ладно, она всего раз видела подобного себе после того, как оставила Матерь Демонов, да и то случайно, почти мельком.

Как так получилось вообще, что за столько лет они практически не пересекались? Во дворец Хальтрекарока никто из ее сородичей ни разу не заглядывал – ни на балы, ни на шоу, ни по делу какому-нибудь.

Мазекресс их нарочно, что ли разводила в разные стороны?

Ладно, это теперь неважно. Тот фархеррим одежду носил. Специального фасона, для крылатого существа, но на нем она смотрелась очень органично.

У Лахджи такой не было. И поэтому она подолгу иногда копалась в ателье и магазинах, ища такое, в чем можно безболезненно сделать дырки.

С отверстием для хвоста проблем не было, в Мистерии живут крысолюды и фелины, так что всегда можно найти подходящую юбку или платье. Но крылья... разве что имнии, но в Мистерии их практически нет, и одежду для них Лахджа никогда не видела. А гарпии, апиниды или хомендарги одежду не носят.

Конечно, с нее могла снять мерки швея, да и Ихалайнен прекрасно владел иглой, но Лахджа иногда любила пошопиться. Просто прийти в лавку и купить обнову. Это же так приятно.

И разумеется, с ее Ме она могла просто убирать крылья. Но постоянно поддерживать метаморфозу... это можно, конечно, никаких проблем, но это примерно то же самое, что ходить, постоянно жмуря один глаз. Делать это без необходимости Лахджа не собиралась.

Поэтому у нее появились специальные блузки. На завязках, с открытой спиной.

Главное – не разожраться. Иначе то, что сейчас выглядит, как милые завязочки на спине, будет выглядеть как веревочки, стягивающие свиную колбасу.

Подслушавший последнюю мысль Дегатти громко фыркнул. Лахджа начала думать тише.

О переезде в Валестру она ни разу не пожалела. Сказочно красивый и уютный город на берегу океана. Чем-то он напоминал Хельсинки, только более теплый.

Наверное, тем, насколько здесь спокойно, безопасно и гостеприимно. Старинные дома, много маленьких лавочек, повсюду зелень, а люди во всем мире мечтают здесь жить.

Ведь Мистерия ни с кем никогда не воюет, лежит наособицу и обладает множеством чудес, которые за ее пределами либо отсутствуют, либо стоят больших денег. Только здесь в каждом доме есть стенное дальнозеркало, погоду контролирует специальная служба, почти любые болезни излечимы волшебством, а у каждого ребенка доступ к превосходному образованию и высочайший шанс поступить в Клеверный Ансамбль.

Конечно, если у него есть дар.

Население тут очень разношерстное. Эта страна показывает чудеса толерантности. Тут рады всякому, если у него есть деньги или диплом волшебника... а лучше то и другое.

Может быть, демонам рады в меньшей степени... но их тоже терпят, пока они никому не досаждают. У Лахджи есть специальный паспорт волшебного существа, так что она не зависит от мужа... ладно, немного зависит, но в терпимых пределах.

Развлечений в Валестре тоже хватает. Полным-полно вол-

шебных театров, картинных галерей и музеев с чудесами со всего света... интересно, как они сюда попадают? Зверинец при Клеверном Ансамбле – любимое место детворы, а на пляжах летом не протолкнуться от купающихся.

Но сегодня семья Дегатти почти полным составом пошла гулять в парк. Впереди всех бежал пес Тифон, над головами летел попугай Матти, у ног Майно семенял кот Снежок, а чуть позади трусил конь Сервелат, который немного недолюбливал Лахджу с тех пор, как узнал, что значит «сервелат». Когда она давала ему имя, то не думала, что приживется... и уж тем более не думала, что однажды сама станет частью этого звериного сообщества.

Но тебя не зовут Сервелатом.

Да ладно, давай тебя переименуем.

Не надо, я привык. Но мне жилось лучше, когда я не знал, что это значит.

Роскошный парк. Даже скорее дендрарий, огромный ботанический сад, разбитый к югу от города. Нет ничего лучше, чем начать Добрый День здесь – тем более, что в северном полушарии Парифата новый год встречают в последний день лета, так что погода просто восхитительна.

Астрид бежала впереди родителей, пытаясь обогнать пса. У нее были хорошие шансы, потому что Тифон трусил медленно и не очень старательно. Но слишком далеко она не убежала, потому что шлейка натягивалась, и Астрид шлепалась.

– Может, отпустишь ее? – спросил Дегатти, когда девочка

шмякнулась в очередной раз.

– С крыши ты ее будешь снимать? – осведомилась жена.

– Я умею летать. У меня, знаешь ли, могут быть крылья птицы... или демона.

Лахджа прищурилась. Дегатти до сих пор иногда по-детски радовался, что у него такой особенный фамилиар. Жена посмотрела ему прямо в глаза, для чего пришлось встать на цыпочки – Дегатти выше где-то на полпальца.

Он довольно высокий... для человека. Особенно учитывая, что у них тут средневековье.

Хотя средневековье средневековью рознь. Мистерийцы отлично питаются, едят много рыбы, мяса, молочных продуктов. Да и солнцем не обделены – остров хоть и в умеренном поясе, но климат очень мягкий и теплый.

Ну и с чего бы им быть низкорослыми? По меркам Мистерии ее муж просто выше среднего. На прогулке это хорошо заметно – то и дело кто-то проходит мимо, кивает...

– ...Мама, мама, можно купаться в фонтане?!

– Нет! – крикнула Лахджа, раскланиваясь с какой-то семейной парой.

– Ты слышал?! – воскликнула Астрид, залезая в фонтан с головой. – Это запрещено!

Она вытащила со дна мертвого голубя и принялась его отчитывать. Пара, с которой раскланивалась Лахджа, немного ускорила шаг.

– Астрид, он мертвый! – крикнула Лахджа. – Он утонул!

– Вот видишь, что делают с теми, кто купается в фонтанах, – сузила глаза Астрид. – Ты сам виноват. Теперь ты мейтвый.

Дегатти принялся отнимать у нее расплзающегося голубя, но Астрид не отдавала. Лахджа пыталась загородить их от прохожих, которые шли мимо и невольно поворачивали головы. До ее демонических ушей донеслось приглушенное:

– ...Это Майно Дегатти. Лауреат премии Бриара.

– Ого!.. А кто это с ним?

– Жена.

– Но... разве она не демон?..

– Демон. Дегатти всегда был оболтусом, а теперь еще и женился на паргоронской демонице. И удочерил ее ребенка.

– Тоже демоненка?!

– Да. Дал свою фамилию.

– Гурим там, наверное, превратился в друга и скребется в фундамент.

– Да уж, при жизни он бы такого позора не перенес...

Лахдже захотелось провалиться сквозь землю. Ну да, на них с мужем иногда косо смотрят. Да, он лауреат премии Бриара и всех восхищает, что он завел такого могущественного фамиллиара, но все равно они эксцентричная семейка. Даже по меркам Мистерии, а уж где-где, а тут всяких чудачков хоть отбавляй.

– ...Ну посмотри на себя! – отчитывал дочь Майно. – Все платье в грязной воде!

– Ты теперь не похожа на принцессу, – заметила Лахджа. – Ты похожа на дочку вонючего храка.

– Не-е-е-ет!.. – залилась слезами Астрид.

Она не знала, кто такие храки, но сразу поняла, что если кого-то называют «вонючим», то сравнение не в твою пользу.

Дегатти вздохнул и потер руки в жесте енота-полоскуна. Ихалайнен остался дома, но такие простые фокусы его человек мог делать и без близкого контакта. Платье Астрид сразу очистилось и даже заискрилось, а улыбка стала сияющей, как только что отчеканенный серебряный дайк.

– А где голубь? – завертела она головой.

– Улетел, – сказал Дегатти. – Просил тебе передать, что он все осознал и больше купаться в фонтанах не будет. И тебе не советует.

– Я не купалась! – возразила девочка. – Это была спасальная опеяция!

В свои четыре года Астрид говорила почти безупречно, но на букве «р» еще иногда пасовала.

Но по крайней мере она действовала из лучших побуждений. Пожалуй, целью было не спасти голубя, а подоминировать над ним, используя букву закона, но и это уже неплохо... для демоненка.

Вот Лахджа для демоницы вела себя очень хорошо. Просто прекрасно. И даже не только для демоницы. Она поправила мужу воротник и посадила дочь себе на шею, избавив от шлейки.

– А тебе можно сейчас напрягаться? – спросил Майно, беря жену под руку.

Месяц только второй... или третий. Да я и не напрягаюсь.

Она действительно не испытывала физических неудобств. Почти никогда. Чтобы высший демон их испытал, его надо целенаправленно пытаться или поместить в очень агрессивную среду, в которой большая часть смертных погибает моментально. Таковы не только демоны, но и титаны, джинны, драконы – словом, все бессмертные создания.

Но забота мужа все равно оставалась приятной. Люди запросто могут жить и без вежливости, без пожеланий доброго утра и приятного аппетита. Но жить в мире, где никто друг другу этого не говорит, потому что, видите ли, от пожелания утро добрым не становится, было бы менее уютно.

А они с мужем еще и разделяют мысли. Не все и не всегда, а то бы давно спятели друг от друга... *скажи, мы спятели?*

Нет. Я бы заметил.

Психи не замечают момента, когда становятся психами.

Ну ты бы заметила.

Мы бы спятели совместно. Это же так работает с фамиллиарами?

Вовсе нет. Я точно знаю случай, когда маг спятил, а его фамиллиар нет.

То есть маг спятит может...

Он спятил не из-за фамиллиара. Фамиллиар, наоборот,

его спас.

Но Лахджа все равно периодически ловила обрывки мыслей, которыми муж делиться не собирался. Сейчас, например, она поймала беспокойство насчет бороды. Дегатти начал ее отращивать в прошлую луну и переживал, идет ли ему.

– Кстати, борода тебе очень идет, – заметила Лахджа.

– Правда?.. – аж просиял муж. – Я подумал...

– ...Лягушка!!! – прыгнула с маминых плеч Астрид и спланировала к озеру на распахнутых крыльях.

Но она продумала не все.

– Ну мы же только высушились! – всплеснула руками мама. – Я вафель купила, а ты измазалась?!

– Вафли?..

Астрид и Тифон обернулись к Лахдже. Они перемазались в тине, и пес выглядел виноватым, а Астрид – ужасно довольной.

Впрочем, виноватость пса тоже не была искренней. Он лишь скорчил соответствующую мину, как делают все собаки. Но Лахджа ощущала его эмоции и чувствовала фальшь.

Она села на резную лавочку и развернула бумагу. Муж как раз зацепился языками с каким-то коллегой, тоже из Униониса... Кобрин, кажется?.. Его фамиллиар обвивался вокруг шеи хозяина, и змея Дегатти высунулась из рукава, получив возможность пообщаться с почти что сородичем.

Лахджа. Лахджа.

Так, это мысли не мужа.

Лахджа как раз вкусила горячую чинскую вафлю. Завернутые в бумажные пакетики, они были начинены разными вкусными начинками. Себе Лахджа взяла с курочкой, а остальным уже раздала, и пес свою мгновенно слопал.

Лахджа. Лахджа.

Что?!

В мыслях проступило раздражение, и пес втянул голову в плечи. Но оторвать взгляд от вафли было выше его собачьих сил.

Лахджа пристально уставилась, и он отвел взгляд. Стоило ей опустить глаза и поднести вафлю ко рту, как раздался тоскливый... даже не скулеж, а свист. Огромный боевой фамиллиар, способный разорвать демона, смотрел на вафлю взглядом голодного кутенка.

– Ладно, я уже не хочу, – развернула бумагу Лахджа. – Бери, если совести нет.

Совести у пса не оказалось, и Лахджа подумала, что фамиллиары, вообще-то, получают частицу души своего мага. Если задуматься, то у всех фамиллиаров Дегатти есть что-то общее. Они неуловимо похожи на него самого...

Эй.

Дегатти обернулся и окликнул:

– Лахджа, подойди, мэтр Йемметхим хочет познакомиться.

– Сейчас... Астрид, я слежу за тобой. Не упади в пруд.

Астрид прыгала на мостках, проверяя их прочность. Другим детям игра понравилась, и мостки тряслись, плюхая водой.

– Вода пукает! – счастливо заорал какой-то тролленок.

Его единственного папа не только не ругал и не пытался отвести за руку, но и немного подбадривал.

Лахджа смирилась с тем, что дочь в третий раз придется чистить, и улыбнулась мэтру Йемметхиму. На чешуйчатой морде человекаоящера ничего не отразилось.

Ну конечно, он же кобрин. Они почти не используют мишуку для общения. Только звуки, движения тела и капюшона.

– Очень приятно познакомиться, мэтр, – вежливо сказала Лахджа.

– Потрясающе! И даже не потребовалось укрощение! Я впечатлен... о, извините мои манеры, меня переполняют эмоции.

– Да ладно?.. – сказала Лахджа, силясь отыскать на бесстрастной змеиной морде хоть какой-то намек на чувство.

– Конечно!.. Для Униониса это, пожалуй, величайшее достижение со времен... собственно, со времен первого фамиллиара.

Дегатти стоял надутый, как павлин. Лахдже хотелось сказать, что черта с два бы у него вышло, если бы она крайне не нуждалась в этом, чтобы спастись. Но она не стала портить мужу настроение. В конце концов, для смертных вол-

шебников это действительно крупное достижение – закабалить очередную загромочную тварь.

Да ну тебя. Ты не понимаешь.

– Ты можешь использовать ее демоническую силу?.. – ладно спрашивал Йемметхим.

– Мы... работаем над этим, – уклончиво ответил Дегатти. – Если я когда-нибудь засяду за монографию...

– Коллега, что значит «если»?.. – опешил Йемметхим. – Вы ее что, до сих пор не начали? Это, я не побоюсь этого слова, преступно с вашей стороны. Я до самого Локателли дойду.

– Вы же не можете заставить кого-то писать научную работу, – опешил теперь Дегатти.

– Я не могу, – согласился Йемметхим. – А Локателли сможет. Да ладно вам, мэтр. Улыбнитесь, я же пошутил.

– Ахаха, – растянул губы в улыбке Дегатти. – Ну, прощайте, коллега, а то у нас дочь... тонет.

Лахджа уже вытаскивала Астрид из пруда. Та наглоталась воды, но была счастлива. Тонуть она, разумеется, не собиралась. Просто, кажется, проверяла, поместится ли пруд в ее рудиментарном анклаве.

Не поместился. Не так уж он велик.

– Не могу поверить, ты хвастался мной, как трофеем, – ворчала Лахджа, выливая из Астрид воду. Она перевернула дочь вверх ногами и держала, как лейку.

Воды в Астрид оказалось много. Возможно, с возрастом

ее анклав все-таки расширяется.

– Долго льет, – сказала Лахджа и немного покрутила хвост Астрид.

Напор усилился.

– Из-за вас у меня дочь мокрая, – подошла к ним разоде-
тая волшебница. – Что ж вы за детьми-то не следите?

– За вашими?.. – моргнула Лахджа. – Зачем мне ваши де-
ти?

– Моя дочь бы не полезла в воду, если б не видела, как ва-
ша... а!.. С Добрым Днем!..

Поздравила она так, будто прокляла. Схватила собствен-
ную дочку за лапку и потащила прочь, не обращая внимания
на жалобное мяуканье.

– Астрид, ты подаешь плохой пример смертным, – хмык-
нула Лахджа.

Астрид не слушала. Она вырвалась, отряхнулась и побе-
жала к деревьям, хлопая крылышками. Ее выводили погу-
лять все чаще и чаще, но пока еще недостаточно часто, если
вы спросите Астрид.

– Астрид, стой! Не забегай далеко!.. – крикнула вслед ма-
ма. – Нет-нет, только не взлетай, не надо!.. ладно, взлетай,
но не разгоняйся!.. ладно, разгоняйся, но не лети к деревьям,
набьешь шишек!.. ладно, но теперь не реви.

Но Астрид ревела. На лету она врезалась в дерево, и это
оказалось больно даже для демоненка. Она же по сути сама
себя ударила.

Теперь она сидела, потирала шишку, громко плакала и пыталась убить дерево. Но демоническая сила у нее была еще маленькая, как она сама, так что дерево презрительно жило дальше.

Подошедший Дегатти поднял ее, отряхнул и призвал на этот раз способности кота...

– Не-не-не, пусть поболит, – остановила его Лахджа. – А то она опять не усвоит урока. Ей полезно знать, что при столкновении с твердой поверхностью на большом ускорении страдает более мягкий предмет. То есть ты, Астрид.

Астрид заревела еще громче. Обида оказалась более боли, и она уж постаралась реветь так, чтобы у всех вокруг пошла ушами кровь, а разумы погрузились в кромешный ужас бытия.

Стоящий совсем рядом Дегатти что-то даже почувствовал, вздрогнул и сказал жене:

– В будущем надо с этим что-то делать.

– Я все делаю сейчас, – пожала плечами Лахджа, беря Астрид под мышку. Та повисла кулем и реветь перестала, чтобы все убедились, что она умерла от горя.

– Бедная Астрид... – всхлипнула Астрид. – Встретила конец.

– Даааа, обидно, – посочувствовала Лахджа. – Мертвецы землянику не едят. Ну ничего, нам больше достанется.

Астрид мгновенно воскресла и перестала плакать. Она еще не умела подолгу лелеять обиду и обещанная земля-

ника моментально вытеснила из памяти противное дерево и черствость матери.

Лоточница с любопытством смотрела на весь этот цирк. Она постоянно видела капризных детей. Это парк, сюда все время приводят малышей. Среди них есть дети из самых разных стран, самых разных видов, самого разного достатка. Она видела тут даже маленьких драконят. Теперь вот выяснилось, что демонята тоже любят землянику.

Но что тут удивительного? Землянику любят все.

– Когда я вырасту, я буду есть только землянику, – доверительно поделилась с отцом Астрид. – Всегда.

– Что, и даже курочку не будешь?

Астрид задумалась.

– Ладно, еще курочку... – сделала она одолжение.

– А шоколад?

Астрид застонала. Да что ж так сложно жить-то?!

Лахджа смотрела на Астрид и размышляла, все ли маленькие фархерримы настолько прозорливые и шепутные. Может, дело в ее биологическом отце? На маму-то она не очень похожа... нет, дети вообще не всегда похожи на родителей. Она могла пойти в кого угодно.

Какой вот в юности была Мазекресс? Может, если бы Мать Демоннов могла передвигаться, она бы точно так же носилась везде, как Астрид?

Астрид, кстати, опять унеслась. Перемазав лицо земляникой и став похожа на маленького вурдалака, она решила

взять от сегодняшнего дня все.

Дегатти смотрел ей вслед спокойно. Поначалу у них с Астрид были сложные отношения... иногда он просыпался от того, что маленький демоненок сидел на нем и пытался задушить. Астрид не очень нравилось делить любовь матери с кем-то еще.

Но постепенно они притерлись друг к другу. Майно перестал запираяться на ночь, а Снежок и Тифон перестали караулить по очереди. Девочка поняла, что у нее теперь есть не только мама, но и... папа, видимо. Со временем она стала его так воспринимать. Он, конечно, многое запрещал и наказывал за всякие пустяки вроде попыток откусить ему пальцы, но и баловал тоже.

С этим еще можно было жить, так что кусаться Астрид со временем прекратила.

Сложнее всего оказалось приучить ее носить одежду. Тут она была упорна почти так же, как гхьетшедарии. Сказывалась отцовская кровь, ее это раздражало на подсознательном уровне.

Но в конце концов Астрид смирилась с этими условностями мира смертных. Правда, из-за крыльев и хвоста ей одежду приходилось шить такую же специальную, как ее матери.

Но если не считать этих дополнительных деталей, да еще кошачьих когтей, малышка мало отличалась от человеческих девочек. Кожа лилового оттенка, да глаза золотистые, а больше и ничего. Заметно все-таки, что фархерримов де-

лали из людей.

Технически Астрид – вайли. Так называют детей гхьетшедариев и других высших демонов. Но официально она хальт... Дегатти аж перекосило от этого слова. Ее биологический отец... насколько же он все-таки тщеславен и самовлюблен, что целой разновидности метисов дал свое имя!

Но это теперь официально, увы. Астрид – единственный хальт во вселенной... пока что, но ларитры уже зафиксировали это в своих документах. А учитывая любвеобильность гхьетшедариев и привлекательность фархерримов, Астрид вряд ли надолго останется единственной в своем роде... фу, зачем он вообще об этом думает?

Пока Дегатти об этом думал, Астрид, кажется, наконец-то утомилась. Она перестала носиться как оглашенная, перестала перепархивать с дерева на дерево и вернулась к родителям. Нет, она продолжала бегать и скакать вокруг них, но уже немного без огонька. Просто потому, что когда еще она окажется в таком огромном и интересном лесу с кучей зверья и сладостей?

– Смотри, мам, зайчик! – ткнула она пальцем.

– Да, Астрид, зайчик, – кивнула Лахджа.

– Смотри, смотри, мам, он убегает!.. А можно его съесть?!

– Нет, Астрид. Нельзя есть то, что живое и дышит.

– То есть сначала... надо убить?

– Да. И освежевать.

– Пап, пап, дай ножик!.. – затрясла Дегатти девочка.

– Ты как-то неправильно дочь воспитываешь, – сказал волшебник.

– В смысле?.. Что не так?.. а, да, точно. Не надо убивать этого зайчика, Астрид. Вдруг он чей-то? Может, он тоже фамиллиар, как вот Тифон. Или чей-то питомец... нельзя трогать чужое.

– Ясно... – закусил палец Астрид. – А если ничейный?

– Зачем вообще обижать зайчиков? – спросил Дегатти. – Астрид. Им же будет больно. И обидно. Тебе было бы приятно, если бы тебя обижали?

– Неть.

– Вот и зайчику неприятно.

– И что? Зайчик же не я.

Астрид непонимающе уставилась на отца. Пристально. И от этого взгляда у Дегатти прошел по спине холодок.

– Нехорошо делать другим неприятно, – настойчиво сказал он.

– Почему?

– Потому что... потому что тогда они тебя... накажут, – попытался подобрать понятные демону аргументы Дегатти.

– Зайчик меня не накажет. Зайчик ничего не может.

– В этом мире есть те, кто наказывает тех, кто обижает зайчиков, – немного запутанно объяснил Дегатти.

– А-а... а если я буду сильнее их?

Лахджда, помоги! Я не готов к воспитанию демонов!

Я не могу объяснить вещи, которых не понимаю сама!

Демоны... ты же была психозри... ну кем ты там была!
Помоги!

Да я не помню ничего... но ладно, попробую.

– Астрид, сейчас я тебе все объясню, – взяла дочь на руки Лахджа. – Ты попробуй делать другим приятно. Все любят, когда им приятно. Вот увидишь, со временем тебе самой станет приятно от того, что другим приятно.

Астрид попыталась осознать эту сложную мысль. Ей было всего четыре года, но все же она сразу нащупала слабое место.

– А если мне приятно, когда другим неприятно? – поковыряла в носу она.

Лахджа деликатно вытащила палец Астрид из носа и доброжелательно сказала:

– Если тебе приятно, когда другим неприятно, значит, ты плохая и невоспитанная девочка. И тогда тебя не будут любить. А ты же хочешь, чтобы тебя любили?

– Да! – лучезарно улыбнулась Астрид. – Меня будут любить все! Меня будут обожать!

У Лахджи слегка дернулся глаз. Астрид иногда чересчур походила на биологического отца.

Но эту мысль девочка усвоила. И Лахджа продолжила воспитывать ее так, как воспитывают психопатов. У демонов очень плохо с эмпатией, они глухи к чужой боли и страданиям. Обучая их правильному и неправильному, нужно давить не на чувства, а на рациональное. Объяснять, что у общества

есть свои правила, и если хочешь успешно в него встроиться, не умереть слишком рано и достичь высот, им нужно следовать.

И не только законам, обычаям и этикету, но и в целом быть симпатичным для окружающих. Как минимум – вести себя так, чтобы социум не испытывал к тебе ненависти. Как максимум – чтобы испытывал к тебе любовь.

– Астрид, если гладить зайчиков, кормить их морковкой и не обижать, все будут думать: какая милая девочка с милыми упитанными зайчиками, давайте дадим ей шоколадку! – говорила Лахджа. – А если душить зайчиков и делать гирлянды из их кишок, все будут думать: какое отвратительное маленькое чудовище, давайте убьем его, пока не выросло!

– А-а-а! – поняла наконец Астрид.

Мне кажется, не стоило делать такие детальные сравнения... но вроде бы сработало.

Лахджа тоже надеялась, что сработало. Ей хотелось, чтобы Астрид пошла в нее. Чтобы в ней сохранилась та высокоморальность, которую Лахджа в себе тщательно пестовала... да, она очень высокоморальна в сравнении с большинством демонов!

Дегатти пристально на нее уставился.

Да, именно так! К тому же Астрид растет среди смертных, а вовсе не в Темном мире. Приемный отец ее искренне любит, Лахджа это несколько раз проверяла в его мыслях.

И у нее есть Ме Луча Солары... Астрид, кажется, не пом-

нит о его существовании, и это пока только к лучшему, учитывая, что единственный демон поблизости – ее собственная мама. Но однажды демонице придется сказать: дочь, садись, я должна тебе кое-что рассказать...

Дегатти и Лахджа уселись на скамейку. Время перевалило за полдень, пора уж обедать, но еще полчаса посидеть можно. Тем более, что они накусочничались в парке, с этими вафлями и земляникой.

– Мир тебе, Майно, – раздалось над ухом. – Какая неожиданная встреча.

Дегатти аж вздрогнул, но тут же сообразил, что голос доносится не из перстня. Вератор стоит перед ним во плоти.

– Эх, Майно, Майно, – укоризненно сказал он, садясь рядом на скамейку. – Вот знал я, знал, что закончится наша дружба, когда ты покинешь клуб холостяков. Когда мы в последний раз вместе выпивали? Совсем забыл друзей... Хожу теперь в «Шесть элементов» один...

– «Шесть элементов» – это где большие ставки? – сразу подобралась Лахджа. – Он туда больше не ходит.

Вератор покачал головой, наклонился к другу и сочувственно прошептал:

– Майно, если исчадие Паргорона контролирует твою жизнь и разум, просто подай знак. Покрути перстень.

– Ничего я его не контролирую, – ответила Лахджа. – Не трогай перстень... не трогай, не позорь меня! И вообще я пойду.

Дегатти осклабился, глядя вслед оскорбленной жене. У той уж хвост вскинулся от возмущения.

– Да, Майно, взвалил ты на свою голову ворох проблем, – сказал Вератор, когда демоница подчеркнуто отошла на несколько шагов. – Что тебе обычные-то женщины не нравились?

– Я тебе много еще должен? – спросил Дегатти вместо ответа.

– Почти все, – широко ухмыльнулся дружбомаг. – Почти расплатился. Еще разок-другой сгоняешь по вызовам – и в расчете.

Дегатти вздохнул. Вератор – тоже лауреат премии Бриара, причем аж второй степени. Он профессор Субрегуля, довольно специфичного института, в котором учат... дружить. Дружить и общаться со всем сущим, со всеми живыми существами и неодушевленным миром. Конкретно у Вератора крупнейшая в Мистерии дружбосеть – тысячи самых разных индивидов, которые заключили с ним договор и имеют право призывать любых его друзей... но и сами могут быть призваны.

Спасая Лахджу, Дегатти тоже вступил в эту дружбосеть и получил вот этот самый призывательный перстень. На тот момент казалось, что без этого ничего не выйдет... да ничего бы и не вышло, скорее всего. Слишком сложная была ситуация, слишком опасный враг. Но в процессе Дегатти осуществил несколько очень дорогих призывов, включая, воз-

можно, жемчужину коллекции Вератора. Долг на нем после этого повис такой, что два года пришлось то и дело отзывать-ся, срывать по вызову, решать чьи-то проблемы.

Но, кажется, почти все. Еще разок-другой – и можно будет отказываться, сбрасывать вызовы. Или даже самому хотя бы иногда кого-то призывать.

– Мама-мама-мама-мама-мама!.. – примчалась к скамейке Астрид.

– Что?! – выпалила Лахджа, только-только усевшаяся обратно.

– Голуби!.. Дай хлебушка!..

– А, покормить их хочешь? – обрадовалась демоница.

– Нет, просто с хлебом будет бутерброд! – заявила девочка, победно поднимая голубя. – Я поймала!..

– Астрид, не ешь голубей, они же грязные, в них полно червяков, бактерий!.. – взмолилась Лахджа. – Ты голодная? Сейчас домой пойдем!

С большим интересом глядя на это, Вератор вдруг достал из воздуха перевязанную бантиком коробку.

– Совсем забыл, – сказал он. – Майно... мэтресс Дегатти... поздравляю с Добрым Днем.

– А вот это очень мило! – обрадовалась Лахджа. – Но у нас...

– С Добрым Днем, Вератор, – сунул руку в кошель Дегатти. – Как знал, что тебя встречу.

Дружбамаг принял тоже перевязанную бантом бутылку.

Осмотрел этикетку, довольно цокнул языком и сказал:

– О, «Солнечное затмение»! Ну ты меня балуешь, Майно!

Лахджа невольно вздрогнула, вспомнив тот первый раз, когда алкоголь смертных сумел ее пробрать. «Солнечное затмение» имеет ярко-желтый цвет, и пока его пьешь – кажется, будто внутри пылает маленькое солнышко... но потом наступает затмение.

Потом, конечно, Лахджа научилась пить его осторожней, чтобы затмение все-таки не наступало.

Щедрый подарок, напиток не из дешевых. А Вератор им что подарил?.. Не в силах сдержать любопытство, демоница разорвала упаковку и уставилась на толстую книгу с длинным заглавием: «Как правильно растить демонят в домашних условиях».

– Ага, – максимально нейтрально сказала она. – Спасибо большое, мэтр Вератор. Как неожиданно и приятно.

– Сочинение мэтра Артуббы, – указал Вератор. – Очень, очень хорошая и полезная книга.

– Артубба?.. – смутно припомнила Лахджа. – Это которому ты меня продать пытался?

– Но не продал же, – буркнул Дегатти.

– Потому что он слишком мало давал.

– Но ведь не продал же! Что ты мне все это припоминаешь?!

Лахджа покачала головой и принялась листать книгу. Как она и думала, сплошные гадости и глупости. Не про вос-

питание в основном, а про усмирение. Не пособие для молодых родителей, а руководство дрессировщика.

– Если демоненок слишком буйный, в пищу можно добавлять чертополох и куриный помет, – с выражением прочла она. – Это ослабляет демоническую силу, а еще смиряет характер.

– Надо думать, – согласился Дегатти. – Я бы тоже приуныл, если бы мне это добавляли в пищу.

– Спасибо, мэтр Вератор, – поблагодарила Лахджа.

– Не за что. Да вы не обижайтесь, там хороших советов тоже полно.

– Приучайте демоненка носить печати и вериги, – прочла Лахджа в другом месте. – Тогда он вырастет послушным демоном, исполняющим любые ваши приказы. И потеряет всякую волю к борьбе за свободу.

– Какие замечательные советы, – нейтрально произнес Дегатти.

– Помещение, в котором растет демоненок, надо исписывать защитными рунами и печатями, – продолжала читать Лахджа. – Тогда его родственники из-за Кромки не смогут найти его и забрать домой.

Дегатти покачал головой. Лахджа захлопнула книгу и сказала:

– А теперь подставь вместо демоненка эльфенка или голбл... человеческого ребенка. Как это будет звучать?

– Плохо, – согласился Дегатти. – Очень плохо.

Мимо с бешеным лаем пронеслась собака. За ней с рычанием гналась Астрид с дохлой крысой в руке. Ее великолепное праздничное платье, сшитое одной из лучших швей Валестры, было пропитано грязью так, что стало похоже на половую тряпку. Девочка выглядела натуральным болотным монстром... и где она нашла эту крысу?..

Лахджа проводила ее внимательным взглядом и сказала:

– Спасибо еще раз, мэтр Вератор. Очень полезный подарок. А вы как планируете отмечать Добрый День? Успеете зайти в гости?

– Конечно, я с удовольствием, – расплылся в улыбке дружбамаг.

Глава 3

Добродневный обед был вкусный, но скромный. Настоящее пиршество будет вечером, а сейчас лучше оставить место, не набивать живот заранее. Правда, мама уже вынула штоллен, который приготовила сама, по рецепту родного мира... не Паргорона, а того, другого. Обычного.

– Это рождественский кекс, – сказала она. – На портвейне и сухофруктах.

– Шофакое вофефенфкий? – спросила Астрид, набив рот.

– Р-рождество – это р-религиозный пр-раздник стр-раницы Земля, ее хр-ристианской части! – тут же отвлекся от штоллена Матти. – Они отмечают р-рождение своего де-миур-рга, его явления во плоти!

– А, с днем рождения! – сказала Астрид.

– Рождество не сегодня, – пояснила Лахджа. – На Земле сейчас май.

Астрид это ничего не сказало.

– Чо такое май?

– Весенний месяц.

– Сейчас лето... осень... лето... – задумалась Астрид. – Матти, сейчас осень или лето?

– Добр-рый День – это день между летом и осенью!

– Лето, – выбрала Астрид. – Сейчас лето.

– Ну да, а в другом мире – весна.

– Значит, когда наступит зима, можно уйти в другой мир, где будет лето... а когда там будет зима, можно вернуться сюда... и жить всегда в лете...

– Для этого не нужно идти в другой мир, – сказал Дегатти. – Достаточно купить билет на портал и поехать куда-нибудь южнее экватора. Там лето, когда у нас зима. Отрежь еще кусок, и я пойду.

– Куда? – насторожилась Лахджа. – Сегодня ж праздник.

– На ковер к начальству, – вздохнул волшебник.

– Иволгу или Кайкелоне?

– Еще выше. Локателли вызывает. Все из-за тебя, между прочим! Не разносила бы ты игорный зал, сидел бы я дома, пил какао с кексом.

– А... а при чем тут Локателли?.. – опешила Лахджа. – Этим разве не полиция... не Кустодиан занимается?..

– Обычно да. Но твой муж – лауреат премии Бриара. Его судят на более высоком уровне.

– А еще он может говорить о себе в третьем лице, не лопаясь от чувства собственной важности, – сказала Лахджа, надевая платье. – Я с тобой пойду.

– Давай, – неожиданно не стал спорить Майно. – Он как раз просил привести жену. Хочет с тобой познакомиться.

– И я! – забегала вокруг них Астрид. – Я тоже пойду!

– С тобой он тоже хочет познакомиться, – вздохнул Дегатти. – Хотя я не представляю, зачем.

Лахджа быстро собрала все необходимое. В основном ту-

да входило блюдо с кексом.

– Астрид, Астрид, мое золото, оставайся дома, – попросила мама. – Вдруг Юмпла придет чуть раньше, а ты ее не встретишь?

– А она может? – прищурилась Астрид.

– Конечно. Иногда в Добрый День она спускается раньше обычного, ходит среди смертных и испытывает их.

Астрид напряженно задумалась. Пропустить бабушку Юмплу она не хотела. На прошлый Добрый День ей было всего три годика, и она мало что помнила. И теперь, когда она уже взрослая четырехлетняя девочка... но с другой стороны, пропустить Локателли она тоже не хотела. Она его видела по дальнзеркалу, он самый лучший на свете.

Он каждый раз так говорит, а значит, это правда.

– Нет, я пойду, – решительно заявила она.

– Да мы ненадолго, пусть идет, – сказал Дегатти.

– Да что ей там делать... ну ладно...

– А тебе что там делать?

– Ну видимо, теперь следить за Астрид.

В Клеверном Ансамбле Лахджа бывала уже не раз. Сложно там не бывать, живя буквально через дорогу, в общежитии для сотрудников. Тем более, что это одно из самых интересных мест на планете, настоящее средоточие мирового волшебства. Один зверинец чего стоит!..

Лахджу, впрочем, больше интересовал институт Монстрамин. Она даже пыталась брать там частные уроки

или хотя бы посещать лекции вольным слушателем. Со вторым проблем не возникло, а вот с первым не получилось, потому что частных уроков в Клеверном Ансамбле не дают. Хочешь полноценно учиться – поступай на общих основаниях. Ты уже взрослый?.. ну извини, ты не успел.

– Технически, Майно, мне сейчас как раз одиннадцать лет... – заметила Лахджа, сверив даты. – Как раз могу поступить в ваш Хогвартс...

– То есть я женат на несовершеннолетней? – скептически посмотрел Майно.

– Нет, я же взрослая. У меня была человеческая жизнь до этого.

– Именно так и скажут в приемной комиссии. А если вдруг в силу юридической казуистики случится так, что они будут засчитывать только демонический возраст, ко мне возникнут вопросы.

Лахджа не могла не признать логику. Да, полностью ей уже тридцать девять... тридцать девять лет, подумать только. Почти сорок. Живи она все еще на Земле, могла бы к этому времени уже чего-то добиться на профессиональном поприще, получить второе образование. Завести семью, пару детей, попутешествовать... а, она все это уже сделала.

Кроме разве что профессионального поприща и второго образования. Его здесь не получить. По крайней мере не в Клеверном Ансамбле.

Несправедливо, вообще-то. Запрет на обучение взрослых

имеет смысл, если ты короткоживущее существо, потому что какой смысл тратить время на жалкого смертного, если он все равно скоро помрет? Но у Клеверного Ансамбля свой регламент, и для взрослых у них предусмотрена только магистратура.

К тому же ребенку проще внушить, что теперь он гражданин Мистерии, и его интересы плотно завязаны с интересами Мистерии. Ну и всякое такое, знаете, что не даст кому-то из выпускников преступно основать свою школу.

Правда, к своему удивлению, Лахджа узнала, что зато имеет право преподавать. Будучи фамиллиаром Майно, она официально считалась его автономной частью, и точно так же могла работать в Клеверном Ансамбле. Желательно – в присутствии самого Дегатти, но в крайнем случае можно и отдельно. Пару раз, когда Майно по какой-то причине опаздывал или не мог явиться, он отправлял вместо себя попугая – и Матти читал лекции не хуже хозяина.

Но сегодня Бонадис, Добрый День. Занятия в школах начнутся только через восемь дней, в Доктадис. А пока что продолжаются летние каникулы, и Клеверный Ансамбль пуст и тих. Работают только всякие кружки, проводятся дополнительные занятия для тех, кто не уехал домой, но и это не сегодня. Не во второй половине главного праздника всего Парифата.

Тем не менее, кое-кто из сотрудников был на месте. Кабинет председателя ученого совета – в здании Мистегральда,

но Дегатти привычно прошел через Провокатонис, в котором работал. Из некоторых кабинетов доносились звон бокалов, смех и разговоры. Бессемейные волшебники праздновали в кругу коллег и друзей... Дегатти и сам отмечал так, пока не остепенился, не завел жену и ребенка.

– Ну ты не важничай уж так, – подпихнула его локтем Лахджа.

– Хочу и важничаю, – подпихнул ее обратно Майно.

– Ой, какие вы дружные, какие счастливые! – раздался умильный голос. – Такая красивая пара, просто чудо межкромочной любви!

Дегатти натянул дежурную улыбку, поворачиваясь к ректору Апеллиума. Тот с профессиональным интересом таращился на его жену и дочь.

Непонятно, как он сумел подкрасться так незаметно. Коридор-то пуст в оба конца, и каждый шаг отдается эхом. Но Таалей Драмм не просто так возглавляет Апеллиум, институт самых ленивых волшебников. Он лучший призыватель Мистерии после Кайкелоны Чу, обладает многими талантами, так что удивляться не приходится.

Призыватели вообще редко умеют только призывать и больше ничего. Особенно те, что работают с закромочными сущностями – им просто необходимы разные побочные навыки. Мэтр Драмм уже в преклонных годах, ему перевалило за сто семьдесят, но выглядит он лишь чуть старше Дегатти... который, впрочем, тоже стареть не собирается.

Особенно теперь.

– Вот интересно, а бессмертие вы, получается, на двоих делите? – жадно спросил ректор. – Я с научным интересом.

– В некотором роде да, – уклончиво ответил Дегатти. – Но это не одеяло, которое можно натянуть на второго.

– А о моем предложении вы подумали, мэтресс? – обратился теперь прямо к Лахдже Драмм.

– Подумала. И еще подумаю. Хотите кекса?

– Да вы не бойтесь!.. хочу, спасибо. Это же будет чисто учебный контракт, слово вызова никто не узнает! Просто демонстрация для студентов!

Лахджа вздохнула. Ректор Апеллиума начал подкатывать к ней, едва по Клеверному Ансамблю разнеслось, что Дегатти женился на высшей демонице. Таалей Драмм тогда чуть не задохнулся от счастья, потому что им жизненно необходимы такие вот... учебные пособия.

Высший демон, который не проявляет враждебности. Даже если что-то пойдет не так. Даже если ученик в чем-то ошибется. Демон, который не пытается что-то поиметь, не прячет кукиш в кармане, не требует платы... той особой платы, которую никто не хочет платить. Демон, который позволяет себя исследовать, позволяет над собой экспериментировать... впрочем, Лахджа не позволяла.

– Я не хочу, чтобы ваши следующие выпуски тренировались на мне, – повторила она в очередной раз. – Они же тогда запомнят мое имя.

– Ваше имя и так все знают.

– Неполное. А слово вызова я вообще никому не скажу.

– Это будут очень хорошие деньги, – понизил голос

Драмм.

– Сколько? – деловито спросил Дегатти.

– Договоримся, коллега. Вы... вы еще раз все обдумайте.

Если что, я и с Монстрамином договорюсь. У меня там знакомые есть. Э?... э?..

Лахджа закусила губу. С козырей зашел, гнусный смертный. Давно с демонами работает, сразу видно.

– Ладно, я... обговорим условия, – неохотно сказала она. – Дневать и ночевать я у вас не собираюсь. И... и потом. Не в ближайшие месяцы.

– Почему?... а!.. да, конечно, потом, – просиял ректор, с пониманием глядя на Лахджу. – И... вот я пытаюсь понять. Как-то вот спрашивать неудобно... вы же, получается, вайли, так? Полу... полугохеррим, полу... еще какой-то демон?... Не чисто паргоронский?..

– Нет, я чисто паргоронский, – ответила Лахджа. – Фархеррим.

– Фархеррим?..

– Новый вид.

Таалей Драмм сначала аж рот раскрыл от восторга! Новый вид!.. Новый вид демонов!..

А потом его рот закрылся, и в глазах отразилась паника. Новый вид демонов!.. Высших демонов!.. Совершенно дру-

гие существа, о которых ничего не известно! Ни о способностях, ни о методах противодействия, ни схемы призыва!..

– Это... это новость, – хрустнул пальцами он. – Я, признаться, все это время думал, что вы гибрид... я не был готов... Так вы согласны, да?.. Будем вместе работать. На благо Мистерии... и всего смертного мира.

– Это я гибрид! – подала голос Астрид.

– Нет, ты очень милая маленькая девочка, и я буду рад тебя учить, – подмигнул ректор.

– Демон-призыватель?.. – усомнилась Лахджа. – Я вообще пока не уверена, что Астрид к вам поступит...

– Ой, шутки шутите, – хмыкнул Драмм. – У демонов великолепные способности. Конечно, поступит.

– Я не в этом смысле. У нее есть демоническая сила. Зачем ей уловки смертных? Пустая трата времени.

– Все вы так говорите, пока вас... ай, извините! Это профессиональное.

Лахджа с недоумением посмотрела вслед ректору. Тот даже не поздравил их с Добрым Днем. Хотя они его тоже. Какой-то он скользкий...

Он такой и есть. И демонов он ненавидит. Это Кайкелона их призывает и, кажется, не тяготится общением. А Таалей... он бы вас всех подчистую загнал в клетки. Он считает, что хороший демон – это демон-раб. Или демон, пущенный на ингредиенты.

Ну и на кира я тогда согласилась? Скажусь потом боль-

ной и откажусь.

Ну да, а он мне потом всю плешь проест. Лахджа, он ректор, член ученого совета, а я... я даже не декан. Я обычный преподаватель.

А почему ты даже не декан? У тебя же премия Бриара?

Вакансий пока нет. Меня же не сделают каким-нибудь вторым деканом или запасным деканом. Пока кто-нибудь не умрет или не уволится, я останусь просто преподавателем. А Таалей – ректор. Не моего института, но все равно.

Ну не знаю, я ему ни в чем не клялась.

А он тебя на карандаш теперь взял. Все.

Что ты меня пугаешь-то?!

К счастью, ректор Апельлиума Майно не начальник. Муж Лахджи работает в Унионисе, институте... любителей животных. Они лучше всех умеют раскрывать душу и делить ее с другими. У каждого есть какой-нибудь питомец, фамильяр, и через них они колдуют, используют вместо волшебных палочек... и верных спутников.

И ректор Униониса – мэтр Иволг. Добрейший старикан с огромным Гением... и это не метафора. Кроме фамильяров в Унионисе создают так называемых эмоционалов и Гениев, буквально одушевляют части собственной личности. Мэтр Иволг пару раз приглашал обоих Дегатти к себе на чай, и Лахдже он очень понравился.

Она надеялась встретить его вместо липкого Драмма, но Иволг, увы, проводит каникулы в загородном особняке

и до начала занятий в Валестру не вернется. Клеверный Ансамбль вообще сейчас почти пустует, и по коридорам разносится эхо шагов.

Весь этот учебный комплекс пронизан сетью порталов. Из любого университета можно попасть в любой, и только в библиотеку ни один портал не ведет, но она в самом центре и соединена со всеми корпусами ажурными арками. Лахджа еще не очень хорошо тут ориентировалась, зато Майно знал старый добрый КА как собственную квартиру. Пройти до конца коридора, подняться по лестнице, войти в светящуюся арку под мозаичным панно – и вот они уже в Мистегральде, центральный шпиль, президентская резиденция.

Председатель Локателли знал толк в интерьере. Его кабинет был залит светом, и в нем все стояло на своих местах. Дорогая и очень удобная мебель, всюду дерево и картины, мягкий ковер с толстым ворсом. Лахджа подумала, что если б у них был большой дом, она бы непременно постелила такой же рядом с камином.

Зачем? Чтобы начать пожар?

Ну-у-у... мы найдем ему применение. Не отметай эту мысль так сходу.

– С Добрым Днем, еще увидимся!.. – донесся добродушный голос.

Дверь в дальнем конце распахнулась, оттуда донесся шум прибоя и пахло морем. Потирая руки, в кабинет вошел его хозяин – в легкой тунике и коротких штанах, с полотенцем

через плечо. При виде семьи Дегатти он сверкнул глазами, широко улыбнулся и сказал:

– И вас с Добрым Днем! Как пунктуально, минута в минуту!

Зодер Локателли уселся в свое кресло, этот внушительный каменный трон. Председатель закончил не только Вербалеон, но и Бакулюмуст, и это кресло служило ему персональным артефактом, таким огромным и очень удобным посохом. Расправив бороду, великий волшебник произнес:

– Да будет мантия.

Одежда для купания сменилась официальным одеянием. Струящимся синим балахоном, усеянным звездами. Улыбнувшись еще шире, Локателли сказал:

– А вы тоже присаживайтесь, присаживайтесь. Да будут кресла... да будет кофе... или чай?..

– Какао, – попросила Лахджа, опускаясь в мягкое кресло и ставя свой поднос.

– И мне! – вбежала в кабинет Астрид.

– Какая прелесть, демоны Паргорона предпочитают какао. Да будет какао... да будет еще одно кресло. Маленькое.

Лахджа взяла чашку и отхлебнула. М-м-м, сотворенный какао... хотя очень хорошо сотворенный. Ладно уж, простим ему легкую ненастоящность, это какао старается изо всех сил. У самой Лахджи получается хуже...

И тут марשמеллоу. Такие разноцветные.

У Лахджи до сего дня не было возможности воочию

встретиться с самим Зодером Локателли, главой всей Мистерии. Он выглядел очень типичным, очень классическим волшебником из сказки. Длиннобородый благообразный старец с мудрыми, но хитроватыми глазами. Так мог бы выглядеть Мерлин, Гэндальф, Дамблдор. Локателли явно долго работал над имиджем, отшлифовывал свой образ, чтобы сразу давать понять: сие есть величайший волшебник на планете.

– Рад, что ты сумел заглянуть, Майно, – отхлебнул кофе Локателли.

– А у меня что, выбор был? – немного наигранно вскинул брови Дегатти.

– Ну-ну. Не надо этой ершистости... ой, какой у вас кекс вкусный!.. Я просто хотел наконец познакомиться с твоей семьей. Заглянул бы в гости сам, да все как-то неудобно было без повода...

– Как здорово, что повод появился... – вздохнул Дегатти.

– Да-а-а... – вздохнул и Локателли. – А я уж думал, что ты остепенился, Майно... успокоился. Ай-яй-яй, мэтр Дегатти, мэтр Дегатти. Что вы себе позволяете? За хулиганство и вандализм мы вас, конечно, в Карцерику не посадим, но ущерб придется возместить... это, знаете ли, скандал, когда такой почтенный волшебник, лауреат премии Бриара – и вдруг устраивает разгром, да еще с помощью демона-фамильяра.

Астрид стало неинтересно. Она допила какао, вылезла из кресла и принялась бродить по кабинету. Ее особенно за-

интересовала коллекция фарфоровых фигурок. Они стояли в рядок, что Астрид не понравилось, потому что это как-то неправильно.

Она бесцеремонно открыла дверцу и принялась расставлять фигурки правильно. Чудовищ согнала под хрустальное деревце, волшебника назначила их пастухом, а рыцарь за-таился за кустами, чтобы напасть на стадо. Тут Астрид стало жалко бедных виверну, единорога, мантикору и сфинкса. Она добавила в композицию принцессу, поставив ее рядом с рыцарем, и развернув последнего к ней.

Все, теперь рыцарь отвлекся и никого не обидит. Теперь он думает только о принцессе.

Да, так совсем хорошо... нет, подождите. Волшебник тоже смотрит на принцессу. Астрид задумалась, что делать с этим накалом страстей.

Она заметила на верхней полке пузатую свинью-копилку и переставила принцессу к ней.

Прости, рыцарь. Прости, волшебник. Свин жирный и уродливый, но он высоко стоит и у него много денег. Принцессы это любят.

Теперь она поставила рыцаря и волшебника так, будто они сидят под деревом и думают о жизни.

– Ждете второго ребенка? – спросил Локателли, с интересом следя за тем, что делает Астрид. – Как скоро?

– Лун через восемь... а вы откуда знаете? – спросила Ладжа. – Мы еще никому не говорили.

– Я великий волшебник, я говорю со звездами, духами и старыми сплетницами. Я все знаю. Иногда больше, чем хотел бы. Это у вас будет полудемон, да? Тогда заранее поздравлять не стану, сами понимаете.

– Да уж, – поболтал ложкой в чашке Дегатти.

Астрид надоели фигурки и она вернулась посмотреть, не появилось ли чего хорошего на столе. Сунула нос в пустую чашку и грустно вздохнула.

– Сотворить тебе еще какао, милая? – предложила Лахджа.

– Нет, пусть он сотворит, – застенчиво попросила Астрид. – У него вкуснее.

Лахджа приняла критику со стоицизмом, ничем не показав, какую рану это оставило в ее сердце. Зато Локателли аж засиял от гордости, и тут же сотворил Астрид еще какао. И печенья.

– О, печенье! – обрадовалась девочка.

– И конфеты, – улыбнулся старый волшебник. – Да будет конфета.

– Две! – потребовала Астрид.

– Да будет еще конфета.

– Продешевила! – стиснула кулачки девочка. – Дай больше!

– О, тут у нас маленький бушук, – укоризненно сказал Локателли. – Не быть конфетам.

Ручки Астрид опустели, и она заморгала, не веря в такое

предательство. Исподлобья посмотрев на председателя, она буркнула:

– Колдун блеванный.

– Астрид! – аж подскочила Лахджа.

Она схватила дочь за руку, торопливо извинилась перед Локателли и вышла из кабинета. Знакомство состоялось, и не стоит давать главе всей Мистерии повод их невзлюбить.

А вот Дегатти остался. Он тоже извинился за дочь, но Локателли только отмахнулся. Он не обиделся, конечно, его это скорее повеселило.

– Гляжу, ты начал отращивать бороду, Майно, – сказал он, задумчиво глядя на гостя. – Молодец. Отрасти как у меня.

– Таковую не смогу, – сказал Дегатти.

– Да уж конечно, – гордо погладил длиннюю бороду Локателли. – Но попытаться ты можешь. В конце концов, ты будущий декан, ты должен производить должное впечатление...

– Будущий декан? – заинтересовался Дегатти.

– Не будем забегать вперед. Ты сейчас самый логичный кандидат, но вакансия вначале должна освободиться, сам понимаешь.

– Я за этим не гонюсь.

– И хорошо. И молодец. Скромность украшает мужчину. Я вот был скромн всю жизнь, и... впрочем, мы тут не обо мне. Я тебя зачем пригласил-то?

– Из-за Сталеклыка, – вздохнул Дегатти. – Да выплачу я

ему... потом.

– Выплатишь, конечно, но это ерунда. Между нами говоря, он и сам ходит по краю. Игорный бизнес у нас не преследуется, но... нет, его не за что привлечь.

– Как всегда...

– Майно, он тебя все-таки не силком затаскивал, – напомнил Локателли. – Но я вообще не об этом, это все пустое. Да, будет неловко, если член ученого совета будет проигрывать у лепреконов...

– Член ученого совета?.. – совсем запутался и опешил Дегатти.

– Пока еще нет, в том-то и дело. А почему?

– Что почему?..

– Почему, говорю, ты все еще не пишешь монографию? Научную работу? Даже небольшой статьи еще не вышло... так, для затравки. А наши коллеги ожидают от тебя многого. Целую книгу, возможно.

– Книгу о чем?..

– Майно, ты претендуешь на декана...

– Да я не претендую...

– А вот и плохо. Претендуй. И не на декана, а сразу на ректора. Мэтр Иволг недавно упомянул, что хочет уйти на пенсию, да вот беда – не видит себе замены. Не видит достойных. Есть вот только такой Майно Дегатти, который много чего умеет, много чем удивил, но ничего не хочет. Да еще и игорные залы разносит. Энергии в нем, наверное, много.

Ее надо в мирное русло направить.

Дегатти задумался. Монография, значит... монографию, конечно, написать можно. Одну он уже писал, когда получал профессиуру, опыт есть.

В магическом сообществе монография – это не пустяк. По факту это целая новая волшебная книга, бестиарий, руководство или лечебник. Большая работа, имеющая важное практическое или теоретическое значение. Какие-то мелкие статейки с пережевыванием старых тем на новый лад даже не считаются стоящими внимания.

– Да что я могу написать... – замямлил Майно.

– Сколько у тебя сейчас фамиллиаров? – терпеливо спросил Локателли.

– Девять. Семь классических животных, один неодушевленный и... и Лахджа.

– Девять, – повторил Локателли. – Не рекорд, конечно, но к чему рекорды, если один из фамиллиаров – высший демон? Как ты думаешь, сколько в Унионисе было волшебников с высшим демоном в фамиллиарах?

– Один, я знаю. Я.

– Вот именно. Майно, ты подумай. Ты первый волшебник за... я даже не знаю, за какой период, у которого есть полный доступ к высшему демону. Максимально полный, круглые сутки и добровольно. И не только к самому демону, но и к его мыслям, к его памяти. Как они думают... как она думает, кстати?

– Ну... как человек... она искренне в это верит.

– А на самом деле? – въедливо осведомился Локателли.

– Она очень старается. И я ей очень благодарен.

– Понятно... ну надеюсь, в работе ты отразишь эти аспекты подробнее. Никто, конечно, не ждет, что ты будешь рушить свое семейное счастье ради какой-то книжки, но у тебя есть долг перед Мистерией. И круглосуточный доступ к высшему демону.

Из коридора донесся смех Астрид и какой-то грохот. Лахджа приглушенно уговаривала дочь не буянить. Потом не очень приглушенно. Потом громко... грохот прекратился, но повисла какая-то пугающая тишина.

Локателли с интересом прислушался и добавил:

– Двум высшим демонам. Фамиллиару и не фамиллиару. Есть возможность сравнивать. К тому же один из них растет у тебя на глазах.

– С ней у меня нет такой связи, как с ее матерью, – напомнил Дегатти. – Я не знаю, как и о чем она думает.

– Она воспринимает тебя как отца, а это уже огромная редкость, – сказал Локателли. – К тому же скоро у тебя будет еще и полудемон...

Дегатти поморщился. Старика опять заносит. Это все-таки его семья, а не какая-то опытная делянка... хотя да, исследовательский материал интересный.

Он все-таки первый волшебник, который сделал фамиллиаром высшего демона. Это отчасти случайность, а отча-

сти ее добровольное сотрудничество, но сам факт, сам факт! Раньше такое считалось казуистикой: технически возможно, на практике не бывает. Просто грех не воспользоваться такой возможностью продвинуть магическую мысль...

Так, стоп. Он начал думать, как отец. Плохой Дегатти, плохой.

Так, а это вообще уже не он думает.

Лахджа!

Ты плохой. Плохоооой.

Прекрати!

– Какой интересный материал, – восхитился Локателли. – Она может подключиться к тебе без разрешения? Опасно, но так интересно!..

– Вы слышали? – смутился Дегатти.

– Я случайно. Вы громко думаете, а это все-таки мой кабинет... средоточие моей магии. Я и вне его – величайший волшебник планеты, а здесь я и сам не знаю своих пределов... как и ты своих. Но ты же понимаешь, что если слетишь с катушек, то мы запрем тебя в Госпитиуме?

– А меня? – сунулась в дверной проем Лахджа.

– И тебя.

Локателли наклонился вперед, оперся локтями на стол, хитро улыбнулся и сказал, глядя на Лахджу:

– Вот что, Майно. Я тебе сделаю подарок на Добрый День. Я, президент Чу, ректор Драмм, ректор Иволг... в общем, от всего ученого совета ты получаешь академический от-

пуск. Оплачиваемый. Твой опыт очень важен для всех нас. Спокойно работай, пиши свой великий труд. Года должно хватить, но если что – продлим. А потом, когда закончишь... посмотрим по результатам.

Всего лишь год. Дегатти стало неудобно. Ему сейчас, считай, дали официальное распоряжение не только от председателя Локателли – от всего ученого совета. Теперь понятно, почему он встретил здесь Таалея.

– Через год навести меня снова, – сказал Локателли, откидываясь в кресле. – Я вот прямо тут запишу, в своем ежедневнике – на следующий Добрый День назначено Майно Дегатти.

– Тогда... с Добрым Днем... – сказал Дегатти, поднимаясь с кресла.

– С Добрым Днем, – улыбнулся Локателли.

Глава 4

– Так что ты в итоге решил? – спросила Лахджа, уже сидя дома за праздничным столом.

– А что я решил... – отвел взгляд Дегатти. – Я, видимо, решил писать. Я решил взять академический отпуск... оплачиваемый!.. я решил... Астрид, не ешь ложки!

Астрид со свистом втянула ложечку и потупила глазки. Она стыдилась есть несъедобные вещи, потому что мама убедила ее, что это некультурно... но они же такие вкусные!

И кто их назвал несъедобными? Очень даже съедобные! Вот, легко откусываются!

– Она голодная, что ли? – спросил Дегатти, глядя, как девочка грызет вторую ложку. – Астрид, ты голодная?

– Астрид всегда голодная, – ответила Астрид. – Уясни, папа.

– Возможно, ей не хватает железа, – предположила Лахджа.

– Тогда ей не стоит есть столовое серебро, – сказал Дегатти. – Мне этот набор приборов дядя подарил... и он только что официально закончился. Это была последняя ложка.

Лахджа налила дочери чаю, чтобы не ела всухомятку. Она не знала, как демонический организм реагирует на серебро.

Лахджа. Лахджа.

Опять он.

Лахджа. Лахджа.

– Да возьми ты печенье сам! – не выдержала демоница.

– Ты должна разрешить, – сказал Тифон. – Я же хороший.

– Кто тут хороший мальчик? – нарочито засюсюкала Лахджа. – Кто тут хороший?.. А что у меня есть?.. Печенье для хорошего мальчика!

– Не издевайся, – сказал пес, взял печенье и сердито уцкал в угол.

Среди фамиллиаров Тифон был самым... простоватым, что ли. Он не такой вредный, как Снежок, не такой занудный, как Матти, и не такой раздражительный, как Ихалайнен. Но он немного... навязчивый. Активно лезет общаться и никогда не дает поест в одиночку. Рядом всегда будет пес, который провожает взглядом каждый кусок, отправленный не в его рот.

И поначалу Лахджа его немного сторонилась. До того, как стать демоном, она боялась собак. Потом, конечно, этот страх исчез вместе со всеми остальными страхами, но что-то в подкорке все еще сидело. Понадобилось время, чтобы привыкнуть, что теперь Тифон – ее собрат-фамиллиар, член их большой разношерстной семьи.

Я ему говорил, что нам не нужна блохастая собака, нам и вдвоем хорошо. Ну ладно, енот был достойным приобретением. Конь тоже. Но собака... а попугай? Зачем давать разум попугаю? Попугай – это уэсин.

Интер-ресный факт! Есть стр-раны, в которых кошек

считают исчезающими Пар-ргор-рона! Воплощениями Кса-ур-р-ра! Их истр-ребляют везде, где только увидят!

Рыбу мы тоже зря завели. Я стараюсь не смотреть в ее сторону, но это сложно! Почему я никогда не слышу мысли рыбы? Ее словно вообще нет среди нас!

А о чем с вами говорить, млекопитающие? Ладно еще змея...

Подожди, вы со змеей говорите?!

Постоянно.

Почему мы не слышим?

А тебя это не касается, рыбоед.

Я вообще не люблю рыбу!

Лахджа попыталась абстрагироваться. В голове как будто вечный голосовой чат...

Фамиллиары ее мужа отлично умели говорить вслух. Но делали они это не всегда, потому что обмениваться мыслями они тоже умели отлично. И Лахджа далеко не сразу привыкла делить ментальное пространство не только с мужем, но еще и с кучей животных.

Это даже хуже, чем переселиться из собственной квартиры в коммуналку. Но ничего не попишешь, теперь она так проведет очень много времени. Дегатти уже там думает, как бы это присовокупиться к ее бессмертию.

И ничего и не думаю, и ничего и не так.

Нет, Лахдже не было жалко. Попугай вот делится с ее мужем способностью полета, но сам от этого крылья не теряет.

Она бы и демоническую силу предоставила Майно в полное распоряжение, просто... это не так легко, как может показаться.

Скверна... она немного мешает. Лахджа – демон, ее бесмертное начало замешано на Тьме. Поэтому с Майно она делится только малой частицей и через особый «фильтр». Иначе он спятит или сам начнет превращаться в какую-то гадость, низшего демона.

А я, Майно, могу быть замужем за великим волшебником, но уж не за каким-то мелким бесом. Это будет шаг вниз.

То есть дело только в этом.

Тебе и самому не понравится. Такие самопальные демоны... они в основном отвратительны. Снаружи и внутри.

Лахджа вызвала в памяти образ того несчастного паренька, которого ее бывший муж трансформировал в низшего демона. С его согласия, по его собственной просьбе... облагодетельствовал, можно сказать. И он вроде как даже остался доволен, но как же это гадко выглядело...

Ладно, я понял!

Дегатти и Лахджа обменялись пристальными взглядами. Между собой они чаще разговаривали вслух, чтобы не разучиться это делать и чтобы оставлять друг другу больше внутреннего пространства. Но о подобных вещах переговаривались мысленно, особенно когда рядом грела уши Астрид.

Кое о чем ей рановато знать.

– Мам!.. Мааааааам!.. – раздался вопль из детской.

– Что?! Что случилось?

– Юмпла еще не пришла?!

– Она ночью придет. Что ты орешь, будто тебя гоблины в котле варят?

– А сколько до ночи?

– Еще три часа.

– Это много?

– Это еще три часа. Три раза по часу. Три раза по... «Слову волшебства».

– Пнятна.

Минута молчания.

– Маааам, мааааааааам!

– Что?!

– Юмпла еще не пришла?!

Лахджа вышла в прихожую и демонстративно распахнула дверь.

– Нет, еще не... ой, здравствуйте!

Стоящий на пороге крупный, полный мужчина в испуге отшатнулся, но тут же взял себя в руки и спокойно сказал:

– Вы, должно быть, моя невестка... с Добрым Днем.

– Ааа, дядя Жробис! – обрадовалась Лахджа. – Майно, к тебе дядя приехал!

Жробис и Майно Дегатти радостно обнялись. Лахджа впервые видела этого мужнина родственника и теперь с любопытством их сравнивала. Да, семейное сходство налицо, только Жробис раза в два шире, с редкими волосами и но-

сом-картошкой.

Но если Майно однажды разожрется и начнет лысеть, будет точная копия... о Древнейший, только не это.

Лахджа уже знала, что дядя Жробис – адепт Арборазы и большой домосед. Свою усадьбу он покидает редко, поскольку адепты Арборазы за пределами своих владений практически не способны колдовать. Вот у себя дома он почти всемогущ. А здесь... просто добродушный толстяк.

Неудивительно, что в Валестру он выбирается в лучшем случае раз в пару лет.

– Майно, дорогой мой племянник! – наконец разомкнул объятия дядя Жробис. – Поздравляю тебя с твоим великолепным достижением... приобретением... женитьбой!..

Лахджа, которая за сегодня уже наслушалась этой кирни, закатила глаза за его спиной.

– Сделать своим фамильяром высшего демона!.. – воскликнул Жробис, похлопывая племянника по плечу. – Ох!.. да я даже и не слышал ранее о таком! Не знаю, правда, как на это отреагировал бы Гурим, учитывая прочее... ну ты сам понимаешь. Но все равно!.. Я думаю, это заслуживает второй степени, ты так не считаешь? Сейчас у нас двадцать третий год... утром начнется двадцать четвертый... у тебя еще четыре года, чтобы дописать монографию... ты ведь ее пишешь?.. сразу пришли мне на рецензию, как только закончишь!..

– Я еще не начал, – отвел взгляд Майно.

– Ты разочаровываешь меня, племянник. Мог бы и начать. Что ты делал эти два года?

– Жил!

– Ох... ну... да, ты ж женился, – наконец повернулся к Лахдже дядя Жробис. – Да... пожалуй. Я тебя понимаю. Дело молодое, шуры-муры, сюси-пуси...

Лахджа приняхалась. Похоже, по дороге дядя уже где-то поддал. Но смотрел он на нее добродушно и с искренней симпатией.

– Ну что же, пройдемте к столу! – потер он руки, снимая тяжелую беличью шубу.

Лахджа только теперь обратила на нее внимание и вытаращила глаза. Нет, на Земле в Рождество это было бы уместно, особенно в северных странах. Но Добрый День отмечается летом... на границе лета и осени, но все равно обычно очень тепло.

– Дядя... – удивился и Майно. – А... тебе это подарили, что ли?

– Нет, мой дорогой племянник, – немного снисходительно сказал дядя, идя на запах жаркого. – Не ты один способен на незаурядные достижения. Моя грамадевата, мое жертвенное древо, служит домом для сотен белок. Целые поколения живут и умирают в кроне грамадеваты Дегатти.

– О боже, – начала понимать Лахджа.

– Нет, я не убивал ни одной из них, – строго посмотрел на нее дядя Жробис. – Я бы никогда не тронул их и пальцем.

Но после естественной смерти они отдавали мне свои шкурки. Они кормились с моего дерева и жили на нем. И теперь эта шуба – часть грамадеваты. Пока я в ней, я хоть и умеренно, но могу колдовать, а еще защищен от чужих злых чар. А еще зимой она греет, а летом освежает, так что мне не бывает ни холодно, ни жарко.

– Это же превосходно, дядюшка! – восхитился Майно.

– Ну не так превосходно, как твое достижение, – махнул рукой Жробис, садясь за стол. – Так что же, что тебе дало заведение такого необычного фамиллиара?

И Дегатти начал обстоятельно рассказывать. Сразу было видно, что с дядей у него отношения хорошие, и от него он ничего не скрывает.

– ...Сначала были проблемы со скверной, – говорил Майно. – Я тогда даже болел... не сильно, но часто.

– Это были скверные дни, – проворчал Снежок, усаживаясь к Жробису на колени. – Что там у тебя, сыр?..

– Потом мы как-то справились с этим. Она научилась... фильтровать свою силу. И энергообмен перестал приносить мне вред. Теперь я понемногу могу использовать демоническую силу, однако Лахджа не питается душами, так что это имеет скорее теоретическую ценность.

– Ну все равно. А что еще?

– Значительное замедление старения, конечно. Сейчас я почти не прилагаю к этому усилий. Ускоренное восполнение маны. И... и ребенок.

– Привет, – сказала Астрид, выползая из-под стола.

Рассмотрев маленького демоненка, дядя Жробис расхохотался. О существовании Астрид он знал, конечно, но увидел воочию впервые. Поглядев на ее крылышки и гибкий хвостик, толстяк цокнул языком и сказал:

– Да уж, Гурим бы обомлел от восторга.

– Он бы сказал, что это я тоже ему назло, – пробурчал Майно.

– Ну не знаю, не знаю...

– Ты не Юмпла, – констатировала очевидное Астрид.

– Нет, девочка, я не Юмпла, я твой великий дядя, – пробасил Жробис. – Но подарок я тебе принес.

– Дай!

– В первом полуночном часу.

– Астрид, надо говорить «дай, пожалуйста», – напомнила мама. – «Пожалуйста».

– И он даст?

– Нет, но ты будешь вежливой.

– Вежливость бесполезна! – топнула ножкой Астрид.

– Ты получишь подарок в полуночном часу, – сказал Жробис. – А пока... на вот тебе шоколадку. Демонята едят шоколад? Или вам мила только плоть человеческая? Шучу, шучу!..

Шоколадку Астрид взяла, но вопрос заставил ее задуматься.

– Мам, что такое плоть челозическая? – спросила она, от-

кусывая кусок.

– Это мясо, из которого сделаны люди, – ответила Лахджа, помогая еноту накрывать на стол.

– Люди сделаны из мяса?.. – очень тихо переспросила Астрид.

– Мы тоже сделаны из мяса. Но оно у нас невкусное.

Астрид плюхнулась на пол и схватилась за голову. Ее мир только что перевернулся.

Если люди сделаны из мяса...

– Это безумие... – пробормотала Астрид. – Почему тогда людей не кушают?!

– Вообще-то, кушают...

– Лахджа! – повысил голос Дегатти.

– Ну их едят только всякие выродки и гоблины, – поспешила объяснить демоница. – Ты же не гоблин?

– Н-нет?.. – усомнилась девочка.

– Ты не гоблин, Астрид.

Так в жизни Астрид появилось немного больше определенности. Теперь она точно знает, что она не гоблин.

Девочка машинально доела шоколадку и шмыгнула носом. Ладно, этот подарок был вкусным, но маленьким. Надо полагать, дядя подарит что-нибудь еще.

Иначе зачем он вообще пришел?

– Кстати, Астрид, прояви вежливость, – вдруг сказал папа. – Дядя угостил тебя шоколадкой. Угости его тоже чем-нибудь.

– Мы ее учим эмпатии, – вполголоса пояснила Лахджа. – Или хотя бы ее имитации.

– Это правильно, – согласился Жробис.

Астрид немного озадаченно ушла в детскую и вернулась с шоколадкой... последней. Все остальные она съела вчера, оставив только самую любимую, которую приберегала на особый случай.

Отдавать ее было жалко. К тому же Астрид не понимала, в чем смысл этого ритуала. Если она получит шоколадку и отдаст шоколадку... у нее же ничего не прибавится! И у дяди Жробиса не прибавится!

В чем смысл?!

– А можно я угощу не шоколадкой? – попросила она. – А то как-то тупо. И у меня осталась только одна шоколадка, моя любимая. А дядя подарил мне не особо любимую. Получается, он мне подарил не особо любимую, а вынудил отдать любимую?!

– Какие сложные рассуждения для такой маленькой девочки! – восхитился Жробис.

– Она демон и наполовину гхьетшедарий, – пояснил его племянник. – Для них раннее развитие нормально.

– Я не дам себя обмануть, – сурово посмотрела на дядю Астрид. – Угощаю тебя этим огурцом.

– Такая маленькая, а уже демон, – покачал головой Жробис, но подлил себе виски и закусил огурцом.

Сразу после этого в дверь снова постучали. На этот раз

явилась сухопарая пожилая женщина – очень эффектная для своего возраста, в черном платье, сережках-черепках и с колокольчиком на шляпе. В отличие от дяди Жробиса, с тетей Маврозией Лахджа уже была знакома – та жила в Вале-стре и иногда заглядывала навестить племяша.

К Лахдже и Астрид она поначалу относилась настороженно, но потом успокоилась. Тетя Маврозия – из института Нигилиум, факультет классической некромантии, а они хотя и мало соприкасаются с демонами, но в целом к общению с нечистью им не привыкать. Она прямо сейчас приехала в карете, которую тащили лошади-призраки... или ревенанты... Лахджа не знала, как называются эти мерцающие твари. Она прекрасно видела их ауры и примерно понимала, как их создали, но официального названия не знала.

Она надеялась, что с появлением тети застольный разговор переключится на что-то другое, но он продолжал вертеться вокруг нее и их отношений с мужем. Лахдже это уже обрыдло.

Остается надеяться, что смертные со временем все-таки привыкнут, что светлейшее светило из Паргорона осветило их темное существование. А то она даже из дома выходит редко, потому что как ни выйдет, так на нее глазают и судачат.

Ой, это фамилиар Дегатти!.. Ой, это его жена!.. Жена-фамилиар?.. фу, какой ужас. Это законно вообще?

– Фархеррим, вначыт, – сказал дядя Жробис, набив рот

селедкой с картошкой. – Я таких вообще не знаю.

– Да мы новенькие, – в очередной раз объяснила Лахджа. – Нас из смертных наделали.

– Ты из Легационита, что ли?

– Нет, я... неважно, издалека.

– Из-за Кромки?

– Ну да.

В пятом закатном часу прибыл наконец и приглашенный Вератор. У Майно на пальце задрожал перстень, Вератор спросил, уместно ли его присутствие, и получив согласие, самопризвался. Лахджу немного напрягало, что дружбомаг в любой момент может просто возникнуть из воздуха, но пока что тот не злоупотреблял своим правом.

По бокалам разлили вино. В стенном дальнзеркале появился Локателли с его обычным добродневным обращением. Слушали вполуха – речи председателя давно стали традиционным сопровождением праздничного застолья.

Вератор его слегка передразнивал и веселил Астрид. Жестикулируя вилкой с кусочком картошки, он вещал:

– Этот год был очень тяжелым! И все благодаря мне! Великолепному, неподражаемому мне! Бессменному руководителю Мистерии! Смотрите, какая у меня борода! Сколько волшебных тайн и чудес в ней сокрыто!

Жробис аж хрюкал, колотя кулаком по столу. Маврозия сухо посмеивалась. Астрид заливалась от хохота. Дегатти тоже усмехнулся и спросил:

– Вератор, а почему ты не ректор Субрегуля?

– Потому же, почему и Жюдаф, – весело ответил дружно-маг. – Мы заняты более важными делами.

– А-а-а...

– Потому же и Сарразен до сих пор не ректор Униониса, – ухмыльнулся Вератор. – Не думаю, что он вообще этого хотел бы.

– У-у-у...

Сразу после новогодней речи официально началась добродневная ночь, и стали распаковывать подарки. Лахдже подумалось, что без рождественского дерева все-таки чего-то не хватает, чувствуется какая-то незавершенность. Но остальные ее не замечали, а значит, только у нее такие переживания.

– ...Распаковывайте эти подарки с мыслями обо мне! – продолжал пародировать председателя Вератор. – Думайте обо мне, пока ими наслаждаетесь! Все они – как бы от меня!

– Вератор, хорош, – поморщился Дегатти.

Дядя Жробис принес подарки всем, кроме Вератора, на которого не рассчитывал. Но его выручил племянник, незаметно сунувший дяде один из своих резервных подарков.

Семье Дегатти Жробис подарил новый набор столовых приборов, что вызвало восхищение Астрид.

– Какой красивый, – заморгала она.

– Есть нельзя, – тут же убрала его повыше мама. – Спаси-

бо, мэтр Дегатти.

Астрид пытливо посмотрела на мать. Мать пытливо посмотрела на Астрид. Астрид подумала, не закатить ли чудовищную истерику прямо сейчас, но тут взгляд Лахджи стал Взглядом, и Астрид сжалась в комочек.

Иногда мама смотрела так, что страшно становилось всем. Свечи и магические светильники начинали меркнуть, молоко скисало, а в конюшнях бесновались кони.

К тому же сейчас у Астрид были более важные дела. Подарки продолжали распаковываться, и это нельзя было упустить. Девочка совала нос в каждый, особенно пристально изучая те, что вручались ей.

Для нее это были совершенно новые, удивительные переживания. В прошлый Добрый День Астрид была еще маловата и толком не понимала, что сейчас за праздник.

Зато потом у нее как поперло развитие!

Так, от мамы новые сандалеты... от дяди Жробиса набор для кукольного чаепития... от дяди Вератора раскраска...

– Ой, цвейгская принцесса-волшебница! – восхищенно произнесла Астрид, распаковывая подарок от тети. – У меня такой не было!

Астрид сразу метнулась к своему стеллажу. Там за стеклянными дверцами стояла ее драгоценная коллекция – фигурки принцесс-волшебниц, которых так любят мистериеские девочки. Их производят в Индустрионе, поэтому стоят они недешево, зато в каждую встроено какое-нибудь пустя-

ковое заклинание.

Да, по законам Мистерии принцессы не могут быть волшебницами, если только не отрекутся от титула. Но это незначительные детали. Что вы хотите от детских игрушек и сказок?

Астрид собрала уже целых десять. На почетной полке стояли среброволосая принцесса эльфов в зеленом платье, орочья принцесса-шаманка с кольцом в носу, чешуйчатая кобринская ведьма-принцесса, парящая над волнами принцесса тритонов, очаровательная фелинская принцесса-чаровница и пять человеческих – рыжая и белокожая, кудрявая шоколадка, чинская в шелковом платье, дармагская в шубке и могавкская с пером в волосах.

Теперь к ним добавилась златокудрая и златобородая принцесса цвергов в традиционной для их принцесс кольчуге. Астрид придирчиво ее осмотрела. Волосы и борода были заплетены в красивые косы, а в руках принцесса держала топорик и была красивой-прекрасивой.

Но... она была сверхнормативной. Астрид пока умела считать только до десяти. А что еще хуже – на почетной полочке помещались только десять фигурок.

Кому-то придется оттуда переместиться.

– Вас тут целых десять и... лишняя, – сказала Астрид куклам. – Лишние не нужны.

Она склонила голову набок, и ее глаза стали холодными дырками в иной мир. Астрид несколько секунд вела пальцем,

а потом схватила фелинку и переместила на другую полочку, не такую почетную.

– Лишняя ты, – сказала она. – А ты теперь моя любимая, потому что новая.

Дегатти смотрел на это, и вино текло у него по подбородку. Но остальные ничего не заметили – ну играет девочка с куклами, ну и что. Тем более, жена как раз вручила ему свой подарок – собственноручно сшитый переливающийся плащ. Майно сразу в него запахнулся, оценил качество покроя и провозгласил замечательнейшим плащом всех времен и народов.

– Это плащ из демонических волос, – гордо сказала Лахджа.

– А откуда ты взяла столько во... а-а-а!..

Жробис, Маврозия и Вератор уставились на плащ жадными глазами. Лахджа немного нервничала, когда волшебники вспоминали, что она, вообще-то – ходячий склад ценных ингредиентов.

Конечно, благодаря Ме Регенерации она могла буквально оторвать от себя куски в фабричных масштабах. Но отделенная таким образом демоническая плоть разлагается быстрее, чем успеваешь моргнуть. Поэтому Лахджа два года аккуратно, соблюдая строгий ритуал, особым образом стриглась. Волосы должны были восстанавливаться естественным путем... все равно гораздо быстрее, чем у смертных, но отнюдь не мгновенно.

– Да-а-а, – потер руки Вератор. – Это же так зачаровать можно...

– Зависть душит? – самодовольно спросил Майно, оценивая свой вид в зеркале. – Когда ты успела накопить на целый плащ?

– Я демон. У меня быстрее отрастает.

Сам Майно подарил жене не настолько самоотверженный подарок. Просто подарочный купон в лавку Зукты – на одно небольшое Ме. Но их Лахджа ценила больше всего на свете, и ее глаза засияли.

Она так и не завела счет в Банке Душ и не видела проку в материальных ценностях. А вот свои Ме копила и берегла, потому что это самое надежное капиталовложение. Незримые сокровища, которые всегда с тобой, не могут быть украдены или потеряны, и наделяют тебя великой силой.

Ну или способностью создавать ложку. Но это тоже бывает нелишним, особенно когда твоя дочь их жрет.

– Завтра с утра зайдешь к Зукте и выберешь.

– Завтра?.. – распахнула окно Лахджа. – Я не буду ждать до завтра!

– Но... он тоже Добрый День отмечает...

– Вот и пусть сделает мне подарок!

Лахджа схватила нераспечатанную бутылку вина, чтобы не являться в Добрый День без подарка, а кроме того в надежде на ответный подарок.

Ответный подарок от торговца Ме...

– Вот куда ее понесло? – вздохнул Дегатти, возвращаясь за стол.

– Духи любят Ме, – пожал плечами Вератор. – И плотские демоны тоже. Сколько вот у нее?

– Ме Великой Регенерации, – стал загибать пальцы Дегатти. – Великий Метаморфизм. Это два главных, от Матери Демонов. Из тех, что помельче: Электрошок, Флора, Зов Еды, Защита Разума, Закрытие Портала, Пятиминутная Копия, Землевладелец, Ядовитые Пчелы, Призыв Дождя, Отслеживание, Поиск Красавиц, Создание Ложки, Левитация, Зеленый Цвет и... все, кажется. Шестнадцать.

– Неплохо, – оценил Вератор. – Есть пара мусорных, но остальное... особенно первые два, конечно. И Поиск Красавиц звучит интересно. Хотя для замужней дамы, конечно... не очень полезно.

Дегатти согласился.

У него самого никаких Ме нет. Он, увы, смертный, удержать может только одно или два-три мелких. Но нормальные Ме стоят огромных денег, а от мелких и толку чуть, волшебнику его уровня они ничего не прибавят.

Так что Ме в этой семье – прерогатива Лахджи. И, наверное, потом Астрид... посмотрим, какой она вырастет...

– Слушай, а зачем ей Левитация? – с любопытством спросила Маврозия. – У нее же крылья.

– Дублирующая система, – на голубом глазу сказал Дегатти. – Мало ли что случится.

А сам едва не провалился сквозь землю от стыда. Левитацию жене подарил он. На прошлый Добрый День решил сделать самый лучший подарок и заранее сходил к Зукте, выбрал отличное, первоклассное Ме... Зукта еще тогда присел ему на уши и долго расхваливал эту свою Сущность... так завораживающе говорил, что Дегатти просто забыл, кому покупает подарок.

Нет, Лахджа все равно поблагодарила и обрадовалась. Все-таки это не мусор вроде Зеленого Цвета. Ну да, бессмысленно при наличии крыльев, но всегда можно с выгодой обменять. Или отдать Астрид, если не научится нормально летать. Пока что она только планирует и перепархивает.

Но все равно муж уловил среди эмоций жены не совсем лестные для себя. И Лахджа все-таки мысленно сравнила его подарок с Зеленым Цветом, пусть и не в пользу последнего.

Так что он усвоил урок, и в этот раз купил просто подарочный купон. А выбирает супруга пусть сама.

– А ты ее Ме пользоваться можешь? – с любопытством спросил Жробис, когда Астрид со всеми своими подарками ушла в детскую. – Они у нее, я гляжу... достойные. Особенно первые два...

– Нет, через фамилиарную связь не работает, – с сожалением сказал Майно.

– А ты пробовал?

– Поверь, пробовал. Мы очень долго пытались. Как фамилиар она обеспечивает мне что-то вроде псевдодемони-

ческой силы, но... к Ме это не относится... она сейчас говорит, что Ме прилагаются к ее собственной душе, так что шансы на успех были очень малы.

– Интересная тема, – заметила Маврозия. – Можно статью написать.

– Я посвящу этому раздел монографии, – согласился Майно.

– О, все-таки решил засесть? – одобрила тетя. – Правильно, давно пора. Здесь писать будешь?

Дегатти задумался. В кошеле, конечно, места хоть отбавляй. У него там и кладовые, и гардеробные, и тихий кабинет, и запасные спальни, и целая конюшня, и мастерская, и лаборатория... ее в последнее время оккупировала Лахджа.

Но с другой стороны, он семейный человек, и растить ребенка... детей в магическом анклаве, без окон, с единственным выходом, который открывается только по воле самого Дегатти...

Да и Астрид подрастает, становится все энергичней и гиперактивней... при этом выпускать ее в одиночку гулять по улицам пока что слишком опасно. Не только для окружающих, но и для нее – тут Валестра, в ней полно волшебников. Не все они свято блюдут закон, да и могут просто не сориентироваться, увидев несущегося на них демона... маленького, довольно слабого, но все равно смертельно опасного демона.

Обычному смертному Астрид уже сейчас может свернуть шею или перегрызть горло. Она, конечно, не собирается это-

го делать и, возможно, даже не знает об этой своей возможности, но достаточно одного-единственного инцидента, чтобы возникли серьезные проблемы.

И у них ведь есть альтернатива... но ему не нравилась эта мысль...

– Майно, а почему бы тебе наконец не вернуться в фамильную усадьбу? – словно прочел его мысли дядя.

– Да, – тут же подхватила тетя. – Локателли же дал тебе академический отпуск? Ну и все. Поработаешь на природе, в тишине и спокойствии... детям там раздолье.

– Да, я помню, какое там раздолье... – проворчал Майно.

– Но ты же не собираешься кошмарить своих детей, как Гурим? – подлил себе виски дядя. – Я снова буду туда в гости наезжать... сто лет не был.

Повисло молчание. Дегатти размышлял, как бы это тактичнее отказаться, но каких-то веских аргументов у него не было...

Тут, к счастью, в окно как раз влетела жена. Майно обрадовался возможности сменить тему и быстро спросил:

– Что за обновка? Какое выбрала?

– Создание Вилки! – гордо воскликнула Лахджа.

Майно заморгал. Он вспомнил, сколько стоил купон, и в нем начал нарастать ужас.

– Шутка, – сжалилась жена. – Ментальный Блокнот.

Ме оказалось небольшим, но полезным, одним из самых ходовых. Эта штука позволяет копировать информацию

в особый раздел памяти, а потом просто высвечивать в воздухе.

– Что-то похожее используют бушуки, – сказала Лахджа. – Возможно, одному из них и принадлежало...

Она уселась за стол, все выпили за ее новое Ме, и дядя Жробис вернулся к явно заинтересовавшей его теме. Теперь он прямо спросил у Лахджи, почему они не хотят переехать в фамильную усадьбу.

– А почему мы не хотим? – повернулась она к мужу.

Тот понял, что у него нет ответа на этот вопрос.

Дегатти – одна из самых старинных и знаменитых волшебных фамилий. Родители Майно, Гурим и Ярдамила, оба были профессорами – Униониса и Монстрамина... забавное совпадение, учитывая, кем вырос он сам и кого взял в жены. И дядя Жробис тоже профессор – Арбораза. И тетя Маврозия – Нигилиума. И дедушка Айза тоже был – Поэтаруса.

Но вот премию Бриара никто из них пока что не получал... Майно нашарил под туникой медный медальон и невольно улыбнулся.

Как же ты любишь хвастаться...

– Что ты ее забросил-то, Майно? – продолжал твердить свое дядя. – Она твоя.

– Да я...

– Майно, я адепт Арбораза. Моя территория в другом месте, мне эта усадьба не нужна. А она фамильная. Там должен жить Дегатти.

– Ну пусть тетя туда переедет!

– Зачем одинокой женщине такая огромная усадьба? – хмыкнула Маврозия. – Это дом для большой семьи. С кучей детей.

– У меня всего один ребенок.

– Но на подходе второй. И у тебя куча фамиллиаров, Майно. Твоему коню удобно жить в кошельке?

Не очень. Жизнь проходит мимо меня.

Гости стали расходиться только в четвертом полуночном часу. В Добрый День все ложатся поздно, благо завтра тоже праздник – Примадис, Первый День. В Постреמידис парифатцы готовятся к новогоднему торжеству, а в Примадис – отдыхают от него.

Дядя Жробис надел свою беличью шубу, с удовольствием объяснив теперь Маврозии и Вератору, почему он в шубе теплой летней ночью. Лахджа распрощалась с гостями и пошла укладывать Астрид. Майно накинул плащ и подвесил к поясу кошель – проводить родственников и выгулять коня с псом.

Дядя Жробис пошел с ним, выгуливать и провожать. Ночевать он собирался у племянника, потому что чего он вдруг пойдет в гостиницу, когда у него в Валестре столько родни.

– Заночуешь у меня? – предложила Маврозия.

– Меня уже Майно пригласил, – развел руками Жробис.

– Да?.. а, да, пригласил, – кивнул Майно.

Когда она села в карету и укатила, дядя наклонился к пле-

мяннику и доверительно сказал:

– У нее там этот зомби-дворецкий... ну ты его видел. У меня от него мороз по коже. Я ночью как-то встал водички попить, а он стоит там у двери и смотрит. Тля, я свет зажег – а он там!.. я в темноте-то думал, это плащ висит, а это он!.. и зыркает!.. И за мной пошел, и голосом таким глубоким: чего изволите?.. Ну накир.

– Дядь, а дядь, – так же доверительно сказал уже совсем захорошевшему Жробису племянник. – У меня дома демон. Два. Большая еще ничего, а маленькая кусается. Душить по ночам она вроде прекратила... но это меня. А ты для нее человек новый. Я не знаю, чего ждать, у нас раньше никто не ночевал.

Дядя Жробис понял, что, кажется, немного обмишурился, но идти на попятную было поздно. К тому же у племянника есть этот многомерный кошель, вот в нем он и переночует.

Волшебники Мистерии, конечно, привыкли ко всяким... существам. Тут на каждом шагу големы, немтыри, объекталы, фамиллиары, кадавры, ручная нежить и один Кто-То-Там знает, кто еще. Но как и животные, волшебные существа делятся на сравнительно безобидных и тех, кого далеко не каждый рискнет держать дома.

– Ну, я тоже пойду, – сказал Вератор, глядя на темную громаду Провокатониса расплывающимся взглядом и почему-то щупая плащ Дегатти. – Хорошо посидели. Вот... вот,

я не семейный эльф, ты знаешь... но тут позавидовал... по-доброму...

Когда он дважды хлопнул в ладоши, но так и не сумел отозвать себя домой, то вздохнул и поплелся пешком.

– Да ладно, оставайся, – сжалился Дегатти. – Постелим тебе где-нибудь.

– Спасибо, – кивнул Вератор, снова щупая плащ.

Когда он отошел к парадной, Жробис снова наклонился к племяннику и тихо сказал:

– Он же не эльф.

– Только ему не говори. Он по пьяни ассоциирует себя с эльфом.

– Эльфофлюидный оркосексуал, – хмыкнула Лахджа, приземляясь рядом. Ей захотелось подышать ночным воздухом. – Так что, Майно, мы переезжаем в твою усадьбу?

– А можно это утром решить? – вздохнул Дегатти.

– Но утром на тебя не будет давить присутствие дяди, и ты откажешься.

– Я все еще буду утром, – заверил Жробис.

Когда любимого дядю и лучшего друга уложили спать, Майно и Лахджа еще немного посидели на кухне. Дегатти пил чуть меньше остальных, потому что чувствовал ответственность. Теперь они налили себе горячего чая и продолжили отмечать Добрый День уже только вдвоем... пока мимо не прошла сонная Астрид. Не глядя на родителей, она отвернула кран и принялась пить воду.

– Хочешь, чтобы у тебя был океанический анклав? – заговорщицки спросила Лахджа. – Расширяешь?

– Откуда ты знаешь?! – выпучила глаза девочка.

– Я думаю, он не растягивается, как желудок. Почему ты не спишь? Юмпла увидит, что ты колобродишь ночью, и не придет.

– А вы чо колобродите? – справедливо заметила Астрид.

– А мы вот гостей проводили и сейчас тоже спать ляжем.

– Понятно, – поджала губы Астрид, всем видом давая понять, что думает насчет таких двойных стандартов.

Но она очень хотела спать, к тому же к ней и правда должна прийти бабушка Юмпла, так что Астрид вернулась в постель.

– Слушай, а у твоего Вератора родни нет, что ли? – спросила Лахджа. – Я так поняла, он сегодня с коллегами встречал и по гостям ходил.

– Он сирота, вырос в приюте, – ответил Дегатти. – Родителей не знает, родственников нет. Большая часть его друзей – это... «друзья». Те, с кем волшебный контракт. А настоящие друзья – это я, Звиркудын и еще пара индивидов. Все остальные – это... добрые знакомые.

– И он не женат? Я помню, я его как-то видела с какой-то... или с каким-то... я не поняла.

– А, это... Вератор – эльфорок широких вкусов, он открыт всему миру... – промямлил Дегатти. – И он... не очень хорош в том, что называют серьезными отношениями. Ну

и бесплодие, конечно, как у всех полукровок.

– М-да... полукровки... – вздохнула Лахджа. – У полудемонов тоже... хотя... тут как повезет.

– У полудемонов проще, – отмахнулся Дегатти. – Гартазианки отлично размножаются с кем угодно, хотя и рожают только девочек.

– Как азари, что ли?

– Кто?..

– Неважно. Так вот, я просто подумала, что раз он ходит в Добрый День по гостям, получается, у него нет близких... а он дружбомаг.

– Да. Это сложно... я потому и не хотел вступать в его сеть. Я боялся, что из друзей мы станем «друзьями», – отчетливо произнес кавычки Майно.

– Но ведь не стали?

– Да вроде нет... он же нам, вон, книжку подарил, – хмыкнул Майно, кивая на полочку, где стояло зловещее сочинение Артуббы.

– Я, кстати, не очень поняла этот подарок... – осторожно заметила Лахджа. – Это он пошутил так?.. или намекает на что-то?..

– Пошутил, пошутил, – успокоил ее Майно. – Вератор – эльфорок, у него сложная натура. С незнакомцами и мало знакомыми он обходителен, как истинный эльф. А вот порочьи он подкалывает только самых близких друзей... их у него немного, а родни нет совсем.

Лахджа подумала, не попытаться ли свести с кем-то Вератора, но тут же отбросила эту мысль. Он живет в Валестре всю жизнь и знает тут чуть ли не всех. Если уж он сам до сих пор ни с кем не сошелся – значит, просто не хочет или умеет. Услуги иномирной сводни ему точно ни к чему.

Да и вообще – что за дурацкие мысли? Это все беременность. Когда Лахджа вынашивала Астрид, то тоже иногда становилась сентиментальной.

– Ну что, завтра сначала проводим твоего дядю или сразу начнем собирать вещи? – деловито спросила Лахджа.

– Собирать вещи?.. Мы переезжаем? – фальшиво удивился Дегатти.

– Я фархеррим, создание природы и друг всего живого. Я рождена, чтобы жить в джунглях. Город меня душит.

– Первое: ты это только что придумала. Второе: ты ненавидишь природу.

– Поэтому мы будем жить не на природе, а в семейной усадьбе. Насколько она у тебя большая?

– Сама увидишь... – вздохнул муж, поняв, что от переезда не отвертеться.

Глава 5

– Ты ведь понимаешь, что в Радужной бухте не будет такого изобилия магазинов, театров, мастеров на все руки и прочих прелестей большого города? – спросил Дегатти, шагая рядом с конем.

– Правда?.. Поехали назад, – ответила сидящая на коне Лахджа.

– Что?!

– Шутка. Я сама выросла в сельской местности... да и дворец Хальтрекарока на большой город не тянет.

– Смотри...

Мимо пронеслась Астрид. Вот уж кого-кого, а ее переезд в сельскую местность безумно радовал. То, что для взрослых хлопоты, для детей – приключения.

Девочка наворачивала круги вокруг Сервелата, которого папа вел под уздцы, и оглушительно визжала, радуясь каждому живому существу. Но мама с высоты седла следила за ней коршуном и окрикивала, едва дочь отклонялась от маршрута.

Большую часть пути семья Дегатти проделала по воздуху. Конь Сервелат за пару часов пересек всю Мистерию с северо-востока на юго-запад и приземлился в Радужной бухте. Но не в самой усадьбе Дегатти, а немного не долетая – Майно хотелось освежить память и пройтись по местам своего

детства.

Так что теперь он вел под уздцы коня, на котором с важным видом восседала супруга. Ей совершенно не требовался транспорт, но хотелось въехать в новый дом торжественно, с шиком. Жаль, что у них нет какой-нибудь кареты или свиты гоблинов, которые бежали бы впереди и разбрасывали лепестки.

Но что ж делать, невозможно получить все.

Радужная бухта оказалась прелестным местечком. Свежесть ранней осени, с юга доносится дыхание океана, и повсюду изумрудные холмы, среди которых дремлют старинные усадьбы. Везде разбиты сады, в кронах перекрикиваются птицы и волшебные дракончики. За плетеными изгородями иногда видны почтенные волшебники и члены их семей, а однажды вдали проскакала девушка на единороге.

Дорога сначала петляла по рощице, потом пересекла поле с душистыми травами. Начался болотистый сосняк, и на обочинах заалели кустики брусники. Разлитую в воздухе тишину нарушило цоканье копыт по деревянному мостику. Тифон немного замедлил шаг и сделал несколько глотков прямо из реки.

– Речка!.. – запрыгнула на перила Астрид.

– Нет!.. нет!.. – едва успел схватить ее за пояс папа.

– Купаться, купаться!.. – выпалила девочка, утирая красные губы.

– Так, Астрид, ты кого сожрала? – присмотрелась к ним

Лахджа.

– Это ягодки! – довольно сказала девочка, вытирая руки о сарафан.

Она вся перемазалась в соке. Ее ботиночки выглядели так, словно она много дней месила грязь в глухих лесах Суоми.

Грязнулю явно стоило искупать, но не здесь же.

– Мам, скажи ему, тут река, – попросила Астрид, в отчаянии глядя назад, на оставшуюся за спиной воду.

– Возле усадьбы тоже река, – ответил Дегатти. – И там есть пляж. Там чистое дно и никакой тины и коряг... наверное.

– Собственный пляж, – констатировала Лахджа. – Он скрывал от меня собственный пляж. Как далеко до моря?

– Десять вспашек, – неохотно ответил Дегатти.

– Так, ну это ж... пара часов пешком. А лететь... да минут десять. Астрид, мы будем жить рядом с рекой и морем.

Астрид злобно засопела. Она хотела купаться прямо сейчас. В этой таинственной извилистой речке с быстрой водой и кувшинками. Она красивая, она дикая, там полно лягушек и в нее можно прыгнуть с моста.

– Дочь, может, все-таки на лошадке поедешь? – предложила Лахджа, заметив, что Астрид вот-вот взорвется.

– Неть.

– Ну и ладно. Я так просто предложила.

Услышав это, Астрид картинно упала в пыль. Майно, который всего секунду назад ее отпустил, издал горловой звук и сказал:

– Так, а ну-ка встань.

Астрид привыкла, что из папы можно вить веревки, но в этот раз он обратился как-то грубо. Она начала рыдать и немного кататься по дороге. А Лахджа еще и услышала впереди чьи-то шаги и вроде как скрип колес... пока далеко, но будет совершенным позором показаться перед новыми, возможно, соседями в компании вот этой гадкой девочки.

– Майно, я думаю, нам не стоит брать в нашу шикарную усадьбу с речкой и пляжем тех, кто не способен этого оценить, – сухо сказала она. – Такая капризная и чумазая особа не может быть моей дочерью. Она на меня не похожа, люди будут думать, что я ее украла.

Астрид с ужасом подняла голову и увидела, как конь и родители удаляются, оставляя ее умирать на дороге. А что еще хуже...

– Мои куклы!.. – отрывисто выкрикнула она. – Пляж!.. Ма-а-амма-а!..

Она побежала следом, размазывая сопли и слезы, пытаясь подняться в воздух...

– Знаешь, Лахджа, когда я сам стал родителем, я стал чуть меньше злиться на своего отца, – задумчиво сказал Дегатти, не оборачиваясь к орущей дочери.

Потом он все-таки поднял ее на коня, где Лахджа усадила ее напротив себя и стала утирать мордашку. Когда мимо проехал големический дилижанс, и из окошка высунулся бородатый волшебник с моноклем, он не углядел ничего

предосудительного... кроме двух демонов, конечно, но это не вызвало у него осуждения.

– Мир вам, – чопорно произнес он, кивая Дегатти, в котором сразу распознал коллегу.

– И вам мир, – кивнул тот.

Астрид недовольно сопела, не отрывая взгляда от кошелька на поясе папы. Там сидели все ее куклы, любимый плюшевый мишка, дальнотеркало со «Словом волшебства», книжки с картинками, карандашники и белый кот Снежок, которого Астрид обожала.

– Да, виды тут... да... – протянула Лахджа, разглядывая чудесную панораму. – Рыбалка, наверное... рыбалку я люблю. Меня дедушка учил... но у вас тут, наверное, удочек нормальных нет. Я как-нибудь вернусь домой, когда родителей буду навещать... тех родителей... куплю хороших. Вот мне, например, нравится одна фирма...

Дегатти рассеянно кивал и поддакивал. Но его мысли ушли куда-то в сторону. Он много лет не бывал в родных краях, много лет не возвращался в фамильную усадьбу. С тех пор, как родители погибли в несчастном случае, он даже не приближался к этим местам. Слишком неприятные с этим всем связаны воспоминания... и сейчас они стремительно оживают, набирают силу.

И все же Майно шагал со спокойным сердцем. Пару дней назад он окончательно расплатился с Вератором. Один последний вызов, усмирение стаи бешеных собак и немного ко-

шачьей медицины. После этого дружбомаг торжественно сообщил, что Майно Дегатти больше не имеет долгов перед сестрой и теперь может в любой момент просто выбросить перстень.

Но Дегатти решил пока его оставить. На поверку это и правда оказалось удобным. Злоупотреблять не стоит, чтобы снова не оказаться в кабале, но время от времени очень полезно.

– ...но так или иначе. Какие бы ни были удочки, моя самая удачная рыбалка была в детстве. Просто на деревянную палку с подвешенной к ней леской с крючком. На хлебный мякиш! Представляешь?

– Ага, – рассеянно кивнул Майно.

– А ты сам как считаешь?

– Что считаю? – немного запаниковал муж.

– Ну твое мнение.

У Дегатти заметались мысли. Мнение о чем?.. Она все это время говорила о рыбалке, но насчет чего конкретно он должен высказать свое мнение?

Он полез в память жены, чтобы понять, о чем его спрашивают. Но Лахджа это заметила и резко «захлопнула» разум.

– Так ты меня не слушал? – холодно спросила она. – Я тут четверть часа распинаюсь, у меня язык заболел – а ты, оказывается, даже не слушал!

– А может, не стоит столько болтать, что аж язык болит? – не выдержал Майно.

– А-а!.. – раскрыла рот Лахджа.

– Папа, беги, – посоветовала Астрид.

Не слезая с коня, Лахджа попыталась пнуть мужа, и у нее уже начала вытягиваться нога, но тут, к счастью, Майно остановился у заросшей изгороди.

– Приехали, – сказал он.

Астрид завертела головой, ища речку и пляж. Но... но усадьба выглядела немного... замшелой. Лахджа тоже немного опешила – она знала, конечно, что место брошенное и его придется еще приводить в порядок, но реальность превзошла ее ожидания.

– Это не усадьба, – сказала Астрид, спрыгивая с коня. – Это руины. Здорово!

Не дожидаясь, пока отец отопрет ворота, она перелезла изгородь по лозам и побежала искать речку. Лахджа тоже спешила и двинулась осматривать новые владения.

За воротами открылась ведущая к дому каштановая аллея. Деревья страдали без пригляда, выглядели неухоженными, но все еще крепкими. Справа простирался огромный, но тоже неухоженный сад, а за деревьями виднелось что-то вроде теннисного корта. Слева – просторная яма, что когда-то была прудом. Пересох он даже не годы, а десятилетия назад – на дне успели вырасти деревья, молодые ивы.

А в конце аллеи стоял дом. Очень, очень старый дом. Большущий, живописный, с характером... но очень старый, заросший лозами и плющом.

Отделанный камнем кирпич, многощипцовая крыша, повсюду окна и балконы. Выстроен в форме буквы Е без средней черточки, правое крыло раза в полтора длиннее левого, полноценных этажей два, а под крышей огромная мансарда. По обе стороны от крыльца просторная терраса, над ней топорщат крылья три каменные горгульи... раньше, похоже, было четыре, в одном месте явная каверна. Вокруг бежит дорожка... хотя теперь скорее тропа, почти скрывшаяся в травяных зарослях.

– Комаров тут, наверное... – протянула демоница, шагая по аллее. – Ну меня-то они жрать не будут, у меня чешуя.

– Чешуя?.. – не понял муж.

– Ну да, чешуя.

– Да ладно, – поднес ее руку к глазам Майно. – Никогда не замечал. Правда, что ли?

Он всматривался, пока не заметил кроошечные чешуйки. Да, и правда, чешуя, но такая чешуя, что ее считай и нет.

– Насчет комаров не знаю, а вот шершни тут есть, – сказал Дегатти, останавливаясь у дерева с характерным гнездом. – Ненавижу этих насекомых.

– Давай я натравлю на них ядовитых пчел и посмотрим, кто победит, – предложила Лахджа.

– Что за чу... а. Не думаю, что сработает... Это паргоронские пчелы?.. можно же и просто сжечь. Тифон!..

Пес с готовностью дохнул пламенем. Пылающее гнездо упало и расколосось, из него вырвалась гудящая тучка, но и

она сгорела в следующей вспышке.

Майно ступил на крыльцо и взялся за тяжелый замок на двери отчего дома. Он сам повесил его тридцать лет назад. Внутри тогда не заходил, так что там все должно было остаться без изменений... и очень запылиться.

Холл. Сразу за дверью открылся холл. Очень большой и строгих очертаний. Вверх уходила широкая лестница, все еще покрытая донельзя пыльным ковром. Под потолком висела люстра – мертвая и холодная, мана в ней давно закончилась. На стенах – несколько старых картин с чопорного вида портретами, а в дальнем конце – задняя дверь, гардеробная и декоративные доспехи.

Первым порог перешагнул Снежок. Вторым вошел Ихалайнен. Енот-фамиллиар огляделся по сторонам, и полосатая морда исказилась в отчаянии. Он любил мыть, стирать, чистить и убираться, это глубоко сидело в его характере и волшебных свойствах... но тут работать предстояло столько, что опускались лапы.

– Мы все поможем, – пообещал человек, тоже входя в дом.

Волшебство иногда считают всесильным. Думают, что если ты лауреат премии Бриара, то можешь просто взмахнуть рукой – и все изменится так, как тебе угодно. И Дегатти, оценив глубину ямы, в которую залез, даже попробовал. Он вошел в унисон с енотом и очень проникновенно сказал:

– Да будет чистота!

Увы, увы. Он не Локателли, нет. Его способности не на-

столько безграничны.

Нет, кое-что все-таки получилось. От енота во все стороны хлынула сверкающая волна, и после нее все заблестело, будто отмытое дочиста. Но этого импульса хватило только на холл, а уже в коридоре вновь тянулась пыль и расплзались пятна плесени.

Но это все-таки уже кое-что. От этого можно отталкиваться, и это можно повторить. Уж точно гораздо проще, чем мыть каждое помещение вручную.

Таким же образом Дегатти с енотом очистили гостиную и столовую. Затем, по настоянию Лахджи, ванную комнату, особенное внимание уделив водяной чаше и отхожему сидилицу. Демоница радостно присвистнула при виде домашнего бассейна и волшебного душа.

На втором этаже в первую очередь занялись кабинетом, библиотекой, хозяйской спальней и одной из детских. И коридор, разумеется, и большую лестницу, устланную ковром... ох, сколько же в нем оказалось пыли!

– Может, на реку отнесем? – предложила Лахджа, брезгливо поднимая краешек.

– Предлагаешь помыть в реке? – заинтересовался Дегатти.

– Нет, пусть она унесет его в море.

В саду тем временем носился пес. Тифон воспринял переезд с восторгом. Сильнее него обрадовался только Сервелат. Набегавшись как следует и определив, что сад обитаем, пес пошел посмотреть, что там предлагается на обед.

Лапы он не помыл, за что был бит мокрой тряпкой.

В перерыве семья пообедала бутербродами, а потом вернулась к уборке. Даже Астрид в кои-то веки удалось привлечь к полезному делу. Чары очищения имели поверхностный эффект, в уголках и щелях грязь выживала, и девочке поручили помогать еноту ее убирать.

Енот был не в восторге. Фактически ему усложнили задачу.

У Ихалайна были стандарты. Каким бы неряшливым ни был его волшебник (весьма), енот-фамиллиар всегда следил, чтобы в доме царила чистота, нигде не заводились плесень и вредители, а к столу всегда подавалось горячее. Он достаточно тепло принял в дом Лахджу, которая взяла на себя некоторую часть домашних обязанностей, но Астрид... этот довесок казался еноту лишним.

Эй. Это моя дочь. Побольше тактичности.

Я же не говорю это вслух.

– Ладно, хватит пока, – сказал Дегатти, усаживаясь на ступеньку.

– Знаешь, я ждала большего от лауреата премии Бриара, – поддела его Лахджа, садясь рядом.

– Я бы разом очистил весь дом, если бы у меня был только енот, – поджал губы ее муж. – Если бы я все вкладывал в бытовую магию. Но я разносторонний волшебник. Я умею кучу всякого, но...

– ...Но ни в чем не великолепен, сказал бы Локателли.

Ладно, давай распаковываться.

Лахджа согласилась, что пока хватит. Главное, что вычистили жилые помещения, а подвал, мансарду, домик садовника, конюшню, птичник, каретник, големник, обзорную башню, сарайчики, беседки и остальную хозяйственную часть можно отложить и на завтра... или послезавтра.

Ну ладно, там видно будет...

Мы никогда их не отмоем, если не продолжим сегодня.

Я распаковываться один буду?

А чем мы тебе поможем? Кошель у тебя. Давай, покажи класс. А я помогу, чем уж смогу.

Кошель-фамиллиар был одним из лучших достижений Майно Дегатти. Превратить в фамиллиара неодушевленный предмет само по себе незаурядно, а у него их было целых три... раньше... в прежние времена...

Он потерял меч и плащ. А поскольку еще в юности он потерял своего самого первого фамиллиара, волшебного дракончика, теперь в его душе зияло сразу три незаживающих раны. Не видных снаружи и даже им самим большую часть времени не ощущаемых, но они там были, убрать их уже не получалось и с этим можно было только как-то мириться.

Мы могли бы попросить Мазекресс тебя переродить, но с такими прорехами твои шансы были бы меньше обычного... а они и так, знаешь, фифти-фифти.

– Мне не нужно быть демоном, чтобы творить чудеса, – сказал Майно, кладя кошель в центре холла. – Узрите!

Он стал делать пазлы. Абсолютно ненужные, просто в холл как раз вбежала Астрид. Она еще была в том возрасте, когда впечатляет внешняя сторона волшебства – все эти кривляния, танцы с бубном, цветные огоньки и молнии на фоне. Дегатти жалел, что не может включить музыку, потому что магию распаковки он вряд ли в ближайшие годы сумеет показать снова.

Кошель раскрылся. Разверзся, как вулкан! Повинуясь воле хозяина, он стал исторгать одно за другим мебель, одежду, посуду, книги, продукты, бытовые артефакты и прочий скарб, накопленный Майно за многие годы. Все это со свистом вылетало из кошелька и сразу направлялось на полочки, в платяные шкафы, сундуки, столы, серванты и этажерки...

Вокруг бурлила магия. Пространство ходило ходуном, измерения мгновенно разворачивались и обстановка двигалась, как живая. Майно Дегатти был в центре всего этого, дирижировал как оркестром и...

...и Лахджу это тоже увлекло и позабавило. Распаковка выглядела действительно... волшебной. Словно в каком-то мультике. Она не смогла сдержаться и присоединилась к общему веселью.

– Хигитус-фигитус зумбабазинг! – приплясывала Лахджа, хлопая в ладоши. – Ай вонт ёр атэншн эврисинг!.. Хокети, покети, вокети, вок! Эбра кэбра дэбра нок!.. Игитус-фигитус-мигитус мум!..

Астрид смеялась и тоже хлопала в ладоши, прыгая вокруг

мамы. Она пыталась и подпевать, но не знала слов.

– Тебе обязательно это делать? – процедил Майно, переправляя из кошеля библиотеку. Его книги присоединялись к отцовским... те на удивление неплохо сохранились.

– Я же твой фамиллиар. Я должна помогать.

– Скорее похоже на козни злых духов.

– Как же так?... Я ведь очень стараюсь! – наигранно огорчилась Лахджа.

Майно немного вспотел, изо всех сил стараясь не отвлекаться... но он уже почти закончил. Сам громко хлопнув в ладоши, волшебник извлек из кошеля стенное дальнозеркало, вызвавшее счастливые вопли Астрид, и стал примеряться, куда бы его повесить.

В кошеле еще оставались вещи. Всякий хлам, который неизбежно накапливается, когда у тебя многомерный кошель. Его можно разобрать попозже (никогда). Главное, что теперь усадьба приняла жилой вид... ее большая... ее достаточная часть.

Всем остальным можно заняться позже.

Или просто подождать, когда все сделает енот?

Как и конь, енот не любил свое имя. Когда Лахджа их раздавала, он даже и не просил, вообще-то. Просто принял, потому что ему было все равно, но о себе он по-прежнему думал просто как о еноте.

В конце концов, других енотов тут нет. К тому же со временем он, как и Сервелат, узнал, что имя было дано в на-

смешку. Не настолько злую и глупую, а в чем-то даже остроумную, но от этого почему-то стало еще обидней.

Место для дальнего зеркала выбирали все вместе. Это самая важная часть дома.

– Как думаешь, к нему можно подключить земной компьютер? – спросила Лахджа.

– Не знаю, – прокряхтел Дегатти, сдвигая дальнее зеркало на палец правее. – Так хорошо?

Астрид оценила угол обзора. Она смотрела придирчиво, как критик в картинной галерее. Уселась на пол, переместилась на диван, встала в проходе...

– Нет, – решительно сказала она.

Отец издал утробный звук.

– Может, лучше я? – сжалилась Лахджа.

– Ты беременна, тебе нельзя поднимать тяжести.

– Мы оба понимаем, что я демон и средоточие физической мощи в нашей семье. К тому же я только на третьем месяце.

Дегатти сделал вид, что не слышит этой крамолы. Он вырос в патриархальной семье старых нравов. И некоторых вещей он никогда не примет.

Никогда.

Дальнее зеркало наконец повесили в самом идеальном месте. В отличие от земного телевизора, оно не требовало доступа к розетке или антенны. Просто не вешать там, где много фоновой магии.

Дегатти подул на стекло и написал номер официального новостного эфира. Дальноезеркало сразу засветилось, и в нем появился Локателли.

– Он целыми сутками себя снимает, что ли. – удивилась Лахджа.

– Сегодня Бумажный Вепрь, – пожал плечами Дегатти, плюхаясь на диван. – Первый день учебного года. Это прямой показ с Клеверной площади, обращение председателя к школярам.

– Ааааа... Смотри, Астрид, сколько детей пойдут учиться магии. Хочешь тоже потом учиться?

– Неть, – заключила Астрид, изучив происходящее за стеклом.

– А чего ты хочешь?

– Играть и смотреть театр кайтинок.

– Мой отец бы меня за такие слова высек, – заметил Дегатти.

– Но не в четыре же года, – упрекнула его Лахджа.

Дегатти посмотрел таким взглядом, что ей стало его жалко.

– Давай какао сделаю, – предложила она.

– Только не сотворенное, – немного закапризничал Дегатти. – И принеси что-нибудь с кухни.

Сказав это, он развалился на диване. Удобном, мягком и очень старом диване. Рядом чинно устроилась Астрид, а на спинку улегся кот Снежок. Лахдже захотелось к ним присо-

единиться, но она пересилила себя и пошла варить какао.

– И мне! – крикнула вслед Астрид.

Кухня была... еще не слишком чистой. Ее прямо сейчас драил и скоблил енот. Плесень местами въелась так, что уцелела даже после магической очистки. Кухонный остров в центре вообще походил на жертву кораблекрушения... хотя если отмыть, станет очень красивым. Лакированное дерево, столешница мраморная, водяная чаша расписана цветами.

Но пока что этих цветов даже не видно под многолетними наслоениями. Лахджа остановилась на пороге и задумалась – может, все-таки сотворить?

Да он не заметит разницы. Смертные обычно не замечают.

Вот значит, как... как легко ты склоняешься к предательству. Сегодня ты обманешь мужа насчет какао, а что завтра?

Да ты не заметишь... ладно, ладно... надо бы поесть чего еще...

Они, конечно, перекусили бутербродами, а на крайний случай у Лахджи есть Зов Еды. Здесь-то усадьбы стоят не вплотную, так что вряд ли соседи узнают, кто именно утащил у них из-под носа бифштекс.

Но все равно – не стоит начинать знакомство с мелкого воровства.

А когда-то это Ме казалось таким полезным... хотя оно и есть полезное, если живешь среди тех, на кого тебе напле-

вать.

Сразу стало понятно, что перед варкой какао придется провести инспекцию. Тут уже повсюду громоздилась посуда, прилетевшая из кошеля, но на своих местах оставались и вещи, принадлежавшие родителям Майно. Старое и новое словно враждебно тарасилось друг на друга, и надо было решать, что оставлять, а что выкидывать.

Даже вода пошла не сразу. Открытый кран долго шипел и исторгал пыль, прежде чем выпустил мутную струю. Водопроводы Мистерии работают на простеньких чарах, но здесь они почти иссякли, придется обновлять.

В магическом доме вообще трудно жить, если ты не волшебник, тут мана заменяет и газ, и воду, и электричество, и вай-фай, и даже свежий воздух. Вон, под потолком начерчена вентиляционная гексаграмма... кстати, совсем тусклая, надо сказать Майно, чтоб подзарядил.

Хотя в теплое время года можно и обычным способом проветривать. Все окна енот уже распахнул.

Очень, очень много пустых бутылок. В шкафу они стояли батареями – а тот был повышенной размерности, и вмещал гораздо больше, чем казалось снаружи. Среди них были и полные, но вообще создавалось ощущение, что родители Дегатти опустевшие бутылки не выбрасывали, а просто ставили на прежнее место. Или здесь что-то еще, чего она пока не понимает.

– Пустые бутылки можно открывать?! – крикнула Лах-

джа, пытаюсь нащупать заднюю стенку шкафа удлинившейся втрое рукой.

– Нет! – крикнул в ответ Дегатти.

– Что они делают на кухне тогда?!

– Стоят, не трогай!

– Выкинуть их можно будет?!

– Надеюсь!

– Их тут бесконечно много!

– Я знаю!

Лахджа поежилась. Старый волшебный дом. Конечно, ей не привыкать, в Паргороне она видела такие кошмары, рядом с которыми любой местный бабай – просто таракан.

Да и по сравнению с ней самой тоже, в общем.

Но есть вещи, с которыми не справишься так просто. Магическая зараза, проклятья... Лахдже вспомнилось, что мама мужа была из Монстрамина, и занималась тем, что на Парифате называют хомунциями, а на Земле – микроорганизмами. Волшебница-бактериолог.

А сейчас Лахджа на ее кухне, заставленной пустыми бутылками... на вид пустыми.

С другой стороны – покойная свекровь же не была сумасшедшей? Даже самый эксцентричный исследователь не станет держать образцы на кухне. Там, где ест сам.

Может, они просто коллекционировали пустые бутылки?

– А что случилось с твоими родителями?! – крикнула Лахджа.

– Несчастный случай, – вошел на кухню муж. – Ничего магиозного, Кустодиан проводил расследование. С волшебниками иногда случается...

– Но что именно?

– Я не знаю, меня тут не было. Агенты долго тут работали, приезжал даже Сарразен, а я... я даже не заходил внутрь. Я не был в самом доме с похорон бабушки. Тридцать лет назад я... просто ждал, пока отдадут тела. Там мало чего осталось.

– Замечательно, – сказала Лахджа, поднимая крышку кастрюли. – А тут завелась разумная жизнь. Вы даже посуду перед уходом не помыли?

– Я не знаю, может, агенты Кустодиана тут жрали во время расследования! – начал раздражаться Майно.

– За это время все должно было истлеть, а не заплесневеть. Смотри, оно шевелится!

– Где?! – прибежала Астрид.

– На, выкинь это, – сунула ей кастрюлю Лахджа. – Отнеси на помойку.

– А де помойка?!

– Ну вообще прямо вокруг нас, но... поищи в саду, там должна быть выгребная яма.

Астрид унеслась с кастрюлей, а Лахджа принялась инспектировать холодильный сундук. Когда-то в нем был хладкамень, но он, конечно, давно иссяк. И содержимое...

Когда-то это было молоком, сыром, творогом и копченой

рыбой. Когда-то, в незапамятные времена. Теперь...

Было ошибкой открывать крышку. Вонь поднялась такая, что пробрало даже демона.

Енот спокойно надел многослойную маску с воздушными фильтрами. Он знал, что ее день настанет. Лахджа тоже просто инстинктивно лишила себя дыхательных путей. Нижняя половина ее лица превратилась в гладкий блин.

– Я... пойду... в сад, – сказал Дегатти.

Он вышел из кухни с таким видом, будто проглотил жердь, оставив жену и фамиллиара наедине с ужасами былых времен.

Уже из сада волшебник объяснил, что на доме лежат чары консервации. Даже без хлад-камней продукты портятся значительно медленней, но в результате это вышло боком. То, что за тридцать лет просто истлело бы до состояния пыли, всего лишь протухло и сгнило, успев как следует настояться.

– Кроме тебя за это время сюда вообще никто не заходил? – в очередной раз спросила Лахджа, когда Дегатти отдышался и вернулся на кухню. – У тебя ж полно родни.

– Что им тут делать? – пожал плечами волшебник. – Дядю Жробиса и тетю Маврозию ты знаешь, а все мои братья и сестры были обычными людьми. Думаю, они банально боялись совать сюда нос. Многих я в последний раз видел на похоронах родителей...

– А они у тебя еще живы?.. братья и сестры, я имею в виду.

– Нет, никого не осталось. Зато у меня куча племян-

ников... внучатых племянников... и их детей... я понятия не имею, где они все живут и чем занимаются.

– Но ты же не старший в семье? – уточнила Лахджа. – Этот дом точно твой?

– Точно. Отец все завещал мне. Он... меня он... кхм... не любил, но... я стал волшебником. Я был магистром, когда родители погибли, и уверенно шел к профессуре. Более достойных кандидатов на наследство отец не видел.

– Любит тебя твоя родня, наверное... – хмыкнула Лахджа.

– Хм! В нашем роду наследство всегда передавалось самому талантливому волшебнику. Это старая традиция Радужной бухты. Но мне это аукнулось, потому что продать фамильную усадьбу я не имел права. Так что... я просто запер дверь и забыл о ней на тридцать... да, тридцать два года.

– Оно и видно, – заглянула в мучной ларь Лахджа. – Так, это сжечь.

До ужина она сожгла еще многое. Когда кухня перестала выглядеть рассадником заразы, демоница спустилась в подвал и поняла, что работа только начинается. В слабом свете кристаллов коллегата виднелись древние бочки, глиняные сосуды, огромные банки и прочие емкости, в которые страшно даже заглядывать. Ауры перемешаны до полной неразберихи.

Конечно, тут поработал Кустодиан, так что ничего опасного быть не должно. Можно просто оставить все как есть и понемногу изучать содержимое... возможно, тут еще оста-

лись годные соленья, консервы...

Мы что, нищие, что ли? Куска не доедаем? Просто выкинь все.

Это как-то расточительно. Если тут были чары консервации, то уж соленья...

Так, эта банка вздулась. В этой черви. В этой мутно. В этой пикули. В этой заспиртованный уродец. А в этой... в этой какая-то маслянистая субстанция...

Из глиняного сосуда выметнулось что-то скользкое. Лахджа от неожиданности взвизгнула и отбросила крышку, которую только что сняла.

Мерзкое создание сгустилось, приняло червеобразную форму и снова бросилось. Лахджа отпрыгнула, частично меняя форму и вереща:

– Убери это, фу, убери это!..

Из мерзости что-то выплеснулось, обдав Лахджу с ног до головы. Будто внутренности голотурии. Демоница тут же замолчала, схватила одну из пыльных пустых банок и принялась соскребать тварь туда. Та пыталась ее жрать, и у нее даже получалось, но регенерировала Лахджа быстрее.

– Тут был Кустодиан, ничего опасного!.. – передразнила она мужа и саму себя. – Да чего тут убирать, я так, рядом постоял!..

Но уничтожать добычу она не спешила. Даже принялась с интересом вглядываться. Очень необычная форма жизни... за ней стоит понаблюдать и, возможно, препариро-

вать...

– Нет уж... вивисекторша! – спустился в подвал услышавший ее мысли Майно.

– Оно не умнее морского огурца, и мы все равно его ликвидируем. Предлагаешь выкинуть на помойку без всякой пользы? Тебе же самому интересно, что это.

– Ладно, вскроем и изучим, – согласился Дегатти, тоже уставившийся на тварь с профессиональным интересом. – Кстати, не ожидал, что ты испугаешься какого-то гомункула.

– Это эффект неожиданности. Я думала, там маринованные огурцы, а оно как выпрыгнет!..

Уже вместе муж с женой продолжили изучать подвал. Уже осторожней Лахджа открывала крышку за крышку, осматривала и обнюхивала содержимое сосудов. Из-за беременности ее метаморфизм не работал в полную силу, но конечности по-прежнему трансформировались легко. Демоница вырастила глаза и ноздри на ладонях, чтобы не совать голову в непонятные емкости. Так делают только очень глупые люди и персонажи фильмов ужасов.

Но больше на нее ничего не напало и не кинулось. Даже жаль. От подвала древнего рода чернокнижников она ожидала большего.

– Да какие мы чернокнижники? – повернул голову Дегатти, изучавший пыльную банку. – Я, по-твоему, чернокнижник?

– Ты женат на демоне.

– Мам, что там, что там?! – скатилась по ступеням Астрид. – Вы чо меня не позвали?!

Она тоже хотела изучать древний подвал. В Астрид всегда была исследовательская жилка.

– Ну кто-то же должен страховать нас снаружи, Астрид, – сказала мама. – Что это у тебя на пальцах?

– Ягодки! – продемонстрировала красные и черные колпачки девочка.

– О, малина и ежевика! – обрадовался Дегатти. – Что-то еще растет! Где нашла?

– Там, – неопределенно махнула рукой Астрид, пытаюсь отвинтить крышку огромного бака.

Там оказались малосольные... фу. Лахджа скривилась, подцепив один огурчик удлинившимся пальцем, и тот расползся у нее на когте.

– Может, просто сожжем тут все? – предложила она, демонстративно превращая руку в биологический огнемет.

Я за.

– Нет, – сказал Дегатти жене и еноту. – Тут отделка тринадцатого века, это семейный... погреб. Тут еще мои прадеды прятали от жен перегонный спирт и закусывали огурцами прямо из бочек. У этого места древняя и славная история.

– Хороший повод наконец-то сделать ремонт.

– Нет!

– Ладно... тогда придется выгребать все это. Ужин еще не готов?

гатти.

– Что?..

– На лире!..

– На лире?.. серьезно?..

– Вот поэтому я и не говорил.

Лахджа попыталась сдержать мысль, но та все равно просочилась.

– Ну да, девчачий инструмент! – нахохлился Дегатти.

– Да не такой уж и девчачий... – как-то по-новому взглянула на мужа Лахджа. – Сыграешь как-нибудь?

Дегатти отчетливо увидел в ее мыслях образ себя, сидящего на холме в свете утреннего солнца. То ли в тоге, то ли в эльфийском струящемся одеянии, с развевающимися волосами. Он перебирает тонкими пальцами струны, и с них льется серебристая мелодия...

– Нет!

– Но тут где-нибудь есть лира? Может, у тебя и своя есть?

– Да я никогда... у меня нет!..

Однако Лахджа все-таки услышала в его мыслях, что где-то в усадьбе лира быть должна. Она решила пока не настаивать, но запомнить это запомнила.

Ничего, время лиры еще наступит.

– Нет, – отрезал Дегатти, поднимаясь наверх.

– А я вот пыталась научиться играть на сямисене, – догнала его Лахджа. – Но это оказался не мой инструмент.

– А что твой инструмент?

– Ну, в детстве я немного... неважно.

Ужинали в саду, на свежем воздухе. Луна Вепря – это формально уже осень, но пока еще теплая, солнечная. В Мистерии мягкий островной климат, а погода радует многообразием.

Енот хотел накрыть в столовой. Но всем, кроме него, там показалось неудобно. Она была слишком большой и слишком торжественной, а стол чересчур длинным. Не так уж плохо, когда семья воистину огромная или просто пришло много гостей. Но сейчас их было только трое плюс животные, из которых за столом сидели только Снежок и Ихалайнен.

Макая в чай сушку, Лахджа размышляла, что надо будет привести в порядок сад. Наконец-то можно применить ее Ме Землевладельца, только сначала надо определить границы ее гхье... поместья. Почистить и снова наполнить пруд... хотя ивы жалко... если их подтопить... хотя их и так каждую весну наверняка подтапливает...

О, но с Ме она сможет приподнять землю в центре и сделать посреди пруда островок с ивами. Да, так будет хорошо.

И еще надо проверить, какие в пруду приток и отток. Аэратор поставить. И если все будет нормально – в пруд можно переселить рыбку. Чего ей тесниться в аквариуме?

– А вон там поставить беседку, – рассуждала она. – И качели для Астрид. И разбить сад камней.

– Зачем сад камней? – не понял Дегатти. – Это же камни.

– Тебе не нужно место для медитаций? Ты ж волшебник.

– Когда я был юн, то предпочитал медитировать на текущую воду или горящий огонь. А сейчас... сейчас мне не нужно. У меня есть рыбка... а теперь еще и ты.

– А мне нужно.

– Зачем? Ты ж демон. Тебе не нужно пополнять ману.

– Мне нужно иногда место для уединения. Покоя. Вы, смертные, такие суетливые.

Лахджа произнесла это, с трудом отцепляя от себя Астрид, которая доела и пыталась залезть маме на голову.

– Астрид, не лазай по маме, мама не дерево, – сказала Лахджа, поднимая дочь высоко в воздух. – Лучше пойдешь вон мух полови. Что-то их слишком много летает.

– Чары консервации спали, и дом стал привлекать мух, – заметил Дегатти.

Это задание Астрид понравилось. Она любила охотиться. Сама размахивая крылышками, она принялась бегать вокруг родителей и со сверхчеловеческой скоростью ловить мух прямо ртом.

– Астрид, не ртом же. – укорил папа.

– Мам, мухи невкусные! – пожаловалась она.

– Твой дядя бы с тобой не согласился...

– Дядя любит мух?! – в изумлении уставилась на папу Астрид.

– Не Жробис, – неохотно ответил тот. – Другой дядя... по маминой линии.

Астрид глубокомысленно кивнула. Но мухи по-прежнему

не нравились ей на вкус, так что она решила приспособить какое-нибудь устройство... например, змею или попугая.

Змея сотрудничать отказалась. Она, как обычно, вела какую-то отдельную от остальной семьи жизнь. Только что разорила птичье гнездо, поймала и сожрала мышь и теперь грелась на солнышке. Сытая и умиротворенная.

Попугай отказал тем более.

– Кр-расные ар-ра не едят мух! – наставительно сказал он Астрид. – Кр-расные ар-ра питаются р-растительной пищей! Семенами, фр-руктами и ор-рехами!

Астрид поняла, что в родной семье помощи ей не дожидаться, и убежала в кусты. Но там ей сразу же повезло – она встретила жабу. Жаба, увидев демоненка, сразу приподнялась на коротеньких жирных лапках, выпучила глаза и зашипела.

– Какая огромная и уважаемая жаба!.. – почтительно прошептала Астрид. – Только не убегай!..

После короткой погони и еще более короткой схватки девочка вылетела из кустов с жабой наперевес. Она едва не сбила с ног какого-то пышноусого дяденьку, неспешно идущего по аллее.

– Извините! – пискнула Астрид, уносясь дальше.

Дяденька при виде демоненка удивленно моргнул. Однако взял себя в руки, подошел к столу и представился, оказавшись волостным агентом Кустодиана.

– Мир этому дому, – сказал он. – Меня зовут Аганель,

а вы, я так понимаю, хозяйева усадьбы Дегатти?

– Вот он – Дегатти, – указала Лахджа. – Присаживайтесь. Чаю хотите?

От чая волостной агент не отказался. Был он пожилой, степенный и служил кем-то вроде местного ленсмана, сельского полицейского. Усадьба Дегатти лишилась обитателей задолго до его вступления в должность, и сегодня он весьма удивился, когда на его волшебной карте красный огонек сменился зеленым.

– Хотите сразу о чем-нибудь заявить? – спросил он, кладя в чашку восемь кусочков сахара. – Есть у вас что-нибудь, о чем я, как волостной агент, должен знать?

– Я демон, – сказала Лахджа.

– Это я вижу. Может, еще что-нибудь?

– Я заявляю, что Дегатти преступно засрали свое поместье.

– Это я тоже вижу. Кстати, паспорт волшебного существа у вас есть?

Лахдже перестал нравиться этот тип. Конечно, у нее есть все документы, но она только что спокойно пила чай с сушками, а теперь нужно подрываться, вспоминать, куда она сунула этот паспорт...

– Ну мы только переехали... – пробормотала она. – Может, в следующий раз посмотрите?

– Вот он, – сунул руку в кошель Майно.

Аганель придирчиво изучил плотный кусок пергамента.

Оформлено было как полагается, с печатью супрефекта Кустодиана и заверенными подписями двух поручителей.

– А у ребенка? – вьедливо спросил он, возвращая паспорт.

Майно достал второй пергамент. Аганель придиричиво изучил и его.

– Лауреат премии Бриара – это большая честь для всей Радужной бухты, – покивал он, прихлебывая свой сладкий чай. – И целых два демона, значит. Взрослый и маленький.

– Мы не собираемся создавать проблем, – завершила Лахджа. – А переехали, потому что готовимся к прибавлению. Хотим растить детей на природе.

– А-а-а... – с пониманием сказал Аганель. – Маленькие полудемоны, бегающие по лесам Радужной бухты...

Он утер лицо платком. Видимо, чай слишком горячий, волостной агент аж вспотел.

– Очень здорово, кстати, что вы к нам зашли, – сказала Лахджа, облакачиваясь на стол. – Мы тут люди новые...

– Люди?..

– К словам-то не придирайтесь. Мы только сегодня приехали, ничего еще не знаем. Мой муж тут родился, но уехал еще в детстве. Не расскажете, где тут что? Магазин ближайший в какую сторону?

– У нас тут не город, мэтресс, – заметил Аганель. – Лавок на каждом углу нет.

– Я понимаю, потому и спрашиваю, – терпеливо ответила Лахджа.

Мимо пробежала Астрид с жабой наперевес. Амфибия приняла свою судьбу и покорно глотала мух.

– Жалкие насекомые!.. – вопила девочка. – Уничтожьте всех, мэтр Жаба!..

Взрослые проводили ее долгими взглядами. Особенно долгим – волостной агент.

Глава 6

Лахджа брела по лугу, готовясь впервые в жизни применить Ме Землевладельца. Владела она им очень давно, это одно из первых Ме в ее коллекции. И его нельзя назвать бесполезным, оно очень даже полезное, если у тебя есть земельное угодье.

Но у Лахджи его раньше не было. Она, видите ли, была... наложницей. Женой-рабыней одного из демолордов, демонических королей Паргорона, ужасного мира, о котором в Мистерии говорят вполголоса. И, конечно, никаких земельных угодий у нее быть не могло.

Ну а после освобождения она жила с новым мужем в его квартире. Там из земли у нее тоже была только драцена в горшке.

Так что Землевладелец все это время висел мертвым грузом. Как и Ме Флоры, но его Лахджа все-таки разок-другой применяла – просто проверить, как работает. Не очень мощное, просто ускоряет рост растений. Но когда у тебя собственный сад, это вполне полезно.

Ме – это такие мистические силы. Власть над явлениями жизни. Как магия, только им не нужно учиться... обычно. Можно натренироваться и превратить какой-то особый талант в Ме, но Лахджа все свои получала в дар, награду или как выигрыш у все тех же демонических королей. Очень

немногие могут разбрасываться такой вещью, как Ме, а уж тем более создавать их, поэтому большая их часть исходит от богов, демолордов и некоторых особых существ вроде мэтра Зукты, главного в Мистерии торговца способностями.

Лахджа начала с того, что точно определила границы поместья. Ну... не очень точно, честно говоря, потому что точных границ у поместья не было. Радужная бухта обширна, живут тут в основном почтенные волшебники из старых фамилий, и их усадьбы не стоят забор в забор, между ними иногда лежат целые рощицы, поля, протекают речки.

Лахдже это понравилось, она с детства любила уединение. Но все равно хотела выяснить, где заканчивается ее земля и начинается соседская. Чтобы по ошибке не прихватить чужой кусочек.

Выручил волостной агент Кустодиана. Мэтр Аганель сделал Лахдже копию кадастровой карты, где границы хотя и оставались несколько расплывчатыми, но по крайней мере давали понимание, куда руки тянуть уже не следует.

Оказалось, что выйдя замуж за Майно, Лахджа стала довольно зажиточной помещицей. Огороженная территория составляла гектаров пятнадцать – сама усадьба, подсобные помещения, огромный сад и пруд (высохший). Но кроме того, поместьем принадлежало еще гектаров пятьдесят окрестной земли – приличный участок леса, много луга с пасекой, которая, конечно, давно одичала, половина спортивной площадки и кусок реки с пляжем, мостиком и лодочной приста-

ню.

– Ну что ж, буду теперь своего рода гхьетшедарием, – с некоторым внутренним удовлетворением сказала Лахджа. – Мелким, но...

Она не придумала, что «но», и просто сосредоточилась, пуская в действие Землевладельца. Лахджа просто шла по теперь уже своей земле и отчетливо чувствовала на ней... все.

Как текут соки в старой липе. Как птица учит птенцов летать. Как заяц бежит по лугу. Как крот лопает дождевого червя. Как маленький демоненок оглушительно топочет... хотя это она и без Ме бы почувствовала.

– Здесь я посажу землянику, – сказала она подбежавшей Астрид. – И вон там тоже.

– И вон там! – потребовала Астрид.

– Не стоит ли еще что-то, кроме земляники?

Астрид непонимающе посмотрела на маму. Зачем сажать что-то, кроме земляники, если можно посадить землянику?

– Виноград, например, – предложила Лахджа.

– Ладно, – подумав, согласилась дочь. – Можно виноград.

У Лахджи были большие планы на этот сад, этот лес, этот луг и эту речку. Она как раз спустилась к воде, потому что ей не терпелось проверить, насколько рыбное здесь место.

Шириной речка похвастаться не могла. Метров сорок, от силы сорок пять. Поднатужившись, Лахджа могла ее просто перепрыгнуть. Когда-то тут явно был целый лодочный

парк, на дне все еще виднелась пара почерневших остовов. Но к нынешним временам ничего не осталось, да и пристань уже наполовину сгнила. Все придется ставить заново и покупать или строить новые лодки.

Она вошла в воду, присоединяя часть реки к своему «гхьету». Так будет проще бороться с водорослями, да и почистить дно от ила. Хочется вернуть этому пляжу былой лоск, и чтобы по нему снова радостно бегали дети.

Один ребенок, впрочем, радостно бегал уже сейчас. Астрид в этом плане нетребовательна. Она даже не подозревает, насколько суровые условия ее могли ожидать в Паргороне. Едва она покинула бы дворец, в котором родилась, то оказалась бы никому не нужна, наедине с враждебным миром.

А здесь мир менее враждебный. Конкретно эта часть, во всяком случае.

В Мистерии уже дней десять как наступила осень, но купаться еще можно даже смертному. Остров волшебников находится в довольно северных широтах, но, будучи островом, отличается мягким океаническим климатом. Зима теплая, а лето прохладное, снег лежит всего две луны в году, а весна наступает очень рано.

– Посажу здесь лотосы, – решила Лахджа, пока Астрид с визгом плескалась в воде.

Она чувствовала, как часть дна присоединяется к ее «гхьету». Чем-то похоже на все ту же фамиллиарную связь, но... по-другому. Не такую плотную. Возможно, это слабая

форма того, что делает на своей территории дядя Жробис и другие адепты Арборазы.

И тут в эту связь что-то вмешалось. Как будто Лахджа играла на арфе, но кто-то влез без спроса и тоже начал дергать струны. Она почувствовала, что конкретно этот участок реки и ее берега относятся не только к ее «гхьету», но и еще к чьему-то. И этот кто-то только что обнаружил вторженца.

Вода забурлила. Из нее высунулась плешивая макушка, облепленная тиной. Пара рыбьих глаз с негодованием уставилась на Лахджу и из реки донесся клокочущий голос:

– Какого кира, дамочка?

Водяной. Ветехинен. Будучи демоном, Лахджа свободно видела всех этих духов места. В большей части как Земли, так и Парифата они относительно редки и избегают внимания смертных... хотя те и так их не видят. Но в Мистерии, стране волшебников, они привыкли, что их видят, с ними могут поговорить и они включены в законодательство.

У них есть права. Они об этих правах знают. И конкретно этот водяной сейчас начнет их качать.

– Ой, – сказала Лахджа. – Извините...

– Я границы-то знаю, – степенно сказал водяной, вздымаясь над водой уже по пояс. – Усадебка-то ваша к моим владениям примыкает. Вот здесь, значит, граница-то проходит. Прямо по вот этой черте, до которой весной разливается. Вот что за ней – то ваше, там колдуйте, как вам заблагорассудится. И по другую сторону речки – пожалуйста. А вот что от бе-

режка до бережка – то мое, значит.

– Да мне нужен-то небольшой участочек, – умильно улыбнулась Лахджа. – Чтоб проще пляж чистить. Договоримся, может? Я жертвы принесу.

– Э-э-э!.. – по-жабьи выпучил глаза водяной. – У меня река одна, и больше не будет. Я с соседями-то всеми в мире живу. Ни одного еще не утопил. А вы от меня откусываете. Как вы себе это представляете? Вся река моя, а этот кусок – не мой? Может, еще палец мне отнимете? Давайте я вот приду к вам домой, отрежу кусок комнаты и скажу – вот это мое будет, сюда не заходите...

– Так это святилище получится, – обрадовалась Лахджа. – У нас комнат лишних полно. Давайте меняться.

Водяной немного опешил. Предложение было... неожиданным, и он не знал, как на него реагировать. Но потом все же собрался с мыслями и проклокотал:

– Святилище – это хорошо, но это когда прихожане есть. А вас сколько – полтора человека? И много вы мне жертвовать станете? Не.

Я тоже не хочу, чтобы у нас в одной из комнат жил какой-то мокрый жирдяй.

Но мне нужен этот пляж! Иначе мы замучаемся его чистить каждую весну и осень!

Ну так с ним и договорись. Пусть он и чистит.

– Ладно, а что если так, – предложила Лахджа. – Я не стану заявлять права на побережье, но вы будете его чистить.

Со своей стороны. Под водой. Чтобы не зарастало тиной...

– Тина нужна!

– ...илом...

– Ил нужен!

– Зачем?

– А раки где жить будут?

– А здесь есть раки? – заинтересовалась Лахджа. – И много?

– Хоть ведрами бери, красавица! – сделал широкий жест водяной. – Хоть сейчас! Пойдем, покажу своих раков!

Так, в воду к нему не лезь.

Не подслушивай.

Лахджа любила раков. Ну... немного. Особенно с аквавитом. Но все-таки чистое дно важнее, потому что раков и в другом месте можно наловить, а вот место для купания тут идеальное. И ближе всего к дому.

Они еще немного побеседовали с водяным. Тот оказался сговорчивым малым. Его река протекала через множество волшебных усадеб, и со многими он о чем-то договаривался.

– Понимаете, все хотят чистый пляж, – доверительно поделился он, сидя на гнилых мостках. – А раков куда? А у вас тут тридцать лет никто не жил. Я и подумал – отлично. Будет тут у меня питомник.

– Но сдвинуть его немножко можно? – попросила Лахджа. – Нам-то много не надо. Просто кусочек здесь и вон туда, ниже по течению. Чтобы лодку было куда ставить и с

мостков прыгать. А мы вам за это...

– ...Поросенка, – закончил водяной. – Два раза в год топите поросенка во-о-он там.

– Вы любите поросят?..

– Раки любят.

Лахджа немного напряглась. Нет, в Паргороне она привыкла практически ко всему. Но тут-то совсем другое все.

– У меня два замечания, – сказала она. – Во-первых, моим детям тут безопасно будет купаться? Вы детей не топите? Я в детстве сказку слышала...

– Дамочка! – перебил водяной. – Если б я топил детей, колдуны б давно меня в банку посадили!

– Ага, ладно... А вот вы указали место, а оно выше по течению... не очень-то хочется, чтоб воду приносило со стороны гниющей на дне свиньи...

– В моей реке хорошее течение. Быстрое. И очень много рыбы. В частности – сомов. Рыба периодическидохнет. Всякое лесное зверье тоже, бывает топнет у меня. И ничаво ж. Купаетесь. Коровы в воду заходят и срут туда... с-сволочи. Ребеночек вон, ваш, плавает, тоже уже воду осквернил... ну вы ж не это, не того. Что за брезгливый народ пошел!.. не хотите, так я и пошел!..

– Не-не-не, я согласна! Пара свиней так пара свиней... но раков-то можно будет ловить? И рыбку. Я немного...

– Рыбалка входит в цену, – кивнул водяной. – Токмо сетей не ставьте. А то был тут один, сетями всю эту перегородил.

Рыба попадала – и дохла. Вся. Сети-то он забыл, урод. Когда пришел, то и сам сдох. С лодки упал и в сетях запутался. Вот такой вот несчастный случай. Но хоть раки поели... и Ховрюшка.

– А Ховрюшка – это у нас кто?

– Да сом мой любимый. Знаешь, какие у меня тут сомы, девочка? – обратился водяной уже к Астрид. – Во-о-от такие!

Водяной рубанул ладонью по руке, и та удлинилась метров до четырех. Астрид выпучила глаза и быстро вылезла на берег. Она не знала, кто такие сомы, но решила сначала спросить у попугая, едят ли они маленьких девочек.

Лахджа решила все-таки не пускать дочь купаться одну, хотя бы пока та немного не подрастет. Конечно, у нее есть Луч Солары, и если это какой-то скверный водяной, то на него тоже подействует. Но все равно.

– А вы здесь какими судьбами? – поинтересовался дух реки. – Гляжу, ребеночек тут у вас. В каких отношениях с хозяином усадьбы будете? Он каких будет, коли не тайна? Сыночек покойного Гурима, али еще кто? Может, в гости ко мне заглянете, икры лягушачьей откушаете?

Ага, икры тебе предлагает. Хлебосольный какой. Может, и меня пригласит?

Майно там уже очень пристально следил, что происходит на берегу. Бросил перебирать склянки матери, распахнул выходящее на реку окно и ментально переместился к своему

самому ценному фамиллиару.

– Я с удовольствием. И муж мой тоже с удовольствием.

– А, муж, – как-то погрустнел водяной. – Так вы замужем. А я-то подумал, прислужник волшебный, а вы... а, ну да, ну да...

Он уставился на живот Лахджи, посопел и погрузился обратно в воду.

– Короче, мы договорились, а я пойду, – пронеслось уже как-то над рекой.

Над камышами собрался туман, а Лахджа позвала Астрид домой. Пора было обедать.

После обеда Лахджа продолжила закреплять свою связь с поместьем, Майно взялся обустраивать кабинет, фамиллиары тоже занялись кто чем, а Астрид осталась предоставлена сама себе. Она привыкла жить в городской квартире, откуда ее выпускали только в сопровождении родителей. А здесь просто громадный дом и вокруг... ну как улица, только не улица.

И везде можно бегать! Совсем одной!

Она и бегала.

Сначала она основательно объела малинник. Малины было уже мало, сезон заканчивался. Поэтому Астрид спасла все ягоды, какие сумела, и справедливо собой возгордилась.

Затем она нашла дикую грушу. Груш было полно, они были душистые, но жесткие и кислые. Поэтому Астрид решила груши не трогать, зато отковырнуть здоровенную окаменев-

шую каплю смолы.

Когда это получилось, и блестящая на солнце смола оказалась в ладонках, девочка подумала и съела ее. Пусть и она теперь присоединится к ее анклаву.

Астрид подумала, что если она не может съесть деревья, то надо съесть семена. И тогда там будут расти деревья. И внутри нее будет лес.

Так она и поступила.

Но все деревья растут на земле, подумала Астрид. Это что же – землю жрать?

Девочка нехотя стала ковырять землю когтем. Ну раз надо...

Вкусной земля не оказалась. Когда папа вышел на улицу и увидел плачущую, жалеющую себя Астрид, зачем-то жующую грязь, он несколько секунд молча на это смотрел, а потом спросил:

– А зачем?

– В анклавe должна быть земля! – дрожащим голосом объяснила Астрид.

Дегатти даже не нашелся с ответом. Вообще-то, разумное рассуждение, но...

– Астрид, а какая разница, что у тебя в анклавe? – спросил он. – Ты же туда не сможешь попасть. И никто не сможет.

– Мышки смогут...

– Мышки?..

– Я вчера случайно съела мышку... И теперь я все время

ем хлеб, чтобы ей там было что покушать...

Дегатти снова не нашелся, что ответить. Вообще-то, это очень мило. Жутковато, но... мило, что маленький демоненок заботится о пропитании случайно съеденной мышки. Возможно, Астрид еще научится эмпатии и вырастет нормальным, способным к сопереживанию индивидом.

– Поэтому там должен быть лес, – продолжала сбивчиво объяснять Астрид. – И травы, и конфеты разные. И водичка. И конфеты.

Астрид любила конфеты.

– Мне кажется, не стоит тебе есть землю, – сказал наконец отец. – Что бы ты ни съела, оно все равно перегниет и превратится в почву. Лучше кушай побольше овощей... вот капусту цветную Ихалайнен потушил.

– Фу! Лучше уж сразу землю.

Но Астрид все-таки пообещала больше землю не есть. Папа велел ей не выходить за изгородь и вернулся в кабинет – к нему наконец-то пришло нужное настроение, и он строчил вступление к монографии.

А оставшаяся одна Астрид поковыряла землю ботиночком, вздохнула, но решила, что пусть все будет как будет. Природа жестока. Если мышке суждено выжить, то она выживет, а если умереть – умрет. Астрид не может всю жизнь есть то, что понравилось бы мышке.

Она хочет колбасы.

Колбасы Астрид дал енот. Он возился на кухне и по пер-

вой просьбе сделал девочке бутерброд. Такой, как она любила – с тоненьким ломтиком хлеба и толстым куском колбасы. Астрид вцепилась в него зубами, и енот налил ей сока.

– Чо за сок? – спросила она, подозрительно принохиваясь. Ихалайнен иногда норовил подсунуть ей тыквенный или морковный сок, которые считал очень полезными для маленькой растущей девочки.

– Яблочный, – коротко ответил енот.

Это было еще ничего. Запив землю и жуя на ходу бутерброд, Астрид отправилась исследовать дом. Она уже делала это вчера и позавчера, но новый дом был так велик и удивителен, что комнат в нем оставалось еще полным-полно.

Она начала с самого низа, с подвала. Бочек, жбанов и горшков там поубавилось, часть мама выкинула, но много еще оставалось. Мама продолжала их перебирать, размышляя, куда девать все это богатство, а заодно прикидывая, как лучше подвал переоборудовать.

– Привет, Астрид, – сказала она. – Когда я здесь все доделаю, тебе сюда заходить будет нельзя.

Астрид это не понравилось. Она не любила запреты. Когда куда-то заходить было нельзя, Астрид начинала истерику. Истерики не работали, но они злили родителей, а это уже кое-что.

– А что тут будет? – спросила она.

– Котельная... стиральная комната... и еще всякая скучная ерунда, – уклончиво ответила мама. – Даже перечислять

неохота.

Астрид пробежалась по подвалу из конца в конец и пожалела, что он станет таким скучным. Сейчас он огромный, темный и загадочный, а станет просто местом для стирки, которая, вообще-то, самый скучный процесс на свете.

Но ничего не попишешь, у взрослых свои развлечения, которые Астрид пока непонятны. Она пожелала маме удачи и продолжила исследовать дом.

Первый этаж состоял из трех больших частей. Сразу за входом – огромная прихожая с парадным и черным ходом, пустыми доспехами и широченной лестницей на второй этаж, а под ней гардеробная и большой чулан. Слева – столовая с громадным столом и кучей стульев, а за ней – кухня, кладовая, умывальная и две комнаты для слуг, в одной из которых теперь живет енот Ихалайнен.

Справа – просторная гостиная с камином, диваном, креслами, сервантом, большим стенным дальнозеркалом, клаветином, кофейным столиком, карточным столиком и столом для маноры, которой папа все пытался научить маму или Астрид. За гостиной – зал для гимнастики и танцев, а за ним огромная ванная комната с мраморным бассейном, волшебным дождиком и отхожим седалищем. В столовой и гостиной есть двери наружу, которые выходят на террасу и веранду, а между залом для гимнастики и ванной еще одна узенькая лестница на второй этаж, чтоб если вдруг хочется, то спуститься прямо из спальни.

На втором этаже через весь дом тянулся коридор с дверями по обе стороны. Окошек в коридоре почти не было, только по одному в самых дальних концах, но папа утром зарядил маной светильники, и теперь повсюду было светло, как днем. Над холлом комнат нет, у него потолок выше всех, зато над столовой и гостиной – хоть отбавляй.

В правом крыле – еще одна ванная, только поменьше и без бассейна, две уборные с водяными чашами и аж десять или даже восемь спален, но точно больше четырех. Самая огромная – для мамы с папой, самая красивая – для Астрид, и еще целых семь штук для никого. Наверное, когда-то тут жила куча людей.

А теперь – пустота и тишина. В родительской спальне дремал Снежок, которого Астрид не смела тревожить, а в детской на этой жерке выстроились принцессы-волшебницы, все десять штук и лишняя. Полочки тут были пошире, поэтому лишняя стояла среди остальных, и Астрид даже не помнила, которая из них лишняя. Она потом разберется, когда время будет.

Проведя ревизию и усадив поудобнее плюшевого мишку, Астрид немного подумала и взяла с собой принцессу Златобородку. Вдвоем исследовать гораздо веселее, к тому же цверги отлично ищут сокровища.

В остальных спальнях пока что нет даже постельного белья, и кровати тут старые-престарые. Вчера папа с мамой долго спорили, какую мебель оставлять, а какую выкиды-

вать, и в конце концов заменили свою кровать и кроватку Астрид на те, что привезли в кошеле. Но в остальных спальнях так и осталось пока все прежнее и немножко пыльное.

Доизучив правое крыло, юная исследовательница Астрид перешла в левое. В нем нет спален и уборных, тут папин кабинет, библиотека с кучей книг и картин, лаборатория, комната для медитации, две комнаты непонятно зачем и кладовочка для артефактов. Туда Астрид залезла первым делом.

Библиотека ее не заинтересовала, хотя и занимала треть крыла. Читать Астрид все равно еще не умела и не больно-то хотела научиться. Просто не видела в этом толка – зачем читать, если есть дальнозеркало и попугай-справочник?

Мама периодически пыталась приохотить Астрид к чтению. Сначала читала ей вслух, показывая картинки. Потом показывала алфавит... алфавиты. Мама загорелась сделать из Астрид полей глота и еще какое-то вондеркондо, обучив ее не только парифатскому, но и паргоронскому, и еще какому-то глупому языку, на котором тут никто не говорит и названия которого Астрид не запомнила.

Парифатскому мама пыталась учить по «Обучателю», книжке с кучей красивых картинок. Картинки Астрид нравились, но буквы она запомнила только некоторые. После долгих маминых стараний научилась писать свое имя и решила, что этого ей в жизни хватит.

Паргоронский язык Астрид немножко знала. Помнила его еще с раннего детства... ну, некоторые слова. Но читать и пи-

сать на нем смысла не видела. Тем более, что для паргоронского не было такого красивого учебника, и мама показывала буквы в какой-то зловещей книге в черной обложке.

Папа тогда еще очень рассердился...

Ну а тот, третий язык... Для него книжек не было совсем, никаких, и мама писала буквы сама. Но тут Астрид вообще не поняла, зачем учить язык, для которого даже нет книжек. Ну выучит она. И что ей с этим языком потом делать? С мамой потом разговаривать? Его даже папа не знает... хотя... у них с мамой был бы секретный язык, которого не знает папа и вообще никто...

Астрид решила обдумать эту мысль потом, потому что сейчас она играла в поиск сокровищ. Кладовочка была битком набита ящичками и мешочками. Астрид поставила Златобородку в уголок и принялась скрупулезно инспектировать добычу, время от времени чихая. Непонятно почему, пыли вроде нет... папа все почистил.

Пара туфельек. Обе очень красивые, но разного фасона. И обе Астрид велики.

Большая пыльная чаша. Тоже очень красивая, с красными камешками в боках, но ничего интересного.

Старая деревянная кукла с полустертым лицом. Не такая красивая, как принцессы-волшебницы Астрид... собственно, вообще некрасивая.

Старая палочка. Астрид взмахнула ей, как заправская волшебница, и на полу появилась еще одна палочка. Астрид

взмахнула еще раз – третья палочка. Когда палочек стало десять, девочка остановилась, поняв, что так она может и весь мир завалить палочками. Это будет очень глупый и нелепый мир.

Палочку она пока отложила и продолжила копать. Всякие старые бумажки без картинок... не. Какой-то кусок ткани, платок, что ли... не. Пакетик сушеных зерен, похожих на кукурузные... не. Шляпа... о, шляпа! Астрид сразу ее примерила и стала искать зеркало.

О, а вот и зеркало. Астрид знала такие зеркала. У мамы с папой они тоже есть. Это как большое дальнезеркало, только маленькое, и такое Астрид пока не положено. Но... она же сама нашла. Так что это теперь ее. Астрид перевернула и прочла номер. Надо запомнить – это теперь ее номер, по которому ей будут зеркалить.

В отличие от букв, цифры Астрид знала, потому что цифры нужны. Вот как сейчас. Но считать она умела только до десяти.

Она открыла очередной мешок и особенно расчихалась. Там лежали какие-то травы – сушеные и очень едко пахнущие. А еще там был маленький мешочек, и Астрид, конечно же, его развязала.

Внутри оказалась светящаяся пыль, и у Астрид закружилась голова. Ее вырвало прямо в мешочек, и Астрид дрожащими руками завязала его обратно. Закрыв большой мешок, она попыталась запихнуть его поглубже, но ручки и ножки

стали очень слабыми.

Потом ее стошнило снова. Мутным взглядом Астрид провела убегающую мышку.

Интересно, откуда она тут взялась.

– Па-а-а-ап... – слабо позвала она, пытаясь встать.

Папа не услышал. Зато услышал Снежок. Он присеменил на мягких лапках и издал протяжное мяуканье. Гнусавый голос разнесся по всему этажу, и вот теперь папа услышал и прибежал.

– Что случилось? Ты упала?

Он поставил Астрид на ножки, но она не стояла.

– Снежок, ну что стоишь?! Лечи!

– Я не лечу отравление благодатью, – подергал усами Снежок. – Зачем ты туда полезла?

Папа вынес Астрид в коридор и передал маме, которая прибежала на шум мыслей. А сам вернулся в кладовую и быстро определил, отчего Астрид стало так плохо. Уложившая дочь в постель Лахджа тоже изучила мешочек, чихнула и выставила руку.

– Ближко ко мне с этим не подходи, – сказала она. – Это какая-то ядреная дрянь.

– Это – просто чертополох, – вытащил сушеный стебель муж. – У некоторых демонов на него аллергия, но не сильная. Помогает, если разложить везде или развесить. Нечисть тогда избегает помещений.

– На просто чертополох у нас такой реакции не было бы, –

помахала рукой Лахджа, не подходя близко.

– Реакция у вас вот на это, – достал мешочек Дегатти. – Здесь... ой, фу... твоя дочь туда наблевала. Тля, я сейчас тоже...

Он аж закашлялся, так противно пахла демоническая рвота. Но все же переборол себя, завязал мешочек и сказал, что это освященная соль. Такую делают жрецы Солары, напиткивая самую обычную соль благодатью. Маги охотно применяют ее в разных ритуалах, потому что она вредоносна для демонов.

Не очень сильно, и в первую очередь для низших. Но Астрид совсем маленькая, так что близкого контакта ей хватило. А вот Лахджа, скорее всего, сможет эту соль даже есть, и просто дурно себя почувствует.

– Проверять не будем, – сказала Лахджа.

– Да ладно, как же твой исследовательский дух? – хмыкнул муж. – Выкинуть?

– Нет, пригодится... для чего-нибудь. Но ее придется почистить.

Дегатти посмотрел на жену. Та выжидательно смотрела на него. Обоим было понятно, что демоница очистить эту соль не сможет.

– Ено-о-от!.. – позвала Лахджа.

Ихалайнен не отозвался. Он был занят чем-то очень важным где-то очень далеко. Дегатти решил, что дело не срочное, жили они без этой соли хорошо и дальше как-нибудь

проживут. Он просто убрал мешок на самый верх кладовой, а саму кладовую запер, чтобы неугомонные демонята в нее не лазили.

Астрид сейчас было и не до исследований. Она лежала, завернувшись в крылышки и подвернув хвостик. Ее бил озноб. На груди тарахтел тяжелый Снежок, но он мог снять только побочные симптомы, а остальное придется перетерпеть.

В постели Астрид пролежала три дня, и это были очень противные три дня. Но зато она получила ценный урок.

Она поняла, что сокровища иногда охраняются с помощью подлых ловушек.

Глава 7

Астрид пристально смотрела на дверь кладовой. Заперто. Папа запер дверь, чтобы она больше туда не лазила.

Как коварно, подло и глупо с его стороны. Словно она способна повторно совершить ту же ошибку.

Надо верить в дочь.

Астрид пнула дверь. Поскреблась коготками. Принесла стул и заглянула в замочную скважину. Внутри осталась куча сокровищ, и наверняка не все они ядовитые.

А еще там осталась ее принцесса-волшебница. И даже, возможно, их там уже две, потому что кто знает, как размножаются принцессы-волшебницы? Астрид пока что не знала, но не исключала никаких вариантов.

– Там есть кто-нибудь, кто может открыть изнутри? – спросила Астрид. – Златобородка!.. Златобородка, открой!..

Чуда не случилось, не стоило и надеяться. И девочка пошла искать ключ, отмычку или субтерму.

Тем временем ее отец работал над монографией. Да, на природе оказалось намного продуктивнее. Он уже заканчивал вступление и собирался приступить к первой главе.

В распахнутое окно задувал пока еще теплый осенний ветер – тот, что в народе называют «дыханием Вепря». С кухни доносился аромат жареной картошки с грибами – Майно с Лахджой вчера вместе их собирали. На подоконнике стоял

аквариум с рыбкой – та то и дело замирала у стенки, поглядывая на пока еще сухой пруд. Под потолком дремал на жердочке попугай Матти – услышав даже невысказанную просьбу, он давал справку в любой области знания, но прямо сейчас в его услугах не нуждались.

– Глава первая, – наконец произнес Майно Дегатти, макая перо в чернильницу. – «Высший демон в качестве фамиллиара: достоинства и недостатки». Прежде всего, следует упомянуть, что тонкое тело высшего демона...

Не особо оно сейчас тонкое...

Твоя фигура – самое прекрасное, что только сотворил Кто-То-Там. И я здесь не такое тело имею в виду. И не подглядывай.

А почему мне нельзя подглядывать? Ты же не в туалете. Что ты там за крамолу пишешь? Покажи.

Да не крамолу!.. Я просто хочу сосредоточиться!..

Но это тоже в каком-то смысле продвинуло рабочий процесс. Волшебник сразу начал расписывать недостатки. Правда... они в основном оказались теми же самыми, что и с другими разумными, да и неразумными фамиллиарами. На них подробно останавливаться не стоит, потому что здесь все давно обсосано другими исследователями.

Одна из самых сложных вещей с фамиллиарами – установить рамки. Они все находятся в постоянной ментальной связи, но невозможно же все время пялиться друг на друга. Каждого из зверей приходится подолгу убеждать, что не на-

до круглосуточно подглядывать за хозяином.

Снежок по-прежнему иногда игнорирует эти запреты. Хотя он самый старый фамиллиар.

Но есть и недостатки, которые характерны только для демонов. У них очень могучая воля, и в связи с высшим демоном иногда возникает непонимание, кто тут главный. То ли ты поделился с ним кусочком души, чтобы он сохранял с тобой постоянную связь, то ли это он милостиво допустил тебя к некоторой власти над собой.

Все-таки очень, очень здорово, что они с Лахджой не только маг и фамиллиар, но еще и семейная пара. Дегатти представил себя в таких вот фамиллиарных отношениях с каким-нибудь другим демоном, не настолько родным, и аж содрогнулся.

Поэтому он написал, что в такую связь имеет смысл вступать только с кем-то очень близким и хорошо понимающим, что он будет вынужден провести с тобой значительный кусок своей жизни. Если не всю, поскольку волшебники бывают и бессмертными... но на этом мы подробнее остановимся в главе «Разделение бессмертной оболочки».

Не будучи связан с тобой эмоционально, подобный фамиллиар вполне может взбунтоваться и попытаться тебя убить. В отличие от обычного фамиллиара, он твою смерть переживет легко и абсолютно ничего не потеряет.

Ну как это абсолютно ничего? А кто мне ножки будет перед сном мять?

Не подглядывай!

Как думаешь, мне посадить перед входом глицинии или рододендроны?

Не знаю... решиай сама.

С другой стороны, обычная рябина радует глаз почти весь год... она всегда выглядит празднично и привлекает птиц! Как ты думаешь?

Я пытаюсь работать.

Работай-работай, я не отвлекаю.

Майно Дегатти уставился на лист, понимая, что безвозвратно потерял мысль. Да, это еще один недостаток. От фамилиара-жены невозможно закрыться... точнее, возможно, но будет скандал. Но это уже частный случай их пары, так что описывать его нет смысла.

Он все-таки не пособие по семейной жизни пишет.

Перо слишком долго висело в воздухе. Черная капля плюхнулась на бумагу, и ровные строчки скрылись под уродливой кляксой. Дегатти помянул Паргорон и дунул, одалживая способности енота. Бережно чаруя, он удалил только верхний слой чернил, убрал кляксу, оставив текст.

Давно он так много и долго не писал. Пожалуй, со времен магистерской диссертации. Преподавая, Майно Дегатти предпочитал экспромт и практические занятия, охотно делился со студентами личным опытом, а с некоторыми поддерживал связь даже после их выпуска. Ему всегда казалось, что кабинетная работа не для него... но это неожиданно ока-

залось интересным. И почерк у него все такой же безупречный.

Запястье, правда, с отвычки побаливает. Дегатти обратился мыслью к коту, и неприятные ощущения исчезли.

Да, понадобится время, чтобы снова войти в колею.

«Очень важно понимать, что демоны не являются злыми», – снова забегало перо по бумаге. – «Они не получают удовольствия от чужих страданий, как это часто ошибочно считается. Однако они и не способны сопереживать чужим страданиям, от чего и проистекает их жестокость. В отличие от человека, демон не скован моральными нормами и способен совершить любую гнусность, если извлечет из этого выгоду и сможет остаться безнаказанным. Также они без колебаний совершают гнусности ради развлечения, однако здесь мы возвращаемся к прежнему постулату: демоны не получают удовольствия от чужих страданий просто потому, что они демоны. Преступные развлечения присущи им не чаще, чем людям, просто следует помнить, что демоны в среднем более могущественны и чаще могут совершать преступления безнаказанно».

Да, за последние годы Майно Дегатти многое узнал о психологии демонов. Он постоянно общался с женой и даже слышал ее мысли... не все, конечно, иначе это было бы невыносимо для них обоих. А мыслей приемной дочери он не слышал, но этого и не требовалось – та ничего не скрывала. В каком-то смысле от нее Дегатти узнал о психологии

демонов даже больше, чем от жены – у него была бесценная возможность наблюдать, каким растет демоненок вне Темного мира, вдали от привычного окружения.

Более проблемным ребенком, чем средний человеческий, это да. Против природы не попрешь, кота морковью питаться не заставишь. Но могло быть гораздо хуже. Дегатти прочел кучу книг о демонах, которых пытались растить среди людей, так что знал, насколько все могло быть хуже.

Возможно, дело в том, что другие воспитатели демонят всегда совершали одну и ту же ошибку – относились к своим воспитанникам именно как к демонам. Как к злобным диким зверенышам, которых нужно укрощать и усмирять, которых следует наказывать болью, а в крайнем случае допустимо и прикончить, ничего страшного. Вот книга, что подарил Вератор... там именно такие советы, все сплошь о соблюдении осторожности, да о том, чтобы всегда держать под рукой печати и сосуды-поглотители.

Никто не пытался воспитывать демоненка, словно обычное дитя. Никто не относился к нему, как к собственному ребенку, никто сам не считал себя его отцом. Во всяком случае, Дегатти не нашел подобных примеров в истории Мистерии, а значит, его опыт и в этом достаточно уникален.

Хотя, конечно, растить маленького демоненка – тяжелое испытание... надо это упомянуть, кстати. К фамилиарству не относится, конечно, но тема монографии и так уже расширилась. Другим волшебникам наверняка будет интересно,

как дочь Майно Дегатти бегала по столам, пожирала столовые приборы, больно кусалась и лопала шоколад, пока тот не начинал сочиться из ноздрей... может, и правда, добавлять ей в пищу чертополох и куриный помет?

Хорошо хоть, сейчас она ведет себя тихо. Нет, плохо, конечно, что Астрид заболела, но как же тихо стало в доме!..

Интересно, как она себя чувствует? Надо бы посмотреть...

Из коридора раздался грохот. Похоже, Астрид выздоровела и опять начала что-то разносить. Дегатти уже собирался пойти посмотреть, но тут дочь вбежала сама, прижимая к груди охапку сокровищ.

– Я ничего не трогала, просто взяла свои вещи! – торопливо предупредила она отцовский гнев.

– Там не было твоих вещей, – сказал папа. – И моих тоже. Только старый хлам, который я потом разберу и выкину.

– Я сама разберу, – топнула ногой маленькая девочка. – Смотри, какие туфельки!

Дегатти осмотрел стоптанную обувь, смутно что-то припоминая. Да, точно... вот эта, кажется, от скороходных туфель, а эта от прыжковых. Это он и объяснил Астрид.

– Значит, на одной ножке можно быстро бегать, а на другой – высоко прыгать! – загорелись глаза девочки.

– Они вместе не работают.

– Ладно... а где две другие?

– А вот не знаю, – почесал в затылке папа. – Надо поискать.

кать.

Астрид бережно поставила некондиционную пару туфель в уголок, решив непременно найти недостающие, а если не получится – все-таки попробовать с разными.

Ну что страшного может случиться? Не пополам же ее разорвет.

– А это зачем? – спросила она, взмахивая волшебной палочкой и создавая точно такую же.

– Дай-ка посмотреть... а, это Копирующая палочка. Только старая и сломанная, поэтому копирует она только саму себя.

– А сколько раз она может себя скопировать? А копии копируют?

– Не знаю, давай проверим.

Следующие полчаса отец с дочерью увлеченно экспериментировали, завалив палочками весь пол и даже выстроив из них домик. Оказалось, что копии не копируют, к тому же они недолговечны – через несколько часов исчезают. Но Астрид все равно осталась в восторге.

– Палочка-конструктор! – воскликнула она.

А Дегатти подумал, не подточить ли артефакт с одной стороны. Тогда диаметр станет одинаковым, и стройматериалы для игрушечного домика будут удобнее. Можно и желобки сделать, чтобы скреплять их друг с другом...

Но тогда чары могут и пропасть.

Астрид подвинула стул и некоторое время смотрела,

как папа заполняет страницы буквами. Она решила, что в этом нет ничего сложного, попросила бумажку и записала несколько мудреных мыслей. Прочешь их, правда, могла только она сама, но от этого они стали еще мудренее, правильно?

Потом ей надоело. Она пересела в кресло, немного поболтала ногами, залезла в шкаф с книгами и достала свою любимую – Бестиарий. Читать его она не умела, но и не видела в этом смысла, потому что там на каждой странице были картинки. Сначала растения, потом животные, а потом разумные.

– Это синий дракон, это зеленый дракон, а это черный дракон! – листала толстую книгу Астрид.

– Молодец, – похвалил папа, не оборачиваясь. – Ты что, читать научилась?

Астрид посмотрела на него, как на дурака. Здесь же картинки цветные. Научился читать и не видит больше ничего.

– Хотя нет, не научилась, – сказал папа. – А то бы прочла, что они называются не синим и зеленым, а лазурным и изумрудным.

– Лазур-рные др-раконы! – проснулся попугай на жердочке. – Ср-редняя высота в холке – сор-рок локтей! Легко р-распознаются по голубому цвету чешуи и хар-актер-рным сомовым усам! В отличие от большинства пр-рочих пор-род др-раконов отличаются добр-рожелательностью и мир-ролю-бием! Самый известный пр-редставитель вида – Уль-Шаам,

пр-редседатель ученого совета Мистер-рии с 909 по 1335 годы!

– Вот! – радостно сказала Астрид. – Чтение не нужно!

Майно уставился на нее и вспомнил, как его воспитывал отец. Был бы жив дедушка Астрид... хотя он бы не признал ее своей внучкой... но был бы он жив, она бы уже сидела в подвале и плакала, прося позволить ей выучить алфавит или покушать.

Да, Гурим Дегатти был суровым человеком. Безжалостным к своим детям. Но в этом было определенное здоровое зерно – сын-то в итоге стал профессором и даже лауреатом. Не будь этого жесткого отцовского пригляда, раздолбай и лодырь Майно закончил бы свои дни в канаве – избитый, ограбленный и...

Лахджа!

Что?! Это твои мысли!

Это никак не может быть моими мыслями!

Дегатти вздохнул. Лахджа в саду тоже вздохнула. Она подумала, что сечь дочь – конечно, не вариант. Да и за что? Все дети любят играть, веселиться и дурачиться, а вот учиться – только некоторые, причем другие дети их обычно за это еще и дразнят.

Нет, нужен другой подход. Например, таки притащить с Земли компьютер, включать Астрид аниме с субтитрами, а когда та будет плакать, что ничего не понимает, сокрушенно говорить: «А, ну да, конечно, ты же неграмотная. Не по-

везло тебе».

Или читать ей интересную книгу, те же «Старые сказки», которые Астрид обожает, а перед самой концовкой сослаться на дела и так и не дочитать. Потом повторить с другой сказкой... с третьей... можно перейти к многотомному «Рыцарю Парифату», в котором каждая глава заканчивается клиффхэнгером. А попугая подговорить не давать ей никакой информации о финалах.

А у лоточников и в ресторанах не зачитывать ей, что есть в меню. Просто давать ей и говорить: «Ну что, Астрид, что будешь кушать?» И пусть смотрит в непонятные закорючки. Благо в Мистерии пока не догадались добавлять в меню картинки с блюдами.

Демоны – коварные существа.

Тебе не нравится план?

Нет, я восхищен. Так и сделаем.

А Астрид, даже не подозревая, что сейчас решается ее судьба, забрала Копирующую палочку и отправилась исследовать дом дальше.

Хотя неисследованным остался только чердак. Папа называл его словом «мансарда», но Астрид же видела, что это просто чердак. Он был вдвое меньше первого и второго этажей, находился в основном над прихожей и немного продолжался налево и направо.

Поднявшись по лестнице, Астрид решила, что тут будет отличная игровая, когда она все обустроит. Места полно, бе-

гай хоть целый день. Потолок высоко, крыша здесь изгибается. И светло очень, с одной стороны просторная лоджия, а с другой – балкон. Правда, все завалено вещами... старыми, пыльными и очень интересными вещами! Словно сказочная пещера с кучей сокровищ!

И еще тут были четыре двери – слева и справа. За левыми Астрид ничего интересного не нашла, просто еще две пыльных пустых комнатушки. А вот за одной из правых...

– Ай, привидение! – взвизгнула девочка.

– Ай, демон! – вскрикнул призрак.

Они настороженно уставились друг на друга. За правой дверью тоже была пыльная пустая комната, но все-таки не совсем пустая. Там был стол, был книжный шкаф, на полках лежали какие-то вещи, на столе – чистый лист пергамента.

А перед листом сидел растерянный человеческий старик с белыми бакенбардами. Астрид видела сквозь него и не могла четко различить лицо, но он тут точно был.

– Привет, – осторожно сказала девочка. – Я Астрид, а ты кто?

Воздух похолодел, стены покрылись изморозью. Волосы призрака поднялись дыбом, и из его уст вырвался загробный глас:

– Я Айза Дегатти, домашний призрак этой усадьбы. Мои кости лежат под фундаментом. Я уже давно чую присутствие нечисти!

– Это мы с мамой, – поковыряла пол туфелькой Астрид.

– Уходите!.. и не возвращайтесь!..

– Нет, – отказала Астрид.

– Уходите!.. это дом семьи Дегатти!.. демонам не рады тут!..

– Мы тоже Дегатти, – сказала Астрид, подходя ближе. – Я Астрид Дегатти, а мама – Лахджа Дегатти.

Призрак еще сильнее растерялся. Он поморгал, глядя на девочку, и спросил:

– А папа у тебя кто?

– Майно Дегатти.

– А. Это... меняет... дело... Можешь привести его сюда?

– Хорошо! – убежала вниз Астрид.

Увидев призрака, папа остолбенел. У него аж глаза на лоб полезли, с такой оторопью он тарачился на этого прозрачного старика. А тот тарачился на него, и был его взгляд полон... смешанных чувств.

– Мир тебе, дедушка, – наконец сказал папа.

– Мир тебе, внучек...

– А я не знал... что ты здесь. Ты прятался, что ли?

– Да. Почувствовал, что в дом проникло ужасное потустороннее зло, и скрылся в Шиассе, опасаясь за свой бессмертный дух... вот, вот, оно приближается!..

Да, по лестнице поднялась мама. Астрид бросилась к ней и радостно сообщила:

– Мама, тут призрак деда!

– Я не твой дед, – отказался от родства Айза Дегатти.

Майно вздохнул. Как-то не очень началось знакомство. Но он даже не подозревал, что дед все еще тут. Заглядывал в эту комнатку при мансарде, но там ничего не было... видно, старик уходил в астрал, прятался в своем саркофаге. А потом решил все-таки разобраться, кто заявился в его усадьбу, и потихоньку вернулся.

– Это твоя невестка, дедушка, – объяснил Майно. – А это... твоя правнучка. Не кровная, правда.

– Понятно, – стоически кивнул дед. – Знаешь, внучек, тебе повезло, что домашним призраком стал я, а не Гурим.

– Он там, наверное, превратился в друга и скребется в фундамент? – кисло спросил внук.

– Не удивлюсь. Ну что, как погоды в Паргороне?

Рассказывать пришлось долго. И про то, как Майно с Лахджой познакомились, и про то, как начали встречаться, и про то, как он... отбил ее у бывшего мужа, прихватив заодно и дочь.

И это многие детали внук еще опустил. Под насмешливым взглядом Лахджи он рассказал только костяк, основную суть истории, обойдя разные скользкие, неприглядные и просто слишком личные моменты. Ни словом, конечно, не упомянул и о некоторых своих знакомствах, которые дед бы точно не одобрил.

– Значит, из семьи девку увел, – прокомментировал дедушка. – Скандал.

– За что я ему очень благодарна, – потупила взгляд Лах-джа.

– Ты-то конечно, – вздохнул призрак. – А нам что теперь делать? Соседи небось уже кости моют. Старый Инкадатти там жив еще? Небось жив...

– Руны видел по дороге, – пожал плечами Майно. – Может, и жив... хотя это сколько ж ему уже, лет триста?..

– Четыреста с хвостиком. Он уже при мне древний был. Вот есть ли в жизни справедливость? Старый добрый Эбернетти давно в Шиасс ушел...

– Это дядя Локан? – припомнил Майно. – У него еще безразмерная корзина для грибов была?

– Он, он. Помер давно, хотя и не старый был совсем. Вдова потом поместье продала. А Инкадатти до сих пор небо коптит, старый друг... он на нежить больше меня похож!

– А когда ты его видел? – удивился Майно.

– Да он сюда ходит, дички собирать. Раз в луну стабильно заглядывает. И с ведрами раков я его видел... где он их нашел? Ходит тут как хозяин... а я что?.. я из дома выйти не могу. Грозил ему с окна, а он делает вид, что не видит, смородину демонстративно обрывает... старый теребун. Все он видит!..

Новости внуку не понравились. Старика Инкадатти он помнил с детства, и это был весьма неприятный человек. Незаурядный волшебник, профессор Скрибонизия и лауреат Бриара третьей степени, но сварливый, мелочный, подло-

ватый, жадный и на редкость сутяжный дедок.

Он ближайший сосед семьи Дегатти, их поместья соприкасаются, и Майно хорошо помнил, как они с отцом постоянно бранились из-за того, где чье дерево.

Отцу-то было наплевать. При всех недостатках Гурима Дегатти, его уж точно нельзя было назвать скрягой. Но беспардонный Инкадатти его страшно злил. Отцовские шершни постоянно летали дозором, чтобы соседка не смел даже шагу сделать на чужую территорию.

Инкадатти тогда еще страшно возмущался. Мол, чего ты, Гурим!.. Такой молодой, а такой склочный!.. И зачем бы это мне ходить по чужому поместью? А если дети ко мне придут – ты их тоже покусашь?!

Дети к нему придут. Какие накур дети? Все дети старика Инкадатти сошли в могилу еще до рождения Майно. У него в лучшем случае из правнуков кто-то остался.

– Я думал, его поместье давно уж наследникам отошло, – сказал Дегатти. – Я его лет... да лет семьдесят не видел. С твоих похорон.

– Ну, если только не помер на днях, то живет себе, старый храк, – хмыкнул дед. – Тоже сейчас небось, как я... затаился, поглядывает, кто там в усадьбу заехал. Небось помнишь, как он шпионил-то за соседями?..

Внук сделал кислое лицо, а Лахджа подумала, что надо бы и правда познакомиться с соседями. Тут, конечно, от усадьбы до усадьбы по километру топать, и все эти волшебники

старинных фамилий явно предпочитают без нужды друг другу не докучать... но все-таки ради приличий-то.

Но вот такой сосед ее не очень порадовал. Может, конечно, эти Дегатти сгущают краски, и у них на него просто зуб... ладно, рано или поздно они познакомятся.

Хотя дедушка Айза и огорчился, что внук связался с демонами, но дом пустовал со дня гибели его сына и невестки, и старик обрадовался, что в фамильную усадьбу вернулся внук, живой Дегатти. Причем с женой и дочерью, пусть и... хвостатыми. Уж лучше так, чем если все Дегатти разбегутся, растворятся и позабудут о корнях.

А что ребенок демонических кровей – так у этого и свои плюсы есть. Волшебный дар у девочки точно будет, а там, глядишь, и новые детеныши пойдут, уже кровного родства... дух пригляделся к животу невестки, с сомнением погладил подбородок, но спрашивать не стал. Если угадал, то скоро станет ясно, а если нет, то и нет.

– Да вы не переживайте, я тоже благородных кровей, – утешила его Лахджа. – Моя мама – Мазекресс, Мать Демонов.

– А я – внучка Мазекресс, – не пожелала отстать Астрид. – Я принцесса... я буду принцессой-волшебницей.

– Кхм... дед... а ты не знаешь, что здесь случилось? – осторожно спросил Майно. – Я, признаться, не знал, что ты здесь, ходишь как призрак...

– Не знаю, – виновато ответил старик Айза. – Я стал до-

машиним призраком уже после... того, что случилось. Дом был заброшен, кто-то должен был вернуться, чтобы присмотреть... от живых-то не дождешься.

Майно крикнул и отвел взгляд. Но немного подумав, спросил:

– А отца ты разве не встречал... там?..

– Ты же знаешь своего отца.

– А мать?

– И свою мать ты знаешь. Майно... если тебе так хочется узнать... ты же наверняка ходил на факультативы? Призови отца, да спроси сам. Здесь его дом, тут все пройдет легко.

– Я боюсь, что он меня просто проклянет, – честно признался внук.

– Да, есть такая вероятность, – согласился дедушка. – Ну а ты что ж, маленькая?.. Правнучка моя, выходит?

Астрид задумалась, а потом милостиво согласилась считать этого духа своим прадедушкой.

– А ты теперь уйдешь, раз в дом вернулись живые? – спросил Майно. – Не удержишься?

– Демоны живые с натяжкой. Они мертвы духовной смертью.

– Очень поэтично, – хмыкнула Лахджа.

– Я буду часть времени проводить в Шиассе, с моей Лурией, а часть – здесь, на чердаке, – пообещал дедушка. – Чую, этому дому еще пригодится дух-хранитель. Мои кости в самом центре фундамента... почти в самом центре. Еще

ближе к средоточию силы только старуха Гердиола... но она не захотела возвращаться. К тому же я тут новую книгу начал... вот...

Внук посмотрел на чистый лист. Он еще не слышал о книгах, написанных призраками, но все когда-то бывает впервые. А дедушка Айза при жизни был профессором Поэтаруса, института волшебников-литераторов, так что ему и карты в руки.

Лахджа переглянулась с мужем. Дед-привидение – это, конечно, экзотично, но он не самый необычный обитатель усадьбы. Астрид, вон, уже забралась на стол, щебечет вовсю, набивается к прадедущке в соавторы.

– Девочка, я замыслил глобальный труд по истории магии Мистерии, – сопротивлялся тот. – Планировал еще при жизни, но так и не приступил. Чем ты сможешь мне помочь?

– Всем! – воскликнула Астрид.

– Астрид, но ведь для этого надо уметь читать и писать, – жалостливо сказала мама.

Астрид медленно обернулась. В ее глазах отразилось неверие.

– А она что, не умеет?.. – удивился прадедущка.

– Ей четыре года.

– Правда?.. выглядит скорее на шесть... и разговаривает так толково... я думал, ей шесть-семь. А ей четыре, она даже читать не умеет... тю-ю-ю... девочка, слезь со стола, столы только для грамотных.

Астрид послушно слезла, потому что правила есть правила, и ничего тут не поделаешь, даже если обидно. Но губы у нее задрожали.

– Хочешь, я научу тебя читать? – предложил прадедушка.

– Ладно... я подумаю, – отвернулась Астрид.

Глава 8

Лахджа измеряла свою территорию. Удлинила ноги так, чтобы шаг был ровно в пять метров, и переступала таким жутким, но прекрасным журавлем.

От ворот усадьбы до парадного входа, значит, двести метров с хвостиком. Сразу за воротами дорога расходится в трех направлениях – с восточного они сюда прибыли, западное пока не исследовано, а южное вспашек через десять приведет к собственно Радужной бухте и Радужницам, приморскому курортному поселку, вокруг которого и раскинулись все эти поместья старых волшебных династий.

На город Радужницы не тянут, там почти исключительно лавки, постоянные дворы, развлекательные заведения и местная администрация. В поселке заканчивается маршрут големического омнибуса из Валестры, и в нем есть больница и начальная школа, что Лахджу особенно порадовало, потому что Снежок, конечно, вылечит что угодно, а Матти, девушка Айза и ее муж обеспечат отличное домашнее обучение, но все равно хорошо иметь альтернативу.

И обочина дороги все еще относится к поместью, но уже сама дорога – ничейная, потому что проходит через всю Радужную бухту. Причем это так называемая Вечная дорога. Такие прокладывали в незапамятные времена Парифатской империи, и они были такими хорошими, что некоторые со-

хранились даже спустя четыре тысячи лет.

Лахджа решила посадить вдоль изгороди березы, рябины и кедры. С помощью Ме Флоры она сможет ускорить их рост, и уже через годик тут будет тенистая аллея. Кедров будут по-дальше от усадьбы, а рябины поближе, чтобы можно было любоваться ими даже с первого этажа.

А то прямо сейчас тут только дикие кусты... правда, встречается лещина, ее жалко. Лещину надо оставить.

А вот глициниям и рододендронам здесь не место, пожалуй. Как-то не будут они тут смотреться, лучше высадить их вокруг пруда. Прудик она уже почистила, привела в порядок и освежила. Немного помогал енот, но еще больше неожиданно Снежок, среди способностей которого было обеззараживание. На дне накопилось много застарелой скверны и остаточных чар.

– Пруд-то они тебе не почистили, – заметила Лахджа, заставляя островок с ивами вздыбиться.

Что?..

Кустодиян, говорю.

С чего они должны были его чистить?

С того, что теперь это делаю я.

Здесь будут карпы. Или тритоны... может, аксолотлей завести? Интересно, какого вида рыбка-фамильяр? Об этом речь как-то не заходила...

Мистерийский декоративный карп. Мне его подарили друзья на день рождения. У него есть естественная магия – он

меняет размер под размер водоема.

Мистерийский декоративный карп, значит... Интересно, с какой живностью он сочетается?

Со всеми.

Это подала голос сама рыбка. Она редко звучала в их фамилиарном... мыслечате. Лахджа расспросила ее подробнее о предпочтениях и оказалось, что рыбка неплохо будет уживаться со всякими креветочками, улиточками...

Ты их просто сожрешь, да?

...И симпатичными самочками мистерийского карпа... но можно и карпов других пород. Я не расист. Но самцов не надо.

Вот сразу видно, чей ты фамилиар.

Эй! Имеет право!

Лахджа решила, что креветки все равно здесь не приживутся. Если только в Мистерии нет каких-то пресноводных...

У нас есть.

У вас есть пресноводные кре... это ж морские обитатели.

Почему это? Это не твой родной мир, у нас есть и пресноводные.

Кр-ра-а, на стр-ранице Земля тоже есть пр-ресноводные кр-реветки!

Правда?.. Не знала. Почему твой попугай знает о моем мире больше меня самой?..

Это общеизвестная информация, кр-ра-а!..

Когда я посещал твой мир, то был в библиотеке и прочел несколько книг по философии и естествознанию. Половину я уже забыл, признаться, но Матти не забывает ничего.

Кр-ра-а!..

Какое-то это было очень самодовольное «кра-а!». Но ладно, раз на Парифате и неожиданно для Лахджи на Земле водятся и пресноводные креветки... то можно и креветок. Демоница оценила размер пруда и решила уже этой осенью посадить растения, потом сразу же заполнить водой... можно дожидаться начала дождей, а потом пускать живность.

Так, а замерзают ли водоемы Мистерии зимой? Лахджа уже знала, что зимы тут короткие и теплые, снег лежит всего две луны в году, но что насчет водоемов?

Они могут подернуться корочкой. Но мистерийский карп хорошо себя чувствует в холодной воде.

То есть подогревать необязательно. Это хорошо, Лахджа не хотела создавать тут своим Ме микроклимат.

Ну вообще... лучше подогревать чуть-чуть.

Это снова сказала рыбка. Лахджа подумала, что как-то неправильно звать ее просто «рыбкой» и решила хотя бы в собственных мыслях дать этому карпу имя. Например... ладно, потом придумает. Никакие рыбы имена в голову не лезли.

Природа Радужной бухты радовала демоницу несказанно. После Паргорона, который мог быть очень жарким и засуш-

ливным или очень темным и влажным, не зная никаких полумер, юго-запад Мистерии казался эдемским садом. Лахджа прошла через боковую калитку и с удовольствием гуляла по лесу, раскинувшемуся к северо-западу от усадьбы.

Особенно приятно было это делать, сознавая, что вся вот эта земля, все эти деревья, кустарники и грибы – ее собственность. От самой изгороди и еще метров на триста вон в ту сторону – ее личный кусок леса. И уж грибов-то тут полно, Лахджа уже убедилась. Она вырастила на локте объемистую сумку и принялась собирать первосортные рыжики и лисички... о, белый гриб!..

Рука демоницы протянулась к нему... и почти столкнулась с другой рукой. Из-за дерева вышел плюгавый старичок с добрым морщинистым лицом. В одной руке он держал полную корзину, а в другой – нож.

– Ой, – сказал он при виде Лахджи. – Уступите старичку?

– Конечно, уступлю, у вас же нож, – пошутила демоница. – А вы кто?

– Берде Инкадатти, профессор, к вашим услугам, медам, – говорил волшебник и немного пяtilся, пристально рассматривая ее ауру. – А вы... вы почему не в круге? Кто-то неудачно призвал?.. Я лауреат Бриара, предупреждаю.

Нож в его руке немного трясся.

Вообще, мистерийские лауреаты Бриара, даже третьей степени, примерно соответствуют и даже немного превосходят высших демонов. В том, что касается личного могуще-

ства. Если выпустить один на один ее мужа и случайного го-херрима... ну скорее всего Майно победит. Но придется ему несладко.

Но в любом случае встретить высшего демона вот так в лесу неприятно даже лауреату. Это как со злой собакой на лесной тропе повстречаться – может и кондрашка хватить. Особенно если ты старенький и не очень воинственный.

– Да вы не переживайте, у меня паспорт есть, – успокоила соседа Лахджа.

– А!.. а я уж подумал, вдруг... вдруг юный Пордалли опять призвал какую-то суккубу, да она его и задушила... они у него знаете, какие? Я вот знаю. Я ему все время говорю, доиграешься ты, доиграешься!.. Все время шлюх к себе из-за Кромки водит! А еще семейный человек! Я уж сколько жалоб подавал, а мне все отписки, отписки!.. ну вы знаете, эти уж в Кустодиане... они и сами поди суккубов любят.

– Я не суккуб, – сухо сказала Лахджа. – Разве я похожа на суккуба?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.